

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

выпуск III

Студенческий литературно-художественный альманах
ЛИТО ЛЭТИ

*Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

(В. С. Соловьев)

«РЕНОМЕ»
Санкт-Петербург
2007 г.

**ББК 84 Р 7
З 801**

Редакция:

Выпускающий редактор – Юрий Королёв

Художественный редактор – Валерия Смирнова

Цензор – Алексей Королёв

Дизайн обложки Валерии Смирновой

Вниманию господ авторов.

Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т. д. и т. п. в альманахе «Золотая нить» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@mail.ru

Золотая нить: – СПб.: ИП Генкина А.Д., 2007. – 336с.

Ежегодный альманах ЛИТО ЛЭТИ включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов ЛЭТИ и других членов ЛИТО. Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А. И. Михалевич (поэт, член Союза писателей С-Петербурга).

Альманах предназначен для широкого круга студентов и преподавателей всех учебных заведений без исключения.

Материалы в рубриках расположены в алфавитном порядке по авторам.

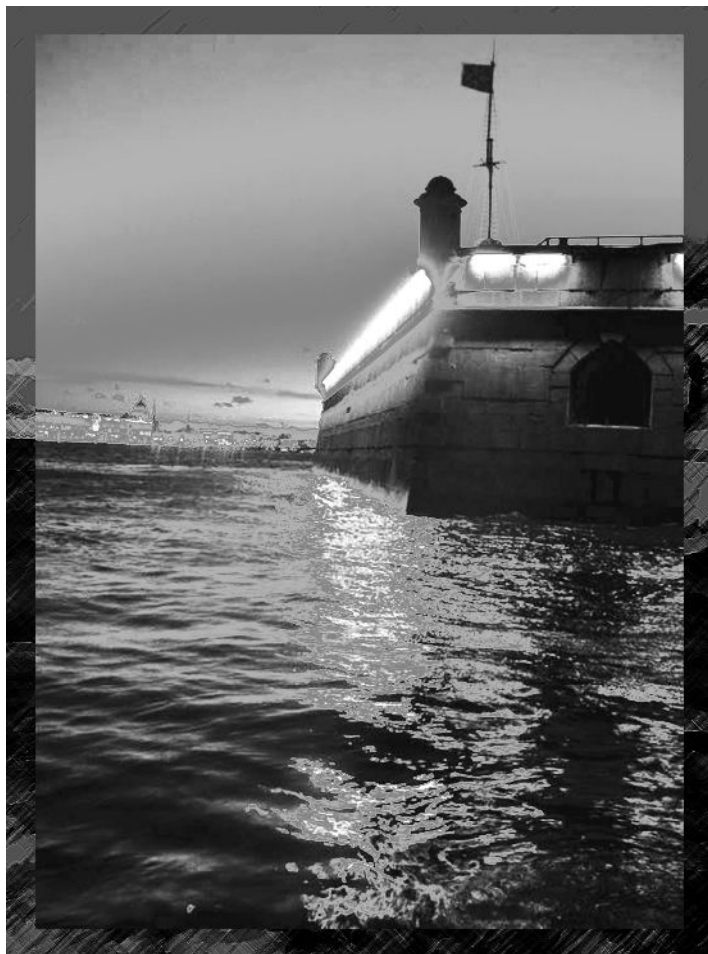
ISBN 978-5-98-947-063-1

© Права на тексты принадлежат авторам

© Права на иллюстрации принадлежат авторам

© «Реноме»

Коллективизм по природопользованию

Работа Юрия Королёва

Валерий АЙРАПЕТЯН

Нева близка, как черный небосвод,
как слезы в задушевной песне.
И, как молва о девственной принцессе,
шумит фата ее пугливых вод.

Проснувшись утром и начав молитвой
свой новый день, передвиженьем ног
иду к реке. Волнующейся гривой
она зовет переступить порог

осеннего непостоянства вод
и зимнего отсутствия забот.
Здороваясь, и говорю: «сестра»
набрав воды не более ведра.

Спешу назад, убитый красотой,
сажусь за стол и складываю песни –
бесцветные и блеклые, как плесень
в сравнении с не пишущей Невой.

Дарья БЕРТОВА

Город, притаившись в ночи,
Суд вершит над чьей-то судьбой;
Так гранитный выдумщик – злой
Мне над ухом шепчет: «МОЛЧИ...».
Сердце хладным страхом скуёт;
В серые нарядит одежды;
В бесконечном мраке – надежды –
Ждут... когда придёт их черёд...
Каменный Тиран – мне
Тоже хочет сердце сковать,
Серыми тенями сравнять,

Душу заключить в небытьё...
Смогом он стирает лицо;
Дымом выхлопным – сдавит глотку...
И сомкнётся страха кольцо –
Город – обречённых... пить...
Водку...

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Василеостровское

*...Черная Смоленка
Текла спокойно под последний мост.
Эн Н. (Энская)*

Опять наш старый близится маршрут.
И ветхая Смоленка – мини-Лета –
Тихонько огибая наше лето,
Вползет в Залив.... На рану – крепкий жгут.
И крест – на прошлое... Укромными дворами
Срезает путь солдатик-тамагочи.
Я, улетаю в небо белой ночи,
Слежу за ним.... Как будто по программе
Намечены все пункты назначения
Плюс камуфляж на сердце торопливо...
Но неуклонно к Финскому заливу
Стремится отрешенное течение.

Ксения БУРЖСКАЯ

Таков мой город зимой:
Острые словечки льда сломанного
На Обводном,
Ругань ветра сиплого...
Не подскажете, как пройти в Капеллу?
Прямо, до поворота, а там –
Налево. Спасибо!

С Невского –
Два оборота кольца
До моего (маршрут от Новаторов).
А мне уже хрипло,
Даже после глинтвейна,
И липкими лужами площади
Испещерены, как экваторами,
Дама в метро в шубе каракулевой
Заняла два места с букетом
На эскалаторе –
Такая нагрузка.
Не подскажите где Аврора?
Пожалуйста: вдоль по набережной.
Катастрофа: не попасть в Русский.
Понаехали. А там Врубель.
Но сейчас все к культуре тянутся,
Билеты только в цирк. А он, что же –
Не искусство?
Зубрами дома вставали новые.
До чего нескладно:
Здесь, конечно же, тоже что-то
Построят. Со львами, к примеру.
Или рисованными атлантами.

Юлия ВЕРТЕЛА

Хрущевки

Маленькие норки: на окошках шторы,
На дверях защелки – вот тебе «хрущевки»,
Но какие масти! Но какие пасти!
И в квадрате страсти – на квадратный метр!
Но какие фасы! Но какие гласы!
И в квадрате массы – на квадратный метр.
Здесь любовь в квадрате и в квадрате смерти,
Здесь вся жизнь в квадрате, вы уж мне поверьте.
Я бы так сказала: «хрущ» – для экстремалов...

В нем всего навалом, только метров мало.
В нем экстрим – на кухне и в постели – тоже,
В нем и еж опухнет, в нем и йог не сможет...
Но живут в квадрате радостно до слез
Папа, мама, братья, бабушка, дед и пес!!!

Олег ИЛЬИН

Мне повезло. Мне утр ранних солнце
Сияло радостно, протягивало руки.
На Невском отблески, толпа людей, добука,
С похмелья бродит одинокий бутерброд.

Санкт-Петербург, умытый ранним утром!
Как много прелести живет в его решетках,
Как много тайны скрыто во дворах!

Коль есть сноровка, то на комарах
Здесь можно покататься (Вы не против?)
Настанет лето – так лови и запрягай.

Юлия КИРИЕНКО

Чёрно-белая трагичность...

Чёрно-белая трагичность Питера,
чёрно-белые каналы и мосты...
Вот таким во снах его увидела
и такому признавалась я в любви.

Чёрно-белые дожди над пропастью
грустных мыслей... страсти бьют в виски.
Бело-чёрная гуляет молодость
по проспектам Города тоски.

Работа Ксении Казаковой

Антонина КАРИМОВА

Близорукие фонари,
Как старушки, нагнулись к дороге,
Смотрят прямо под ноги,
Что-то ищут до самой зари,
А под утро вздремнут,
Опершись на клюку-невидимку,
С тишиною в обнимку
Наш покой стерегут.

Алексей КОРОЛЕВ

Полукруглый мостик в ботаническом саду

Альбомно-милая картина!
Перил зеленая рутина,
Ажурный дуговидный мост
К ручью подснежному примерз,
И корень – павианий хвост –
Пустил под снег и в землю врос.
А там, где снегом скрыта тина,
Вороньих лапок паутина.

Юрий КОРОЛЕВ

Лезвие крыши

Кончается бутылка «Сапери»,
Движение крови замедляет лень,
Стальное небо все сильнее давит,
Мне тяжело, пора бы сбросить тень.

И тьма спасается от лунного радара,
Я смотрю на огонь твоих черных глаз –
Это белая ночь отразилась пожаром,
Тишина обглаживает кости фраз...

И только нежное биение любви
Я чувствую невооруженным телом.
Скорей же, ветер! Воду оживи –
Фонтанка неприлично обмелела...

И по убитому сырой землей каналу
Медлительно плывет фантом волны,
Седые сфинксы внемяют сигналу
От посмертной маски луны...

Древний воин храпит в темной нише,
Ему снится романтический майдан,
Духи бродят и бродят по крыше,
Помня все: кокаин, декаданс и канкан.

А я как тот оловянный солдатик...
Готов сейчас растаять от любви,
На дне колодца зеленеет садик,
И там кого-то мочит херувим...

Алексей ЛОТОЦКИЙ

Петру

Как ты там,
в Тонущем городе?
Приказав колоколам
похоть войн
и переплавив бороды,
ты поёшь. Огонь
менУэт дам.

Кто с тобой
в Заячьем городе?
ГОлем оживив водой,
северной земли
носимый голодом,
Дерева и плоти ГОлем твой.
Корабли.

Где ты здесь,
в Надмирном городе?
Сын твой растерял чуть спесь.
Он красив и любит дам.
Много курит.
Да, он снова Петербург.

Говорит,
ты хотел быть наверху –
выстроил Адмиралтейство –
Что ж, теперь ты там.
Хм...
Загуляло по векам
вечное семейство.

Антон ПОГРЕБНЯК

№2

Санкт-Петербург, погребён под отбросами
Купол расколот на глыбы гранитные
Лужи зеркальные, стёкла безликие
Стены промозглые, крыши хрустящие

Птицы хрустальные спят под заборами
Тянутся в небо кирпичные щупальца
В скользкое небо цвета блевотины
В городе – новая революция

Рубят деревья, пеплом покроются
Слоем культурным очкастые лысины
Будут вздыхать об утраченном времени
Лопнут химерами кухни хрущёвские

Грязная пена развеется по ветру
Кто-то с балкона нагадил на ближнего
Кто-то заполнил почтовые ящики
Криками чаек и жёлтыми листьями

Кто-то читает кому-то нотации
Кто-то считает на небе созвездия
Кто-то зарезал старушку-процентщицу
Кто его знает, что скажут по радио...

Санкт-Петербург, погребён под алмазами
Шпили дворцов осыпаются в омуты
То ли похмелье, то ли бессонница
Призрачно всё в этом мире бушующем.

Максим ШВЕЦ

Город каменных львов,
вечных сфинксов и медных коней;
продувная столица,
забытая новой элитой;
где на окнах моих
по ночам пантомимы теней
представляют в китайском театре
фонарные блики...
Город сонных каналов
и белых ночей восковых,
и гранитных колонн,
и блестящих, как слава, фонтанов;
где на мрамор дворцов и узорный чугун мостовых
ветер западный с моря соленую пыль наметает.
Город нежных богинь,
невесомых решеток сквозных,
и дворов проходных,
и летящих, как небо, соборов;
где бодрят круглый год
острый воздух и свет белизны,
как любовь без ответа,
трескучий мороз,
сумасшедшая скорость.

На экзамене: Кто виноват?

Работа Валерии Смирновой

Валерий АЙРАПЕТЯН

студент ЛГОУ им А.С. Пушкина

Ходок

(история одного сна)

14 июля

Все опять по-прежнему. Ведут. Двое спереди, один сзади. Кто будет стрелять? Верно, тот, что сзади. Небось, приглядывается к затылку. Интересно, как ему мой затылок? И, почему этот вопрос не приходил мне в голову раньше. Мой затылок, спустя десять минут расколется, словно переспелый гранат, потому и думаю лишь о затылке.

За-ты-лок – слово, напоминающее откупоривание бутылки, именно в момент, когда пробку разлучают со стеклянным горлышком. Парень, тот, что сзади, делает обратное...

15 июля

Я пошел в видеопрокат: взял две комедии. Просмотрел перед сном одну за другой. Смешно. Когда лег, вспоминал моменты из фильмов и улыбался, а потом в самый смешной кадр вошли те, трое. Взяли невесту куда и повели меня.

Тропа, лес, и откуда-то голос радио. Передают погоду. Говорят, завтра дождь, который я не увижу, но который, вероятно, окропит мой труп. Интересно, вода, затекшая в прострелянный затылок, проникнет через шею в грудь?

17 июля

Я пошел на работу. Работать не хочется – завишу от сна очень! Как не досплю, так все из рук валится. Но стараюсь устать, как можно сильнее, чтобы прийти и вырубиться. Дай Бог, чтоб сил не хватило и зубы почистить.

18 июля

Я пошел, вернее, поплелся на работу. Думал, что хоть эту ночь посплю, как человек. Но не тут то было. Пришел вчера с работы, замученный, как кочегар с третьей смены, поел вкусно, чувствую, глаза наливаются волшебным свинцом. Добрел до кровати. Жену предупредил, чтоб ни света, ни звука! Лег. Чувствую, как уже засыпаю. Слюна сладко загустела, рот приоткрыт, в ушах ласковые волны... И вдруг опять!

Дошли до поляны, те двое осматриваются. Я оборачиваюсь к тому, что сзади и ловлю на себе его презрительный взгляд. Точно уж, перед тем, как меня прихлопнуть, доказывает себе, что я отъявленная свинья. Ну, что же, такова, видать, его участь. Двое других медленно подходят ко мне. Один из них обходит меня и бьет прикладом под коленку. Второй, навалившись на мои связанные за спиной руки, прижимает меня к земле. Надо мной шумит лес. Верхушки деревьев покачивает вправо – влево, вправо – влево, вправо – влево. «И вы прощайте» – произношу я, расшифровав последний символ покидаемого мира, посланный мне прозревшему за секунду до смерти. А сколько знаков я упустил, сколько символов проплыло мимо меня на картонных коробках собственной глупости? Боже, я слышу взвод ружья. Верно это тот, что сз... .

19 июля

Я пошел. Не на работу. Так продолжаться больше не может. Я устал, и мне нужна помощь. Вчера уже заглянул в глаза... Ну ее... МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ! Но к кому пойти???

22 июля

Я пошел к психиатру. Пожилой мужчина, с легкой асимметрией в лице, по которому беспардонно прошла тяжелая жизнь. Глядит на меня и подозрительно улыбается, словно хочет сказать: «Ну, я же говорил тебе, что поймаю тебя. От меня не уйти». Спустя минуту, я обнаружил, что левый глаз у него дергается, а

нога в одном ритме с глазом постукивает по полу. А когда он заговорил, еще и дефект речи на «Р», а через слово произносит «ДЭ».

– Ну, что дэ у вас, милейший, дэ за плоблема?

– Видите ли, – говорю ему я – ведут меня ночами на расстрел. Страшно очень.

– На ласстлел значит? Дэ. Холошо, холошо, – и кивает головой все, и глазом дергает, и ногой пристукивает – ласказывайте дальше.

Ну я и лас... фу ты рассказал, все как есть. А он все дэ-кает, кивает головой, да дергается.

– У вас милейший дэ – болезнь..., – сказал доктор, дослушав меня до конца и перестав трястись (наверняка, озвучивание заранее вынесенного диагноза – любимый момент доктора), – необходима беседа с лодственниками, – и похлопав меня по плечу – необходима, дэ госпитализация.

«Дэ пошел ты!» – думаю я и молча выхожу из мрачного кабинета. Доктор выбегает следом за мной.

– Куда вы милейший? Шизофления, дэ это сельезно, очень сельезно дэ! Я плопишу вам холошее лекалство!

– Спасибо доктол дэ, – кричу я ему с лестницы – лекомендую вам вести плиемы больных под хип – хоп, дэ – ваши делганья, как лаз попадут в такт!

– Хам! – пищит доктор.

– Придурок! – парирую я, на ходу.

Ночью опять вели. Тот, что сзади, ткнул меня ружьем в левую лопатку. «Выстрелит!» – молнией пронеслось у меня в голове. Не выстрелил. Скотина.

24 июля

Я пошел к психоаналитику. Толстая дама, с жабьими, как у госпожи Блаватской глазами и улыбчивым ртом радушно встречает меня у порога и проводит до кабинета. Ложусь на кушетку, свет приглушен, окна зашторены. Рассказываю ей о проблеме. Потом о детстве, потом о первом сексуальном опыте, о матери, об отце, о старшем брате.

– Когда вас ведут на расстрел, что вы чувствуете? – спрашивает меня доктор, сидя у меня в изголовье.

– Конечно, страх! Острый, животный страх. Что я еще могу почувствовать, когда меня вот-вот расстреляют?!

– Понятно, а теперь ... – зазвонивший в соседней комнате телефон обрывает ее – простите, я на секунду, простите.

Извинившись, женщина встала и вышла из кабинета. Я привстал и потянулся назад, чтобы заглянуть в блокнот, по которому она в процессе моего рассказа иногда чиркала, и читаю: «шизоид... неизжитые оральные рефлексy, интроекция отца..., Эдипов комплекс..., комплекс кастрации». От прочитанного у меня мурашки по спине, открываю дверь и бегу, мимо психоаналитика – стоящей в углу, с открытым ртом и прижатой к уху трубкой. Выбегаю на улицу. Бегу по дороге и шупаю яйца. На месте. Нет, не кастрация.

Те, что сзади смеются. А если убежать? Кругом лес, а руки связаны, если упаду, то догонят и заколют штыками. Уже представляю себе звук, начинающего ржаветь штыка, который проникает в плотную печень, с нежным, немного влажным хрустом. Нет, не побегу. Воздух такой чистый и мир весь, мир, какой-то помытый и свежий. Почему я не наслаждался всем этим раньше? Почему не ценил это? Не понимаю. Нет ответов. Нет!

26 июля

Я пошел к экстрасенсу. Свитер у него, с нереально огромным горлом, похож на скафандр. Выложил все, как на духу. Я рассказываю, а он глаза все шире и все ко мне медленно, так, подходит. Я кончаю свою историю, и он тоже останавливается. Я молчу.

– В вашем поле, – говорит он вкрадчивым голосом, продолжая двигаться в мою сторону – дисхронизированные временные искажения. Одним словом, вы обитаете и там и здесь. Это диффамационная провокация Альфа – Центавры. Ну, уж эти цилиндroidы, перенесшие коллапсацию! Вы инопланетянин, шипит он, и подходит ко мне, и еще немного, залез бы мне в рот, словно Запашный в тигриную пасть.

– Вы – инопланетянин, – повторяет он, будто египетский жрец – и провокаторы уже в вас, вы слышите, провокаторы уже в вас!

И все повторяет, да голосит, как заклинание, и все ближе подходит ко мне. Я срываюсь, и что есть мочи бегу, сметая по пути табурет, с какой-то странной пирамидой на нем. Выскакиваю на площадку и, перелетая целые лестничные пролеты, несусь вниз. Оглядываюсь. Никого.

– Вот псих, – еле дышу я – вот псих!

Спотыкаюсь и падаю. Двое подходят и, не прекращая разговора, один из них бьет меня сапогом по бедру. Я встаю, не чувствуя обиды. Я вообще ничего не чувствую, кроме страха – такого всепоглощающего, избыточного и насущного, что сам страх растворяется в себе и становится мною.

27 июля

Я пошел к бабке. Бабкой оказалась, ядреная, сорокалетняя, с нарумяненными щеками, пышнотелая дама, с тенденцией к наложению косметики вангоговским мазком.

– Сглаз на тебе, сынок, – обращается она ко мне, к здоровенному, тридцатипятилетнему мужику – вижу, близкий навел. Ну, это мы исправим.

– Меня, видите ли, во сне на рас... – не успел я договорить, как она, одним шагом оказавшись рядом со мной, прикрыла ладонью мой рот.

– Знаю, знаю. На рассвете, ты, сынок встаешь и не уснуть. Сглаз, сглаз. Сейчас снимем.

Я замолчал и покорно сел на предложенный мне табурет. Жду. «Бабка», зашла за бордовую ширму и вышла оттуда с двумя косынками перекинутыми «а-ля гарсон» через руку. Повязала мне черную косынку на голову, а сверху белую. Посыпала солью, потом перцем. Наложила мне на голову руки и давай трястись, да глаза закатывать. А потом, как ни начала рыгать и зевать. Все рыгает, зевает, глаза закатывает, трясется. Я испугался, думал приступ ее сейчас схватит. И только я подумал, как она разом перестала дергаться, рыгать, зевать и вперила глазами в меня.

– А теперь, сынок, закрой глаза, – велела она отеческим тоном.

Закрыл. А она мне, как в левое ухо не кукарекнет из всех сил, а потом по правому, как не заедет ладошкой – я аж на стуле подскочил.

– Ну, сынок, – заявила она, снимая с меня косынки со специями – нету не тебе сглаза. Чистый ты.

А потом добавила:

– Нравишься ты мне – поэтому с тебя... семьдесят долларов, а это, – достает из кармана маленький калькулятор – по сегодняшнему курсу, гм, гм – две тысячи двадцать шесть рублей. Двадцать шесть прощаю, с тебя, сынок, две тысячи ровно. Спать будешь крепко и рассветы тебе не страшны.

Расплачиваюсь и выхожу на улицу, а в ушах все петухи кукарекают. После снятия сглаза тот, что сзади, врезал мне прикладом по затылку. Я даже не обернулся. Увидел белку, бегущую по сосне. В первый, и наверное, в последний раз я завидую белке, тому, что она животное.

28 июля

Я пошел к невропатологу. Правое ухо до сих пор красное, блин! Вошел в кабинет, а он пишет и на меня не смотрит.

– Здравствуйте доктор, – начинаю я нерешительно, пытаюсь обозначить свое присутствие.

– Здравсьте, садитесь, – отвечает док, не глядя в мою сторону и указывая на стул, – говорите.

Ну, я ему уже заученным текстом.

– Успокаивающее...

– Пил! – отрезаю я – не помогает.

– Двигательный реж...

– Как юла... Целый день... Устаю, с ног валюсь. Не помогает, доктор.

– У психиатра не...

– Был! Сказал, что... я дэ... здолов.

Доктор посмотрел на меня так, словно для разрядки глаз глянул в стену, и продолжил писать:

- Сходите к другому.
- Спасибо доктор за... помощь.
- Следующий!

Тот, что сзади решил подшутить и выстрелил в воздух. Я замер. Вся Вселенная скаталась в клубок и спряталась у меня в пупке. И пока бытие отплясывало на летящей в никуда пуле свой ведический танец, все трое громко смеялись, а я стоял и плакал, как дурак. Навзрыд.

1 августа

Я пошел к кришнаитам. Все худые. Все рассказал. Меня отвели к самому тощему, и самому лысому с крошечным хвостиком на затылке. «Наверное главный» – подумал я, улавливая особую учтивость к нему его сподвижников. Он был так бледен, что я невольно поставил ему диагноз: аскаридоз. И сам он как-то походил на аскариду. Но у вегетарианцев глисты, говорят, редкость, поэтому я остановился на недоедании. Парень выслушал меня и говорит:

– Все от прошлых жизней. Карма у тебя такая. Может быть, в позапрошлой сам стрелял в людей, а в прошлой в тебя стреляли, в этой жизни для отработки тебе дана духовная скорбь.

«Главный» потянулся к подносу, с красиво разложенным на нем печеньем.

– Возьми и поешь. Это прасад – предложенная Кришне пища. Она исцеляет.

Попробовал. Вкусно.

– И еще, – продолжил он – приходи к нам. А пока, вот тебе четки, вот мантры. По тысячу раз в день перебирай четки и читай мантры. Мясо не есть, рыбу не есть, яйца тоже не есть. Спиртного не пить, ничего не курить, не сквернословить. И никакого секса! И все пройдет.

– Да-а-а... Так уж точно все пройдет, – протягиваю я.

– Помни: ты не тело – ты душа! – торжественно заключил слуга Кришны.

– Да я вот, еще тело, – говорю я, поглаживая вздувшиеся под футболкой бицепсы, – а вот ты, парень, похоже, уже душа.

«Главный» не ожидал такого поворота событий, и как мне показалось, обиделся. Он вытянул, показавшуюся мне неестественно длинной шею, а с нею вместе и подбородок.

– Спасибо за угощение. Четок и мантр не возьму, – вежливо кланяюсь я.

Тут, словно вспомнив о своей духовной миссии, «главный» оживился.

– Приходите на лекции. Мы откроем вам свет истинного учения.

– Нет, спасибо, добрый человек. Мне бы поспать спокойно. И, чтоб не стреляли.

4 августа

Я пошел в церковь. Люблю ходить в церковь, но бываю там крайне редко. Запах ладана, пресные лица святых на иконах, в которых, кажется, вся соль Вселенной выстрадана, да намолена. Батюшка неторопливый, с красивым брюшком, в уголках рта слюни. Глаза чистые, постные. Руки сухие, теплые. Из рта пахнет мятным чайком. Бородка жидкая, но не клочками, оформлена и причесана. Светлый человек. С Богом. Выслушал меня, очень терпеливо, а потом, взяв мою ладонь, мягко произнес:

– Недуг у тебя духовный. Попостись три дня, на четвертый приходи на утреннюю службу, исповедуйся, причастись. А на ночь Псалмы Давида читай и молись.

– Спасибо, батюшка.

– Иди с Богом.

Те, что спереди, посмеиваются над тем, что сзади. Дразнят его. Из насмешек я расслышал только, что того, что сзади, отшила какая-то баба, которая всем и без разбору, а ему пощечину. Тот, что сзади, скалится, огрызается и оправдывается. Говорит, что и за орден бы с ней не лег бы – страшна, мол, очень.

– Что ж ты на коленках-то ползал и просил, чтоб дала?! – не унимаются те, что спереди.

– Не ползал я! – обидчиво оправдывается голос за моей спиной, – а ты иди смирно, падло, и нечего тебе в лес паяться.

«Понимаю тебя, приятель, – проносится у меня, – на кого же еще сорваться? Только на меня и остается. На человека, которого нет. А может, никогда и не было».

8 августа

Я пошел в церковь, как и положено после поста. Отстоял утреннее Богослужение. Очень вдохновляет. Покаялся во всем. В том, что родителей не почитал; что сквернословил; что в молодости своей потреблял женское продовольствие, как пищевое: все и помногу, а потом бросал; что предавал; что хулил на святых, Церковь, Бога и Христа; что бил слабых; унижал униженных, ради лишь того, чтобы быть причастным к торжествующему большинству; что пил и блевал; что завидовал и жаждал убить; что кромсал вены; что участвовал в оргиях; что наставлял залетевших от меня девушек на аборт; что лгал и лгу. Батюшка, смиренно выслушав, накрыл меня, рыдающего на коленях, епитрахилью и со словами: «Отпускаются тебе, раб Божий Владимир, грехи твои Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа», перекрестил. С облегченным сердцем вышел я из Храма. Словно помыли изнутри. Слава Тебе, Господи! Во веки веков!

Все равно ведут. Правда, молча. Даже, когда я верчу головой, – никаких замечаний. Странно!

10 августа

Я пошел к маме. Вдруг захотелось увидеть. Бывает так.

– Ну, что ж ты, сынок, всякой ерундой-то голову свою забиваешь, – запричитала мать, сразу после моего рассказа. – У тебя ж семья, работа, да и человек ты хороший. Эх, сынок, когда ж беды тебя оставят?

– Да не беды, мам. Спать тяжело.

– Ну, а это ли не беда? – и снова причитать – Иди, сыночка мой, обниму тебя.

Иду. Обнимает. Легче.

Небо над нами чистое. Чистое и бесконечное. Если бы не эти трое – взлетел бы и парил. Боже, какой простор! Сердце, ведь, не выдержит этой свободы.

11 августа

Я пошел к другу.

– Да забей, – говорит – пойдем, подбухаем!

А я не хочу. Очищен после церкви, да и псалмы тонкой сферой окутывают мне сердце.

– Нет, не пойду. Извини, брат.

13 августа

Я пошел на вокзал, к бомжам. Эти на самом дне, может, отсюда видно, что почем.

– Аха, аха, – соглашается с каждым моим словом кивающий вшивой головой мужик. – Вон, Федька Бухор, бля, «Снежинки» перепил, бля, так ехо не то шо стреляли, бля, через мясорубку абизяны ховорящие пускали, бля. Тока он уже помер.

– Что, – интересно мне, – из-за обезьян?

– Да не-е-е, – гогочет бомжик, – блевотой захлебнулся. Во сне. Ховорил я ему – шо «Снежинку», бля, хорячим хвоздем до дела давадит нада, а он не слушал меня и скопытился, чертило окаянное. Уха-ха, уха, ха, – вдруг начал ухахатываться бомж, а потом резко так останавливается и с серьезнейшим видом, без «бля», спрашивает, – а ты на пивасик не дашь? А?

Даю ему полтинник и ухожу.

– Хвоздем не забывай «Снежинку», а то, как Федьку Бухра. Пасиба брат, шо подкинул на пивасик-то. Пасиба-а-а-а...

Последние гласные, словно сигаретные кольца, расползлись, так и не долетев до меня, и хриплым мазком легли на стены вокзала.

Иду по Невскому. Город пахнет ночью. Пялюсь в асфальт. Уже поздно. Звоню жене, что не приду сегодня, а буду бродить. Она понятливая у меня, знает, как мне трудно.

– Только будь осторожней, любимый, – наставляет она по телефону.

– Буду. Спи.

Погруженный в мысли, дохожу до Адмиралтейства. Постоял у фонтанов, посидел на скамейке, после чего пошел обратно, по Невскому. Дошел до Мойки, от нее к Гостинке, повернул к Сенной, ступил на Московский, и дальше вверх по нему. У «Электросилы» сворачиваю в переулок, не все ли равно, куда брести. Луна отчаянно поливает серебром угловые дома и заигрывает с редкими лужицами. Вокруг тихо и мрачно, как в готическом сне, в котором присутствует лишь одно движимое существо – я. Дома, луна, лужицы и мерный шорох моих шагов. Но вот в воздухе обозначаются голоса, а спустя минуту, из темноты выделяются три силуэта и раскачиваясь движутся ко мне. Пьяное трио приближается. Один из троих – рослый кабан. На лице выражение хронической озлобленности. Этот и начал:

– Эй, мужик, дай закурить.

– Не курю, – ровно отвечаю я, продолжая свой мирный ход.

– Ты че, бля, в уши долбишься? Бацилла, стой, я сказал! – кричит мне вслед верзила, давая волю своей злобе.

Мне не хочется связываться, и я ускоряю шаг.

– Стой, бля, сука!!! – кричат уже трое и бегут за мной.

Я, что есть духу бегу. Они за мной. Из одного переулка сворачиваю в другой, но на скорости не вписываюсь в поворот и пробуксовываю. Падаю. Быстро встаю и без оглядки опять вперед. В одном из промышленных переулков меня встречает предательская стена. Место нежилое. Прибьют, никто и не заметит. «Тупик!» – молнией проносится у меня в голове, а спустя мгновение мою мысль озвучивают мои преследователи, правда, в немного бранной манере:

– Че сука тупик, да?! – орет верзила, и лезет рукой вовнутрь своей легкой, кожаной куртки.

– Степик из-за тебя ногу растянул, – продолжает он, вытаскивая пистолет.

Завидев пистолет, я начинаю испуганно лепетать:

– Ребята, спокойно. Спокойно. Я, видите ли...

– Умолкни, микроб!

Озлобленный тип подносит ко мне пистолет, размахивая им перед моим лицом. Не в состоянии, что-либо предпринять, я машу руками.

– Не, не, не надо, – объятый ужасом, еле бормочу я.

Спустя мгновение раздается выстрел и меня обдает ядовитым облаком, а завершает дело тяжелый удар по голове откуда-то сзади. Я падаю, и последнее, что мне помнится, – это удаляющаяся прямо пропорционально моему падению луна, сквозь затуманенный взор, представленная мне в виде желтого расплющенного тела.

Очнулся я от тупой боли в затылке и невероятной рези в глазах. Тишина зауспокойная. Лезу в карман за телефоном, отзвониться жене. Сперли! Даже часы сдернули, подонки. Светает. Молочный рассвет вымазан голубой эмалью, с пронизывающими сизыми прожилками облаков. Еще нет наводняющих надеждой мир сигнальных лучиков солнца. Холодно.

1 сентября

Дети в школу. Галдеж. Я собираюсь на работу. Выспался! Жена довольна, я счастлив. Дома уже третью неделю, как после грозы: свежо и тихо. После происшествия на Московском, сон мой крепок и чист. А главное не стреляют! Мерзавцы, а оказались лучшими докторами! Надо же?! Только вот, как закрыть глаза, так все иду куда-то, иду, иду...

Александра ДЖАЛИЕВА

студентка ГФ

Зимняя фантазия

*Deep into that darkness peering, long I stood there
wondering, fearing,
Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared
to dream before;
But the silence was unbroken, and the stillness gave
no token,
And the only word there spoken was the whispered
word, «Lenore?»
This I whispered and an echo murmured back the
word, «Lenore!»
Merely this and nothing more.*

(The Raven by Edgar Poe)

*Снова в полночь
Слышу чей-то голос.
Шепчет имя,
Манит и зовет меня...*

(Из одной известной песни)

Белый монумент на белом и голубом. Высотное здание, впивающееся в небо, сбивающее отвесные солнечные лучи. Символ торжества человека над собственной судьбой. Когда-нибудь он снимет номер именно в нем. Уже скоро. А пока неприметная тропинка, вьющаяся между елями, вела их в маленький, но уютный двухэтажный домик. Там их ждала просторная и очень теплая комната, представляющаяся на жгучем морозе сущим раем.

– Мила!

Девушка не ответила. Белоснежный гигант основного корпуса пансионата отражался в каждом из ее небесно-голубых глаз.

– Мила, нам направо.

Изображение в глазах подернулось рябью. Она нехотя повернула свою изящную головку в ту сторону, куда ей указывали.

– А для нас, значит, этот деревянный сарай.

– Радость моя, тебе стервозность не к лицу. Выражение высокомерия делает твои дивные глазки похожими на стеклянные.

Девушка презрительно скривилась.

– К тому же, это вовсе не сарай. И у нас комфортабельный номер со всеми удобствами и, специально для вашей светлости, с телевизором.

– У меня губы обледенели и не шевелятся, - процедила Мила.

– Ну, тогда пошли скорее греться.

Поправив сумки на плечах, он двинулся к корпусу. По дороге его неожиданно стала есть совесть. Кристально-чистым женским вокалом она пропела:

– Ты хам. И не пытайся спорить с этим утверждением. Ну, что ты к ней постоянно придираешься? Такая девушка... Да за ней поклонники гуртом бегают, в унисон потрясая ключами от Мерседесов. А ты... Поднял в полседьмого, заставил трястись в хорошо замороженной электричке, час таскал по сугробам и, наконец, привел в какую-то дыру, потому что на большее у тебя денег не хватило. Может, девушка замерзла до полусмерти. Может, у нее уже щеки мертвенно белеют.

Он произвольно бросил взгляд на ее лицо. Но на щеках девушки предательски играл здоровый румянец.

В номере он, наконец, сбросил тяжкий груз, призванный обеспечивать блистательный вид его спутницы при любых погодных условиях. Расправил затекшие плечи и уселся на подоконник. За окном стояла огромная ель, будто сошедшая с картинки. С тяжелыми хвойными лапами в белоснежных сверкающих рукавах. На его лице заиграла детская улыбка. Он положил пальцы на стекло, как бы дотронувшись до елки, пожав ее добрую теплую лапу. Елка улыбнулась ему в ответ.

– Дима!

Кажется, это тебя. Если, конечно, в округе нет какого-нибудь другого Димы.

– Дмитрий!

Совесь.

– Да, зайка.

– Может, ты оторвешься от окна и хотя бы сделаешь вид, что помогаешь мне?

Их сумки были уже почти разобраны. Вещи аккуратненько лежали на полках шкафа, висели на вешалках. На тумбочке рядом с широкой кроватью мирно лежали две книжки: Паланик и Донцова. Это соседство его особенно позабавило. В ванной в стаканчике стояли две зубные щетки. Рядом лежало дорогое мыло, стоял шампунь.

Мила сидела на полу, рядом с полупустой сумкой, и выжидательно на него смотрела. Солнечные лучи скользили по ее медовым волосам, ласкали гладкую кожу, отражались в голубых глазах. Аккуратные маленькие ручки с перламутроворозовым маникюром обнимали поджатые к подбородку ноги в практичных и очень дорогих спортивных штанах. Фиолетовые носки с сердечками. Она было удивительно хороша. От ее личика было не оторвать глаз. И эта девушка звала именно его. Все-таки, как же ему повезло.

Через полчаса они, совершенно помирившиеся, пили кофе. Она сидела у него на коленях, прильнув к плечу, и стрекотала о чем-то своем. А он гладил ее волосы, пропускал сквозь пальцы шелковистые пряди, смотрел сквозь белое золото ее локонов на свою подружку-елку. Они оба были счастливы.

Хрусть-хрусть. Шаги по снегу. Молодая красивая пара топает по лесной тропинке, взявшись за руки. Она светлая, голубоглазая, нежная, как цветок лилии; он – высокий, хорошо сложенный, с гладкими темно-русыми волосами с изысканным пепельным оттенком, и удивительно мягкими карими глазами. Мила иногда смеялась: «У тебя глаза, как у княжны Мери, – в них совсем не отражается солнечный свет, и от этого они кажутся бархатными».

Отношения у них замечательные. Она все утро просидела в кресле под аккомпанемент душещипательного ток-шоу, перекидываясь смсками с подружками. А, может, и не только с подружками. Дима не проверял ее сообщения. Не тянуло, как-то. А сам он нарисовал елку. И залитый солнцем двор, и ярко-красную, под снегом напоминающую мухомор, крышу детского городка. И атласное небо, и жемчужный снег, и сбегающие вниз по склону деревья. Показал Миле. Она сказала, что эта крыша совсем не похожа на мухомор, потому что мухомор красный. А здесь все серое. И неба тоже нет. Только карандашные очертания.

А сейчас они хрустели снегом под ногами и молчали. Она, наверное, из-за шарфа, закрывающего пол-лица, – не дай бог кожа обветрится. А он – замороженный... Больше всего на свете он любил красоту. Он фотографировал ее, рисовал, консервировал и мариновал в своем блокноте. И она хранилась там, драгоценная и неприкосновенная. Иногда его посещали скверные мысли, что он начал встречаться с Милой только из-за ее красоты. Он фотографировал ее румяной на лыжах, сказочной королевой в вечернем платье, откровенно обворожительной в обтягивающем топе, романтично печальной в свете догорающего заката, теплой, разметавшейся по простыням. Но никогда не рисовал. Не мог. Он рисовал особенную красоту. Наивысшим достижением считал, когда ему удавалось чему-то непривлекательному, даже отталкивающему в рисунке придать восхитительную эстетику, редкую манящую красоту. И при этом не потерять неповторимую индивидуальность модели. Поэтому он не рисовал Милу. Ее красота была столь очевидной и понятной, что Диме было нечего в ней открывать. Чаше всего он рисовал...

Хлоп. Метко брошенный снежный комок оставил белую отметину прямо у Димы на затылке. Мила вызвала его на поединок. Дима неохотно выпал из мечтательно-золотистого марева в звеняще-ледяной лес на жгучий мороз. Смеясь и перебрасываясь снежками, они побежали туда, откуда тянулись золотые нити.

Чем ближе они подходили к заветному просвету между деревьями, откуда лился, бил мощными струями бело-золотой солнечный свет, тем чаще стучало сердце Димы. Оно трепетало, готово было вырваться из груди, взмыт над вершинами деревьев, чтобы все увидеть первым. Дима дрожал от возбуждения, как будто вместо заснеженного берега залива, его ждала сцена и сотни аплодирующих зрителей. Он хватался за протянутые солнцем ниточки, подтягивался, подбирался все ближе...

Шаг. Еще шаг. Деревья расступились, Дима зажмурился от нестерпимо яркого света. Он не увидел залива, не увидел неба, – все слилось в кричащее бело-голубое пламя, полыхающее куда хватало глаз. Постепенно привыкая к слепящему свету, он начал различать далекую линию горизонта, разделяющую два полотна: жемчужно-белое и пронзительно-голубое. Они плавились, стекались и растекались, отражались друг в друге.

По краю пламенеющего снегом и льдом марева тянулась длинная и узкая, изогнутая полоса берега. Скромные березки сменялись елями в богатых шубах. И ни души. Ни одного человека до самого горизонта.

– Э-э-й! – закричал Дима. Голос рассеивался и дробился в колючем шершавом воздухе. Даже эхо не ответило ему. Он закрыл глаза. Прислушался.

– Мила! Я слышу все! Слышу, как стучат дятлы в лесу, слышу безумно далекую электричку. Я никогда еще не слушал такую прозрачную тишину.

Он открыл глаза. Она смотрела на него совершенно влюбленными глазами и улыбалась.

– Мила, ты чувствуешь воздух?

– Он холодный и колючий.

– Он сладкий. Такой свежий, что сладкий. Как фруктовый лед.

Дима перевел взгляд на залив. Далеко, на самом горизонте, виднелись черные точки.

– Смотри, Мила. Это Кронштадт. Туда можно дойти по льду. Хочешь?

– Ты с ума сошел. Надо новости иногда включать. На лед залива выходить нельзя.

– Но сейчас минус двадцать. Хотя ты права, конечно. Опасно. Но люди ходят.

– А льдины откалываются.

Дима пожал плечами. Взял девушку за руку, и они пошли вдоль берега. Им то и дело приходилось перелезать через нагромождения льда, рискуя переломать себе ноги, провалившись в припорошенную снегом трещину в пол человеческого роста глубиной.

Пытаясь обойти льдины, они наткнулись на удивительное явление. В ложбинке между деревьями, поблескивая серебром, журчал ручеек. Он пробивал себе дорогу во льду. Дорогу к свету, к жизни. Дима потянулся к этому маленькому источнику звенящей жизни, пробившему ледяной панцирь и теперь переливающимся на солнце всеми цветами радуги.

– Придет весна, и таких, как ты, станет множество. Вместе вы сломаете лед, хоть он и кажется таким крепким. Потому что вы хоть и хрупкие, но живые. А лед мертвый.

Дима просидел над ручейком несколько минут. Потом вернулся к своей спутнице, зябко переминавшейся с ноги на ногу. Они пошли дальше по берегу, подставив замерзшие лица солнечным лучам. В пансионате их ждали только к ужину.

Над поселком висела дымчато-колючая тишина. Маленькие робкие оазисы жизни вспыхивали только у редких ларьков, где страждущим продавали выпивку. Дима шел на тишину, как люди идут на звук. Оставив свою половину в тепле и с телевизором, он отправился на вечернюю прогулку.

Отголоски цивилизации вокруг постепенно смолкали. Взгляду Димы открылась сказочная аллея. Струящийся лунный свет выстелил под ногами мерцающую ковровую дорожку. Ели-исполины обступили с обеих сторон, закрыли от всего мира. Их тяжелые черные ветви почти смыкались над головой, образуя причудливые арки. И на головокружительной высоте блистали на черном бархате кристаллы.

Дима стоял, запрокинув голову, весь ушедший в лицезрение не зараженного электричеством неба. Потом сделал несколько неуверенных шагов по аллее. Прислушался. Ему казалось, что он попадет в загадочное русское зазеркалье, где чудеса таятся за каждым деревом. Однако Баба Яга так и не появилась. Он вспомнил, что затаил дыхание с минуту назад, выдохнул, и, пытаясь не скрипеть сапогами, решительно двинулся вперед.

С каждым шагом он все меньше ощущал земное притяжение. Движения обретали плавность и уверенность. Воздух больше не царапал ему горло ледяными иглами. Наступающая со всех сторон природа проникла в него, пропитала его тело. Дима почувствовал себя ее частью.

Вдруг в этот гармоничный мир ворвался посторонний звук. Дима чуть не застыл на месте, но пересилил себя и продолжил идти. Сзади были слышны шаги. Настолько легкие, что снег не хрустел под ногами идущего. Скорее он приминался. Так бывает, когда синица приземляется на заснеженную тропу. Ш-ш-ш. Снег посыпался с ветки. Ее отвели в сторону и отпустили. Не резко. Совсем легонько.

Больше всего Дима боялся, что не справится с собой и обернется. Он опустил голову, зажмурил глаза, пытаясь унять дрожь в ногах. Шаги послышались совсем рядом, сбоку, только руку протяни...

Он осторожно открыл глаза и посмотрел в сторону, на дорогу. По снегу беззвучно ступали босые ступни. Тихо-тихо – только не спугнуть – Дима поднял голову. Длинное, до самой земли, платье свободного покроя. Волна густых и мягких, как трава в лесу, темных волос, достигающих почти до пояса. И, наконец, лицо. Тонкое, как будто сотканное из инея, который покрывает по утрам веточки деревьев, но неуловимо теплое и живое. Она смотрела на великаншу-ель. Смотрела без восторга или страха, просто как на что-то очень важное.

Он ждал. Она перевела взгляд на него, сквозь глаза куда-то в глубину души. Он выждал еще некоторое время – вдруг она передумает. Она улыбнулась. Глазами и чуточку уголками рта. Он успокоился: она останется. Пока.

– Я ждал тебя. Ты не пришла днем. Я, в общем, понимаю, почему. Ну, неважно... Я хотел, чтобы ты увидела залив. Повсюду белизна до синевы и синева до спящей белизны. И далеко-далеко на горизонте черные точки. Кронштадт. Знаешь Кронштадт? Там удивительно красивый собор. Я рисовал его прошлой весной. С трех ракурсов. И еще дома – по фотографиям. Туда можно дойти по льду. Опасно, конечно. Но особо помешанным, вроде меня, законы не писаны. Даже законы природы. Пойти, как ты думаешь?

Она иронично улыбнулась. Они шли совсем рядом. Дима смотрел на ее озябшие руки. Как же ему хотелось в этот момент согреть ее. Снять куртку, сапоги, шапку. Все это водрузить на нее. Укутать. Прижать к себе. Дышать на ее пальцы, случайно касаться их губами, не отпуская ее глаз. Медленно приблизиться к ее лицу. Почувствовать ее дыхание на своей коже. Ближе. Ближе...

А он только шел рядом и смотрел, как она ему улыбается. Как случайно цепляется взглядом за очередную мохнато-хвойную красавицу и не может от нее оторваться.

– Я нарисую тебя среди этих елей. Прислонившейся к стволу. Или идущей по тропинке в венке Святой Люции. Ты как относишься к культуре Швеции?

Молчание.

– Ты не говоришь сегодня. Что-то случилось? Я обидел тебя?

Она покачала головой. Он уперся взглядом ей в глаза. Она опустила голову.

– Нет, не обидел.

Глаза ее беспокойно блуждали по снегу.

– Расскажи еще, как ты сегодня провел день. Я хочу слушать.

Голос у нее был странный. Он не рассеивался в воздухе, не сбивался от шагов.

– Что ж, нас покормили огромным и издевательски вкусным ужином. Потому что это было издевательством над моим желудком, предлагать такой ассортимент любимых блюд. На третьем виде мяса я понял, что переоценил свои силы. Поначалу мне в голову закрадывалась дерзновенная мысль, что ус-

траивать шведский стол для русских, которые при мысли о том, что за все заплачено, превращаются в машины для поглощения еды, – по меньшей мере, рискованно. Наш человек, он же, что сам не съест, то в карман запихает, про запас. Но только не здесь. Ты бы знала, сколько стоят эти обеды-ужины. И на каких же слонopotамов они рассчитывают. Больше положенной нормы съесть просто невозможно. А у заведения появляется дополнительная выгода. Среди особо упрямых едоков подсказывает спрос на спортивный инвентарь – в целях экономии занимаемого пространства.

Дима старательно изображал увлеченного юмориста. Это подействовало. Девушка заулыбалась, придвинулась к нему и взяла его за руку.

– А Мила среди всего этого праздника грызла какие-то чахлые овощи, капустного типа. Она положительно сдвинута на здоровом образе жизни... Ой, прости. Я уже не то что-то говорю...

– Нет, все в порядке, – она остановилась, вглядываясь в просвет между деревьями.

Дима посмотрел туда. Деревянный дом, полуобвалившийся, похожий на старика, который упал на дорогу и не может подняться. Замкнулся в своем отчаянии, спрятался за слепыми заколоченными окнами.

Девушка потащила Диму по сугробам.

– Куда? Зачем?

– Скорей. Он давно ждет. Ему так грустно.

Он не стал спорить. Почему бы дому не грустить?

Подбежав, она остановилась и медленно пошла вокруг дома, осматривая его, проводя пальцами по старой древесине. Одно окно было плохо заколочено. Она прильнула к нему, всматриваясь в темноту. Потом нетерпеливо дернула плечами и полезла внутрь.

– Эй! А я? – не сдержался Дима. Она покорно вылезла и отошла в сторонку, позволив ему блеснуть молодецкой удалей и выломать доски.

Внутри царила непроглядная темнота. Лунный свет проникал туда весьма неохотно, аккуратно огибал останки мебели и спешил выбраться на свежий воздух. Диме так изящно миновать торчащие повсюду бревна и еще черт знает, что, не удавалось. Полтергейст в этом доме не водился, наверное. Шаловливый дух непременно выбил бы себе глаз, репетируя здесь нападение на затерявшихся путников.

Она шла впереди, совершенно по-кошачьи ориентируясь в темноте окружающего хаоса. Ее босые ступни уверенно несли ее вглубь дома. От окружающей атмосферы по Диминой коже бегали мурашки. Хотя его хрупкая спутница таинственным образом вселяла уверенность и создавала ощущение некоей защищенности. Девушка упруго ступала по наваленным доскам, жадно всматривалась в темноту. Ее любопытство было заразительным.

– Ай! – торжественную тишину подленько прорезал Димин вскрик. За мгновенную потерю бдительности он расплатился дыркой в ноге. Нагло торчащий гвоздь не пожелал дать ему дорогу.

Девушка поднесла палец к губам, призывая к тишине. Она сочувственно посмотрела на пострадавшего, мол «Я бы тебя сейчас поцеловала, погладила по голове и утешила. Но тут такое дело. Ты понимаешь...»

Дима решил подождать ее там, где его остановил злополучный гвоздь. Она сделала еще несколько шагов и склонилась над каким-то предметом на полу. Потом бережно подняла его, прижала к груди и направилась к выходу. Они молча пробрались через полуразрушенные комнаты и вылезли из окна.

При мерцающем лунном свете Дима, наконец, смог рассмотреть, что у нее в руках. Это была кукла. Обычная кукла советского типа, в рваненьком платьице и с потрепанной прической. Девушка не отрывала от нее взгляд.

– Зачем она тебе?

Ее руки задрожали.

– Она прижимала ее к себе. В тот день, когда ее отец пришел домой пьяный. В доме поднялся ужасный шум. Она слышала, как страшно кричала ее мать. Сама она пряталась под кроватью. И прижимала к груди эту куклу, как будто защитить про-

сила. Но что может кукла? Потом по всей деревне много лет еще рассказывали, как Петр с ума сошел. Озверел совсем. Напился и зарубил топором всю семью. А сам пошел шляться по деревне. Его только утром нашли, у залива. Замерз насмерть. А на лице у него была гримаса ужаса.

Девушку трясло, как в лихорадке. Пальцы нервно впились в куклу.

– Ну, все. Все. Успокойся, – он прижал ее к себе и попытался унять дрожь.

– Все. Пойдем отсюда. Оставь куклу. Здесь ее место.

– Но она помнит. Постоянно помнит. Как не смогла помочь, – в ее голосе прорывались рыдания.

– Так надо. Уйдем скорее, любимая. Я с тобой. Все будет хорошо.

Они положили куклу на снег, недалеко от страшного дома. И побрели по тропинке, крепко сцепившись руками, придавленные общим видением. Так они шли до самого пансионата.

– Ну, тебе пора, – проговорила девушка.

– Ты что-то скрываешь от меня. Я вижу.

– У меня дурное предчувствие.

– А конкретнее...

– Не знаю. Просто не делай сегодня глупостей. Обещаешь?

– Обещаю. Когда я тебя увижу? Я не могу жить без тебя. Я даже дня не могу прожить без тебя.

– Скоро. Совсем скоро...

Мила сидела в кресле, поджав под себя ноги, и читала журнал. Волосы ласково укутывали ее плечи. По телевизору чей-то навязчивый голос рассказывал, как можно похудеть на 30 килограммов и остаться таким дистрофиком навсегда. Услышав, как вошел Дима, Мила подняла голову и улыбнулась.

– Ну, как прогулка?

– Превосходно, – он улыбнулся в ответ. По возможности чарующе. Хотя губы чуть дрожали.

Она встала и грациозно-пружинистой походкой пантеры приблизилась к нему.

– Я тебя заждаюсь.

Она расстегнула на нем куртку.

– О, Господи! Ты ранен?

Он посмотрел на свою ногу. На джинсах красовалась кругленькая дырочка, из которой до сих пор сочилась кровь.

– Надо немедленно обработать.

– Да ерунда. Заживет.

– Где ты умудрился?

– Влез в заброшенный дом недалеко отсюда.

– И вечно ты находишь себе приключения. А если бы там крыша рухнула?

– Значит, повезло мне. Радоваться надо.

Дима перебрался в домашнюю одежду, сполоснул водой ранку и уютно устроился на диване.

– Все-таки рану нужно обработать, – промурлыкала Мила. – А у меня из обеззараживающих средств только Martini. До спирта далеко, конечно. Но попробовать можно...

– Вот уж не надо на мне такие эксперименты ставить. А Martini мы найдем более подходящее применение.

Дима разлил ледяной и терпкий вермут по бокалам.

– За нас с тобой.

– Да, за нас.

Изысканная горечь напитка обожгла язык. Дима зажмурился от удовольствия. Уже после нескольких глотков по замерзшему телу распространилось ласковое тепло. Он откинулся на диване, отдаваясь удовольствию каждой клеточкой тела. Скользнул рукой по ногам сидящей рядом Милы. Пробежался игристыми пальцами по ее упругим бедрам. Дерзко перепрыгнул на внутреннюю сторону ноги. Сперва, кончиками пальцев, потом всей ладонью почувствовал тепло ее тела. Ее дыхание сбилось.

– Скучала по мне?

– Безумно.

Он налил им еще по бокалу. Потягивая Martini, расстегнул на ней рубашку. Она всем телом послушно потянулась к его рукам. Стянула с него футболку. Прижалась к нему. Он сжал ее бедра, проник рукой между ног, почувствовал горячую влагу белья. Нащупал пальцем маленький бугорок, легонько надавил. Еще раз... Она откинула голову назад и чуть застонала...

Мила спала, широко раскинувшись на постели, теплая и счастливая. Одежда была лишь небрежно накинуто на нее, что позволяло Диме время от времени наслаждаться чудесным видом ее длинных стройных ног и нежной молочно-белой груди.

Он рисовал. Пользовался ночным одиночеством и покоем. Придвинул кресло вплотную к окну и отдался во власть музыки. В голове приятно шумело от выпитой бутылки Martini. Руки сами выводили знакомые очертания плеч, волос, и руки, обнимающей широкий ствол дерева. Глаза. Этот взгляд. Тысячу раз нарисованный. Всегда один и тот же, и каждый раз новый. Искрящийся снег. Красавицы-ели. И черные, как смоль волосы. Картина почти закончена.

— Опять! — Мила в одном халате стояла у него за спиной и смотрела на рисунок. И как он не заметил, когда она встала?

— Опять она! Хотя бы сейчас постыдился!

Снова эта сцена. И так каждый раз, стоит ей увидеть...

— Ну, что случилось, солнышко? Я просто рисую.

— Ты рисуешь ее! Ты опять рисуешь ее! Кто она такая?

— Мы это уже сто раз обсуждали...

— И ты так ни разу и не ответил. Кто она?! Ты любишь ее? Или любил? Почему я ее никогда не видела? — в ее голосе стали появляться истерические нотки.

— Мила, дорогая...

— Я тебе не верю! — она перешла на крик.

Она порылась в своей сумке и вытащила оттуда толстую стопку бумаги.

— Вот! Все она!

Дима опешил. Он бережно хранил эти рисунки, хотел взять их с собой. Но в суматохе сборов не нашел и решил, что спрятал куда-то в другое место. И вот, пожалуйста. Она их просто выкрала.

— Везде она! На море. В лесу. В костюме амазонки. На балу. За письменным столом. Даже обнаженная в постели. И я должна это терпеть?!

— Мила, прекрати истерику! — он понял, что теряет самообладание. Он ее почти не слышал. Все его внимание было сосредоточено на драгоценных листках, которые она грубо перебирала.

— Я украла твои рисунки. Я споила твоих друзей. Я обошла их всех с вопросом, не видели ли они когда-нибудь эту девушку. Где-нибудь. Хотя бы на фотографиях.

Может, это твоя бывшая? Может, ты был влюблен в нее в детстве? — по ее щекам бежали крупные слезы.

— И что же они ответили? — Дима пытался держать голос ровным и не сводил глаз со стопки рисунков.

— Что они ее никогда не видели! Что у тебя кроме меня никого нет.

— Что ж, они правду сказали.

— Кто она?

— Мила, солнышко, я ее выдумал. Ее не существует. Нигде, кроме моего воображения.

— Но так не бывает! Может, ты ее где-то видел?

— Нет, я ее нигде не видел. Я ее придумал, создал, сконструировал. Сам! — он сорвался на крик.

— Ты постоянно рисуешь ее. Меня ты не нарисовал ни разу!

— Я не думал, что это тебя задевает.

— Да о чем ты вообще думал?! Я не верю тебе. Ты любишь ее. Нельзя так любить человека, которого никогда не видел.

— Правильно. Поэтому я не люблю ее. Я люблю тебя.

— Лжешь! Даже когда ты со мной в постели, ты представляешь, что ты с ней.

Диме все это уже напоминало сцену из дешевой мыльной оперы. Мила рыдала и размахивала рисунками.

— С чего ты взяла? Я что, называю тебя чужим именем?

— Нет, мне это не нужно. Я и так чувствую!

— Что за бред? Что значит, ты чувствуешь?

— Я чувствую! Я точно знаю! — надрывалась она.

Взять себя в руки.

— Солнышко, тебе кажется. Ты придумала это, зайчонок. Ну, иди ко мне. И положи, пожалуйста, рисунки.

Ее лицо исказила гримаса ярости.

— Рисунки! Опять эти рисунки! Ты только о них и думаешь. Так вот твоим рисункам! — она начала бешено рвать листы. Бумага застонала от боли, ломаясь и трескаясь.

– Н-е-е-т!

Волосы, плечи, руки, огромные глаза, – все кричало и рвалось. Прекрасное лицо превращалось в мятый сгусток бумажной крови. А Мила все рвала. Комкала и крошила листы один за другим.

– Вот! Пусть сдохнет! Сдохнет у тебя на глазах!

Когда Мила закончила акт возмездия, пол у ее ног был усыпан целым ворохом обрывков бумаги. Дима стоял, пригвожденный. Не в силах пошевелиться. Полными ужаса глазами он смотрел на обломки своего счастья, на вырванные волосы и раздробленные кости.

Мила по-звериному озиралась. Ее взгляд упал на лежащий на столе рисунок. Только что законченный. Последнее изображение ее лица. Она бросилась к нему.

– Нет! – рявкнул Дима и схватил рисунок. – Не смей!

Мила на секунду застыла. А потом одним прыжком кинулась к Диме – вырвать листок.

– Нет! – Дима с силой отпихнул ее от себя. И только успел услышать хруст рвущейся бумаги. Ее последнее изображение было разорвано на две части.

Тук.

Дрожа от злобы, Дима повернулся на странный глухой звук. Как будто две деревяшки стукнулись.

Мила лежала на полу, нелепо раскинув руки. Глаза ее закатились и утратили всю ярость. Они стали растерянными, как у ребенка. А по виску стекала тонкая алая струйка.

– Мила! – Дима рухнул рядом с ней на колени, дотронулся до ее лица.

– Мила, что с тобой?

Он начал лихорадочно щупать у нее пульс. Но как ни старались его пальцы, еще недавно такие чуткие, – ее сердце не отзывалось.

– Мила! Родная, любимая! Девочка моя!

Его била крупная дрожь. Он тряс ее за плечи, и пытался вспомнить, с какой силой он ее толкнул. И почему рядом оказался острый угол кровати.

– Мила! Любимая! Пожалуйста, очнись. Пожалуйста, не надо. Я люблю тебя! Я больше не буду! Я всегда буду тебя любить! Только тебя!

А струйка крови все текла из ее левого виска. Тоненькая, как нитка.

– Мила! Нет!

Он подхватил ее на руки, прижал к себе. Стал целовать. В глаза, в губы, в волосы. Но она не просыпалась.

Он сел на диван. Прижал ее голову к своему плечу. Стал раскачиваться, будто баюкал ребенка.

– Прости. Прости, родная. Я не буду больше. Прости. Прости...

Звонкий хрустящий мороз на заливе пробирал до костей. Дима неверным шагом брел по берегу, то и дело, спотыкаясь или проваливаясь в щель между льдинами.

Его слепил свет. Снег был кричаще белым, бриллианты звезд резали ему глаза, выдавливали из них соль. Он задыхался от нестерпимо колючего и ослепительно голубого мороза. С каждым шагом в его тело впивались тысячи ледяных игл.

Все преследовали его. Снег скрипел:

– Убийца! Убийца!

Лед расступался под его ногами, пытался запереть его в своей стеклянной тюрьме. Как преступника. Высоченные ели тянули к нему свои черные лапы:

– Мы видим. Мы знаем.

И вдруг сзади слышались шаги. Настолько легкие, что снег не хрустел под ногами идущего. Скорее он приминался. Так бывает, когда синица приземляется на заснеженную тропу.

– Ты! Наконец-то! Я искал тебя. Ты нужна мне!

Он обернулся и стал всматриваться в темноту. К нему скользкой походкой босых ног приближалась девушка в длинном платье.

– Любимая! Мне так страшно. Защити меня. Я совершил ужасную вещь.

В ночной дымке медленно проступали черты ее лица. И развевающиеся на ветру волосы. Белые волосы.

Дима попятился. У него подкосились ноги, и он рухнул на землю. Руки беспомощно скребли снег. А над ним нависло мертво-бледное видение. Белее, чем снег вокруг. С мертвыми черными глазами. С синими распухшими губами. И с алой ниткой на виске.

– Мила?

– А ты ждал кого-то другого? – голос, глухой и гулкий, как будто из глубины земли.

– Глупый мальчик, – она наступала на него. Тянула к нему руки с хищно скрюченными пальцами. Когда-то такими нежными.

– Ты до сих пор не понял. Ее нет. Ее действительно нет. Это ты любишь лазать по заброшенным домам, и именно тебя периодически посещают приступы интуиции. И она не защитит тебя. Ее не существует.

Он полз по земле, сбивая в кровь пальцы о ледяные выступы.

– Ты всю жизнь мечтал о ней, ждал ее. А ее нет. А я есть. Хоть ты и не хотел этого замечать. Даже теперь, когда ты убил меня. Убил лишь за то, что я любила тебя. И хотела взаимности. Я предлагала тебе любовь и счастье. А ты предпочел несбыточную мечту. И убил меня!

В ее глазах не отражался лунный свет. Черные, бездонные, – они высасывали из него душу. Она приближалась...

– И вот, ты один. А ее нет. Нет. Не было. И не будет. А я есть. И я отомщу...

Солнце играло на снегу всеми цветами радуги, румянило щеки восьмилетней Анечки. Прогулка получалась невеселая. Бабушка все время молчала. Утром в пансионате нашли труп девушки. Бабушка не могла отогнать мысли о ней. Такая красивая, такая молодая... И такая глупая смерть.

– Бабушка, бабушка. Тут что-то есть в снегу.

Бабушка поспешила к испуганной внучке... и в ужасе отпрянула, закрыв девочке глаза рукой.

– Бабушка, этот дядя, что, мертвый?

Синее лицо, воздетые к небу руки, со скрюченными пальцами, молят о помощи. А в глазах застыла гримаса невыразимого ужаса...

Зимне-весенняя фантазия. Пародия на меня.

Нога качается. Вверх-вниз. А под ней мартовская лужа, свежая и чистая, как стеклянная. Полудохлые тюльпанчики тоскливо устали в ночное небо. А там, на головокружительной высоте... Ничего нет. Небо надо мной темно-серое с грязными розовыми разводами. Наверное, сверху весь город кажется огромным дымчатым пятном, излучающим розоватый свет. Там на небе сидят и не знают, что это миллионы искусственно-светящихся глаз тоже смотрят на них. Там, где-то на Луне, мучительно хочется плакать. Но Луну сегодня не видно, впрочем, как и всегда в Питере.

А здесь ничего не хочется. Здесь прячется темнота. Слоняется по помойкам, как и все неформалы. Здесь скамейка, а под ней бледная весенняя лужа. На скамейке чахлые тюльпаны и мои ноги. Да еще в воздухе завис светлячок сигареты.

А иногда бывает полезно посидеть одной и помолчать. Сразу столько мыслей в голове...

Вот, например. Можно сейчас взять нож (неважно, откуда, — главное, взять) и взрезать клеенчатую упаковку души. И думать о том, что жизнь не имеет смысла. И чувствовать себя девочкой-волчицей. И смотреть, как гранатовые капли стекают по белой коже, расплываются бурными пятнами на джинсах и растворяются в талой воде, стыдясь своей красноты. А мир вокруг меркнет... Черт, как же это все-таки пошло.

А можно пойти гулять по городу. Идти неверной слепой походкой. И чувствовать себя изысканно-трагичной Жоан на мосту Сены. И кто-то подойдет, молча, возьмет меня под руку и отведет в бар, закажет кальвадос...э-э...водку, например. Но, скорее всего, я брошусь бежать, только слышав шаги сзади. Ночью-то. В темном переулке. И никогда не встречу своего Равика. И вся эта идея... слишком холодная. Не май месяц. Пальцы на ногах уже не шевелятся. Пока сидишь, воспринимаешь холод, как временное неудобство. А решиться пойти куда-то — значит принять его как условие. А я с прошлой недели кашляю.

А еще можно выйти на дорогу и постоять там несколько минут. Обязательно остановится жутковатая иномарка с наглухо тонированными стеклами. Оттуда высунется хищно ухмыляющаяся черная рожа... нет, это уж слишком... приветливо улыбающаяся нормальная рожа. Я сяду в машину. И буду чувствовать себя совращенной невинностью. Чистой наивной душой, которую грубо втянули в мир наркотиков и продажной любви. Еще одна нежная бабочка, подпалившая свои легкие крылышки. Общество назовет меня падшей. А я сама назову это... Патологической тупостью. Гроза, не гроза... А соображать надо.

Ну, еще, конечно, можно пойти домой. Тихо просочиться в комнату с чашкой горячего чая. И засесть в аське, обсуждая с себе подобными насыщенность ночной тишины. Закутаться в плед, отогреть ноги, наконец. Н-е-е. Это самый жуткий вариант.

Вот и приходится сидеть на скамейке и подергивать ногами от холода. Хотя, если я даже не пойду за приключениями, они могут найти меня сами. И я чутко вслушиваюсь, не взломает ли человек жужжащую городскую тишину. В таком случае мне придется спешно отступать со всеми войсками, ногами и тюльпанами. Искать другую скамейку, более уединенную. Чтобы сидеть, курить, дергать ногой и тыкать пальцем в холодные упругие тельца тюльпанчиков. Сдохли эти маленькие цветастые зверьки или еще держатся. Ночь. Скамейка. Сигарета. Сидеть так пока... пока окончательно не замерзну. Тоска...

*Сергей Симкин
холст, масло, 70x100*

Олег ИЛЬИН

Поэт, литератор, окончил РГПУ

Роман в письмах

Глубокоуважаемая Маргарита Паллна!

Увидя вчера Вас на пляже, особенно момент Вашего захождения в воду, мне представилось этакое, знаете ли, легкое дуновение ветерка, шум ветвей берез, тишина вечеряющего парка и Вы, Вы на скамье (о, так и хочется сказать «подсудимых»). Но, нет, нет, Вы неподсудны общему мнению, Вы несравненно выше мирской суеты, ибо на Вас лежит печать (так и хочется сказать «горсуда»). Но – нет, конечно же, не горсуда, а печать вдохновения, печать Творца, знаете ли, некий творческий экстаз, порыв сил душевных и разные такие подобные ему интересные штуки.

О, как бы я хотел еще хоть раз лицезреть Ваш дивный профиль, особенно в момент захождения в воду и выходения из оной. Вы спросите меня, почему, собственно, профиль. О, на это не смог бы ответить даже Томас Джефферсон при всем своем уме, начитанности и совершенно невероятной, знаете ли, совершенно упоительной способности к сочинению правовых норм основополагающего порядка.

А как Вы смотрите на то, чтобы нам хотя бы мысленно посетить библиотеку Конгресса? Я понимаю, что путь в этот Храм может быть долог и тернист, но все же, все же.... Кто ищет, тот всегда найдет. О, Маргарита Паллна, Маргарита Паллна!!! Как много в этой жизни чарующих красот, дивных чувств, ощущений, как много в Вас воплощено поэзии, красоты, грации! С какой легкостью Вы ступали сегодня по ступеням ведущим в море...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович, я право не знаю, чем я заслужила столь многосложный комплимент в мою честь. Неужели всего лишь вход

и выход из воды смогли поселить в Вашем сердце такой ураган чувств и переживаний. Смею Вам доложить, что я всего лишь обыкновенная женщина и в моем купании (впрочем, может быть, Вам так не показалось) нет ничего сверхъестественного.

Насчет библиотеки, как Вы выразились, Конгресса, то я не знаю, где это находится. Так что никаких обещаний делать на сей счет не могу (и не буду). Но, знаете, мне импонирует то, что Вы упомянули имя Томаса Джефферсона. Это, безусловно, достойная историческая личность, много сделавшая для общего блага и процветания.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

О, Маргарита Паллна!!!

Как здорово, что Вы ответили мне на мое, возможно, слишком сумбурное письмо. Маргарита Паллна, позвольте мне, скромному труженику Фемиды, поклоннику Вашей красоты, пропащему Пьеро, бряцающему на мандолине свои ничтожные стишки, сказать Вам, что Вы не правы. Вы – потрясающая, несравненная женщина. Заходя в воду, Вы открыли для меня чудесный мир женственности, красоты, непорочной грации, Вы вдохновили меня на самое лучшее, что есть и может быть в человеке. Маргарита Паллна, я боюсь, не решаюсь произнести Вам это слово.

Вчера слушали дело о супружеской измене. Боже, как страшен мир! Как невыносимо жить в нем пламенным, страдающим Пьерам с их не менее многострадальными мандолинами...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович!!!

Должна Вам заметить, что мандолины на этот раз Вы упомянули совершенно напрасно. Мандолина есть сама по себе

бесчувственный предмет. И в мандолине, как и в мандарине (Вы уж простите меня за ненужный, я бы даже сказала неуместный каламбур) не может быть никаких чувственных страстей и всяких там разного рода противоречий. Давайте трезво смотреть на вечер. Мандарин есть фрукт, и он предназначен для съедения. Мандолина – есть музыкальный инструмент и на нем следует играть всякие трели. Аристарх Иосифович, Вы, я думаю, все же понимаете, о чем пишете, хотя, признаться, сумбур у Вас в голове все-таки есть.

Когда чайка устремляется в воду за рыбкой, она меньше всего думает о грации и фантасмагории чувств. Так же и я. Мне просто хочется купаться. И все.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Многоуважаемая Маргарита Паллна!!!

Вы, безусловно, правы насчет мандарина и мандолина. Я лишь хотел выразить мысль, что многострадальность Пьер условно может передаться и их мандолинам. Мандолины – есть своего рода соучастники акта многострадания. Вы уж меня не обессудьте за мое несколько не всегда понятное выражение собственных мыслей. Но так уж устроен мир, что необходимо иной раз для пущей важности и облегчения выражения прибегнуть к, так сказать, нетрадиционным методам. Впрочем, я как всегда оставляю за Вами возможность окончательно решить участь моих потуг на оригинальность – казните без права на обжалование. Да не коснется меня кассация по делу о Вашем личном беспокойстве и той докуке (если таковая конечно имеется), которую я Вам неумышленно (хотя, какое уж тут «неумышленно») доставил.

Да, я выражаюсь иногда витиевато. Но... Маргарита Паллна!!! Ваш силуэт причудливый и странный, Ваш профиль, Ваш анфас... сей красоты образчик несказанной в который раз... я вижу Вас... опять... и сердце ноет от тоски. Уйду в пески. Пустынножители смиренно примут жребий и подведут меня под свой же монастырь.

Вот видите, уже начинаю писать стихами. Но, Маргарита Паллна, как чудны, невыразимы, невероятны эти чувства. Маргарита Паллна, если бы Вы знали, как сильно жажду Вас увидеть вновь...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да-а-а, Аристарх Иосифович, задали Вы мне закавыку... прям, не знаю что делать. Прям, хоть в воду не заходи. Ну, что теперь с нами будет???? Как мы теперь будем сосуществовать?? Уж не погонитесь ли Вы за мной, когда встретите меня опять на пляже или там где? Уж не придется ли мне скрываться от Вас в пучине морской в гостях у Прометея??? Или Нептуна??? Не стать ли мне русалкой дивной красоты, чтоб не узнал меня ты-ты? Со стихами напряженка. Вы уж не обессудьте. Право, такой красоты слог у Вас подчас, прям, диву даешься. Прям, хоть в пучину в морскую от восторга. К Нептуну-царю... хо-хо... рассказать о Ваших успехах.... Н-да. Тут намедни прокурор заходил в столовку – дивный мужик, такой статный, благообразный. Весь при погонах был, Дядька-Черномор, прям. Вот.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна!!!!

Прокурора я знаю. И если Вы к нему прониклись симпатией, то я смиренно понесу свой неразделенный крест неразделенной любви. Мандолины умолкнут, и лишь немолчная тишина лесной чащи будет свидетелем моего безутешного горя. Я не упрекну Вас ни жестом, ни взглядом, ни словом. Но помните, что я буду любить Вас всегда, ибо Вы рождены из пены морской!!!

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович!!!

Бог с ним с прокурором. Я пошутила. Ну, статный человек, ну при погонах. Это ведь совсем не важно. (Он так дико ел свою котлету!!! Сколько спеси, самодовольства, скрытого пижонства!!! Не удивлюсь, если у него есть любовница...)

Кстати, почему бы нам не встретиться и не провести время на пляже. Я, конечно, опять полезу в море, только Вы не очень подсматривайте, а то мне неудобно. Грация, грацией, а все же неловко когда тебе смотрят вслед, особенно такой импульсивный человек, как Вы.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна!!!

Вы были вчера бесподобны. Когда Вы залезали в воду, я специально остался не берегу и смотрел, как вы это делаете. Вы – само очарование. Волны нежно, воздушно обвивали вашу прелестную фигуру. Когда вы ринулись в воду и поплыли, у меня захолонуло сердце. Ваш чудный стан, поворот головы, волосы, ниспадающие до плеч и частично омываемые водой – все это было чудесно, сказочно, невероятно красиво. Журчание воды сводило меня с ума. Вы не представляете себе, как Вы прекрасны!!!

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович, спасибо за такие теплые и нежные слова. Вы бесподобный кавалер, очень галантны. Вы так рыцарски вчера несли мои скромные пожитки, в Вас столько было мужества и смирения!!! Вы по праву заслужили самой большой награды!!!

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Здравствуйте, Маргарита Паллна!!!

Я и без награды готов Вам служить и нести Ваши пожитки хоть на край света. Я даже готов отнести туда Вас самих (так и хочется сказать «за определенную плату»). Но – нет, Вы же понимаете, что между нами не может быть никогда подобного рода отношений. Я почему так говорю – сегодня было слушание в суде по делу о разводе, так фигуранты делили все, вплоть до розеток и винтиков в них!!! Баулы и чемоданы, мебель и утварь – все было поделено, но они так увлеклись, что их было уже не остановить – все пошло в ход: занавески, канцтовры, дверные ручки и так далее. Это было что-то невообразимое!!! До чего же может дойти Фемида в деле фигурантов гражданских правоотношений!

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да, винтики и всякие кнопки – это забавно! А не сходить ли нам еще раз на пляж, дабы Вы опять могли лицезреть плывущую по волнам Маргариту Паллну???? Или Вам уже наскучило сие зрелище???? Признавайтесь, проказник, а? Что Вам еще нужно от бедной женщины??? О чем Вы думаете, когда мы вместе? Почему Вы всегда так непонятно молчите? Я уже начинаю сомневаться в Ваших намерениях. Почему Вы всегда зовете меня на пляж??? Что там интересного? А? почему не в парк на скамейку или куда-нибудь в другое место? Отвечайте немедленно, или я никуда не пойду.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

О, Маргарита Паллна!!!

Вы удивительная женщина!!!

Конечно, я опять хочу лицезреть Вас, плывущую по вол-

нам. О, как бы я хотел проникнуть в тайны Вашего существования, как бы я хотел прикоснуться...

Маргарита Паллна, я всегда думаю о Вас. Даже в суде во время слушания дела. Я проходил адвокатом по делу о разбойном нападении на газетный киоск, но постоянно думал о Вас. Всех их, конечно, осудили. Вообще, в суде постоянно кого-то осуждают. Не понимаю, зачем грабить киоск, когда есть пляж, где можно лицезреть... Ну, ладно, пусть лучше посидят.

Маргарита Паллна, Вы удивительная женщина. Я даже не знаю, что сказать. Хотите, я отнесу Ваши пожитки туда, где еще не ступала нога человека? Вы даже можете не идти вместе со мной!!! Я их туда отнесу, а потом вернусь к Вам хоть со щитом или на щите.

Маргарита Паллна, вы прекрасны, Вы – чудная роза, распустившаяся на склоне Альп в день благодарения!

О, сколько благодетных созвучий дает нам увлечения миг. К чему ты, отрок, не привык? Дерзай, сатрап, вонзай свой штык в мое бездыханное тело. Коль длань твоя не оскудела, моим ответом будет рык. Вот!!! Опять стихи. (К чему теперь стена-нья).

Вы удивительны, невообразимы, невысказанно прекрасны.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович, я не поняла, Вас в этом стихотворении убивают? О, как мне Вас жаль. Что ж это такое? Был человек, ухаживал за мной, и – вдруг штык??? Как же так??? Это так печально... Ну, да ладно, раз ко мне письмо пришло, я знаю, значит – Вы живы!!!! Спасибо Вам большое, что опятьнесли мои пожитки (пожитки дней моих суровых), когда мы гуляли по пляжу. Это так романтично. Вы – очень романтичный человек. Я даже в тайне Вами восхищаюсь!!! Нести пожитки не проронить ни слова за все время несения оных. О, как это прекрасно, как трогательно с Вашей стороны. Не правда ли, сегодня чайки были особенно печальны. Они все никак не могли

сесть на воду и носились над водой с душераздирающими, пронзительными криками. Вот так же и я порой... Кричу о чем-то, кричу. А меня никто не слышит...

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна!!!

Я – верный страж Вашего душевного покоя, рыцарь Вашего благополучия. Пусть чайки кричат. Им не понять моей душевной драмы никогда! Моего восторга: море, пляж, ласковый ветер, пожитки и Вы, Вы собственной персоной!!! Такая очаровательная, такая незабываемая Маргарита Паллна.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аристарх Иосифович... Я бы на Вашем месте... как бы это выразить... Ну, в общем была бы повнимательнее так сказать... к... нуждам женской общественности. Чайки чайками, а все же, знаете ли. Ветерок ветерком, конечно. Мое морем, а пожитки пожитками. Но все же, с Вашей стороны... Вы порой навеваете такую зевоту. А ЭТО МОВЕТОН!!!! ЭТО НЕ ДОПУСТИМО В ОБЩЕНИИ С ДАМОЙ!!! ПОНЯТНО ТЕБЕ (ТАК И ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ «ДУРЬЯ ТВОЯ БАШКА»!!!!

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна, но, право, я не знаю чем бы я еще смог бы... Одно Ваше слово, и я ринусь, ну, просто, ринусь куда угодно... и за чайками могу, и в пучину, и на край света (с пожитками или без). Одно Ваше слово, о, наидивнейшая, наичудеснейшая из жен в подлунном мире, наиочаровательнейшая из наяд и наиудивительнейшая из нимф аттических.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Аттических – мистических – идиотических – психических – политических – софронистических – василистических (ха-ха). Лабильных – дебильных – дубильных – бубонных – картонных. Картинных, корзинных, картонных и маленькая собачка... Оконных. Короче, мы приплыли к быту, понимаете, быт, он такой вот – окна, двери, комната, потолок, обои, кровати, простыни, одеялко теплое, запах лаванды, ночная тишь, завтра на работу не надо, а если надо, то не пойдем ни в какую... За окном – ночь, Вы и я, Луна на небесах приветливо заглядывает в комнату.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Вы хотите, чтобы я пришел к Вам в гости?

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да, заходите.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

С удовольствием, Маргарита Паллна. Сегодня же обязательно буду.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна... это было феерично...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да, и Вы не подкачали, Аристарх Иосифович.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

И звезды смотрели нам вслед...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Нет, звезды смотрели нам в лоб! Вы уж не путайте, Аристарх Иосифович. Вечно Вы со своими «феерично»-«динамично». Корзина, картонка, понимаешь. Что это такое?!

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

О, да, да. Виноват, Маргарита Паллна. Именно так, как Вы изволили заметить. Именно в лоб смотрели звезды нам, пока мы делали бедлам. Простите мне мой эвфемизм и бурь жесточайших катаклизмов. (Маргарита Паллна, я немного сегодня болван, ибо... нахожусь в состоянии... этак как бы это выразить... не вполне... Я даже не могу придумать...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Ладно, библиотека Конгресса, пошли на пляж сегодня. Или как?

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Опять чайки...

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Так да или нет?

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Что?

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

На пляж!!!

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Ах, пляж. Да, конечно! Пожитки не забудьте.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да уж постараюсь взять с собой все необходимое.

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна, когда я в этот раз нес Ваши пожитки, мне привиделось, что отверзлись небеса и эон любви снизошел с небес на землю и обволок нас своим сладчайшим эфиром.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Ооооооо, да! Эон любви!!! Как не надоест только. Я наверно слишком чего-то не понимаю. Кстати, эон – это что такое??

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Оооооо, эон... Это, знаете ли, такая штука. Она, можете себе представить, эманурует из высших сфер в качестве некоей трансцендентной субстанции в целях теургического преображения тварного бытия. По замыслу неоплатоников и русских символистов мы все должны ждать пришествия эона, и сделаться преображенными по бытию оного.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Да-а-а-а-а-а... Интересно... А про все, про это можно прочесть в книге, которая стоит в библиотеке Конгресса на полке номер два?

Аристарх Иосифович – Маргарите Павловне

Маргарита Паллна!!!

Вы очаровательны!! Ну, почему же именно два?? В прочем, я, к сожалению, не знаю расположения полок в библиотеке Конгресса. Я там ни разу не был. Но мне так хорошо с Вами. Думаю, библиотека подождет.

...Но в один прекрасный день... Мы, взявшись за руки, торжественно войдем в библиотеку Конгресса, подойдем к полке номер два, и... далее у меня захватывает дух.

Маргарита Павловна – Аристарху Иосифовичу

Думаю, прямо там нас этот эон и настигнет.

Четыре четверти четверной четверки

Четыре чувака: Фридрихсон, Энгелсон, Марксон и Карлсонсон вышли погулять. Зайдя в булочную к тете Клаве, они застebали: тетю Клаву, Прохора Прохорыча, мерчендайзера Андрея и кота. Кот Василий был даже водружен на лысую (бритую) голову Карлсонсона, отчего издал звук «мяу». Мерчендайзер Андрей смотрел на всех с «вопросительной интонацией», говоря тем самым, что «я, мол, человек новый, но мне, тем не менее, странно».

Кот Василий посидев на голове у Карлсонсона, спрыгнул на стеллаж с чупа-чупсом и опрокинул несколько штук.

Выйдя из магазина, четыре чувака – Фридрихсон, Энгельсон, Марксон и Карлсонсон – встретили девушку, идущую по дороге навстречу. В руках у нее был надувной Чебурашка и надувной крокодил Гена. Гена и Чебурашка были отдельно друг от друга – каждый в отдельной руке. Они были зажаты параллельно тротуару и выдвинуты головой вперед.

Фридрихсон и Энгельсон остались впереди, а Марксон и Карлсонсон стали заходить сзади. Но девушка сказала, что она не боится и сможет огреть всех и каждого по балде Генкой по нескольку раз. А, махая двумя надувными предметами – измолотить Фридрихсона, Энгельсона, Марксона и Карлсонсона в ошметки, в хлам, в капусту и в зюзю.

Марксон и Карлсонсон отступили, а Фридрихсон, Энгельсон обошли.

На рынке четыре чувака увидели Шапокляк, торгующую ананасами, господина Фердыщенко, подметающего пол, и мистера Паркинсона в объятьях леди Альцгеймер.

Свернув на 6-ую Кировскую, наши герои пошли дальше, но бритоголовый Карлсонсон никак не мог вспомнить, не забыл ли он о том, что надо взять ключи из дома. Он по минутно останавливался, бил себя расслабленной ладонью по голове, отчего по всей улице раздавался характерный звук «плясть».

Его друзья не выказывали недовольства, чтобы не отвлекаться и не конфликтовать попусту. Так они шли и шли, слоняясь от безделья и заглядывая изредка в подворотню в поисках приключений.

У всех вдруг внезапно возникла в голове одна и та же мысль: отправиться к теткам в гости. Тетки уже не в первый раз принимали у себя удалую четверку и всегда норовили дотронуться до бритой головы Карлсонсона, думая, что это талисман.

Как будто по мановению волшебной палочки, все четверо свернули в Ганглов переулок и оказались перед заветной дверью. Повеяло сыростью, запахом меди, ядовитыми кошками и соблазном быть застигнутыми врасплох. Тетки открыли дверь, шурша, улыбаясь и пикантно отстраняясь вглубь комнаты. Улыбаться дальше было некуда – рот кончался около ушей.

Четыре друга долго стояли в прихожей, топтали ботинками об пол, стряхивали с них грязь, улыбались в ответ и не решались войти внутрь без приглашения. Тетки стояли, улыбались и ничего не говорили. Глаза теток были открыты широко, улыбкам не было предела. Они поворачивали голову несколько набок и несколько вперед, глядя на четырех друзей в упор заинтересованными глазами.

Пора было уходить. Чай попили и пошли. Хорошо пить чай, когда на тебя смотрит много теток и молчит. В этом есть что-то такое.

Когда вышли на улицу, то заметно стемнело. Шли уже на ощупь, шарахаясь и озираясь. Как бы впотьмах, норовя ни в коем случае не споткнуться обо что-нибудь. Санкт-Петербург блистал во всей своей сумеречной красоте.

Чувак в шляпе

Рассказ

Чувак в шляпе.

Отбрасывающая штаны

Злая баба покупала штаны своему мужу. Осматривая каждую пару, она в неистовстве отбрасывала ее в сторону. Тело ее при этом не двигалось, но глаза и лицо было налиты кровью. Никто из продавцов не решался с ней заговорить. Вскоре в проходе между торговыми рядам образовалась куча из отвергнутых штанов. Все торговцы застыли в недоумении и со скрытым ужасом смотрели, что будет дальше. Казалось, даже пирамиды из помидоров и апельсинов и стеллажи из огурцов тоже застыли и не могли пошевелиться. «Даааа, – думал судебный пристав Афанасьев, проходя мимо сцены со штанами, – ну, дела!». Злая баба почувствовала движение, явно выделявшее судебного пристава из толпы, и обернула свое туловище к нему. Афанасьев решил обратить свои стопы вспять, сделав вид, что онде, что-то забыл, поэтому ему здесь делать, в общем-то, нечего. Отбрасывающая штаны, долго-долго смотрела ему вслед и не скрывала своего морального превосходства. Штанина понуро торчала из ее крепкой руки. Никто не знал в тот момент, был ли у нее муж, нужны ли были мужу штаны, искала ли она в штанах нечто такое, что могло бы ее успокоить, утихомирить, примирить с окружающей действительностью. На базар неслышно надвигались сумерки.

Элина ЛАПП

Студетка ГФ

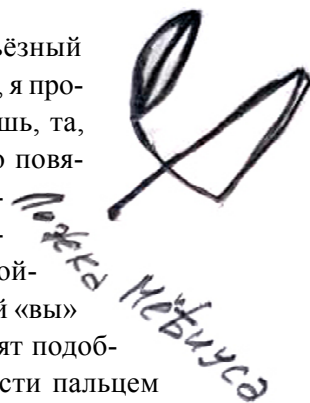
Вещи Мёбиуса

Мёбиусу приснилась Танита. Они сидели в гостиной его лейпцигского дома, пили капучино с ликером и пытались общаться на немецком. Видимо, было выпито уже прилично, потому что они были на «ты».

– Ну не думаешь же ты, – Мёбиус рассказывал об одном из своих открытий (а о чём же ещё ему было рассказывать?) – не думаешь же ты, что это

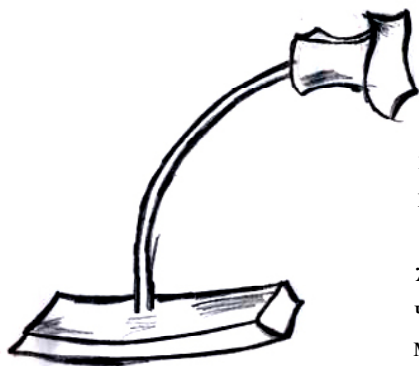
произведёт хоть сколько-нибудь серьёзный переворот в математике? Нет, серьёзно, я просто увидел, как моя экономка, помнишь, та, чёрненькая? так вот, она неправильно повязывала шейный платок. Нет, Таниточка, это всё исключительно ради развлечения таких вот очаровательных фройляйн, как вы... (Он почему-то сказал ей «вы» и слегка поклонился). Фройляйн любят подобные забавные штуки – начинаешь вести пальцем по внешней стороне бумажного кольца, а заканчиваешь – по внутренней. Смотри! (Тут он скрутил из салфетки что-то немыслимое).

Танита улыбнулась и тепло посмотрела раскосыми глазами:
 – Ты не спишь ночами, а потом говоришь, что изобретаешь какие-то игрушки для фройляйн. Тебе не кажется это странным?
 – Танита, ещё древние китайцы говорили, что ум человека – это бешеная обезьяна...

– Бешеная обезьяна, которая не пропускает через себя того, что делает?

Таниточка, нельзя пропускать через себя всё. Иначе не сможешь идти вперёд.

Фонарь.
Просто Фонарь.

Танита хитро улыбнулась:
 – Мне только что пришло в голову, что различие мужского и женского разума – всего лишь в восприятии таких вот загогулин.

– Разница между мужским и женским разумом, милая, в том, что женщина думает о различии мужского и женского разума, а мужчина – нет. Прости за ещё одну загогулину.

Они проговорили ещё немного, а потом Танита Тикарам начала медленно растворяться в воздухе, напевая своим низким голосом «And I know, you'll never be more than a twist in my sobriety...»¹

В гостинной остался только пожилой человек с помятым лицом.

Станислав ПОЧЕБУТ

Студент ГФ

Она

Жизнь протекала медленно и однообразно, по телевизору всё ещё шла «Santa Barbara», а маленький пушистый прохвост продолжал надо мной издеваться, оставляя подарочки по всей, слава Богу, маленькой квартире. Критики рвали глотки, изрыгая нецензурную брань в адрес очередных писателей, брезгующих литературным языком.

Она появилась в моей жизни случайно, к сожалению, не помню как мы познакомились – то ли у Вити на дне рождения, то ли двумя часами позже, в вытрезвителе... Впрочем, её появление заставило меня немного изменить свой маленький заброшенный мирок, давно остывший от постоянных пожаров. Перед её приходом в мой скромный холостяцкий вигвам я вытер пыль в квартире... Ну, может, не во всей, но зато теперь я с чистой (или почти чистой) совестью могу забыть об этом недостойном меня занятии на следующие полгода.

– Ну, здравствуй, алкоголик.

– Какой там «здравствуй», лучше дай двадцатку на «лекарство»...

Забываясь о моей «индивидуальности», она решила, что я больше пить не буду, видимо опасаясь, что она может утонуть в «жутком пойле» – так Катя назвала излюбленный мною божественный напиток с этикеткой «777». На это я возразил, что

¹ «И я знаю, что ты никогда не будешь чем – то большим, чем загогулина в моём сознании...» (фраза из песни Т. Тикарам)

даже в случае её оседания на дне бутылки, бутылку всегда можно разбить, только если она пустая, конечно... Благодаря Кате я стал ходить по театрам, и, что ещё более существенно, сменил «Приму» на «Новость».

Прошёл год, за ним потянулся второй. Мы стали реже ходить по театрам, меньше разговаривать и только маленький пушистый котёнок, превратившийся в большого жирного борова, продолжал приносить всё новые сюрпризы. Когда к нам пришёл Витя, я открыл бутылку со знакомой этикеткой и разлил её по стаканам.

— Как поживаешь, брат?

— Как и все честные труженики нашей необъятной постсоветской страны...

— У меня сынишка вчера с фингалом под глазом пришёл, вот паразит, говорил же ему, не ходи по этой улице с ларьками... Как у вас-то с Катькой дела?

Мне не хотелось отвечать, я молча отхлебнул из стакана. Витю я знал уже давно, меня раздражала его привычка докапываться до всего, что ему интересно.

— Да, не, Сань, я серьёзно, чё как?

— Да всё тем же «каком», по уши в котором мы живём уже 25 лет...

— Мне 26

— Значит, тебе повезло, хотя бы год отходил чистым.

Я знал, что Витя вряд ли уйдет, пока жидкость в бутылке не «выдохнется» полностью. Наконец, он ушёл, и я смог включить телевизор, чтобы насладиться, как выяснилось, «Santa Barborой», потому что в комнату вошла Катя. Круз в очередной раз поссорился с Идан, а дядя с постмодернистским именем Сиси посмел повысить голос на Келли...

— Ты не могла бы переключить на футбол?

— Вечно ты со своей дрянью, ты посмотри, как Келли больно, ведь её отец такая сволочь!

— Мне бы тоже было больно, если бы мой отец носил имя «Сиси».

Прошёл ещё месяц, меня замучила тоска по «Приме», а Катя безумно влюбилась в Круза, и я уже стал опасаться, как бы она не начала готовить покушение на Идан. Комок шерсти с жировыми складками даже между ленивых, но по-прежнему подлых глаз слонялся без дела из комнаты в комнату, и когда он, наконец, понял, что мог бы сделать, два радостных глаза уставились на меня... Я опять опоздал, на полу появилась маленькая лужица желтоватого цвета. Катя терпеть не могла это животное:

– Что, опять?! Я его задушу!

– Сначала поищи с какой стороны шея и голова...

– Этой твари уже пять лет, а ты всё ещё не научил его ходить в туалет!

– Скажу тебе по секрету, я в пять лет тоже иногда писался

– Ты...ты...!!!

– Да, я...я...

Через день Катя собрала вещи и уехала, а я открыл пачку «Примы» и включил футбол. Сложно было понять, что я тогда чувствовал, но бежать за ней мне не хотелось. Я снова остался один, и только большой серый кот смотрел на меня обвиняюще зелёными глазами...

День рождения

Напрасно я надеялся, что мне удастся выспаться после «встречи старых друзей» в забытой Богом бане, где скапливалась грязь со всего Питера. Меня разбудил ранний телефонный звонок:

– Саня, здорово, это Костя! Поздравляю тебя!

– С чем...почему так рано?

– Ты опять пил накануне?

– Представь себе, я даже ел...Так в чём дело?

– Сегодня же 15-тое января, твой день рождения!

– Ну вот, ещё один повод...Прощай здоровье

– Ладно, я спешу, через пару часов заеду

– Захвати «Пшеничной»...

Костя пять лет назад пошёл работать в налоговую, так как его мать всегда следила за своевременной уплатой налогов и

поэтому имела там много знакомых, и, соответственно, всегда спала спокойно... Веселый и находчивый Костя был на редкость честным парнем, поэтому на Мерседесе не ездил – он предпочитал американский Крайслер...

Костя прибыл точно по графику, что ж, такова обязанность налогового инспектора.

– В отличие от мест, которые ты посещаешь по долгу службы, здесь ты всегда желанный гость

– Шёл бы со мной работать, когда возможность была

– Предпочитаю водку чьей-либо крови...

В комнату медленно вошло десять килограммов шерсти с жиром – единственный, кто всегда крепко спал в нашей стране честных налогоплательщиков.

– Ну, Саня, рассказывай, как живёшь, чем дышишь

Я решил опустить последний вопрос, так как полночи просидел, склонившись над унитазом, извергая остатки отвергнутой моим привередливым организмом пищи – я ведь знал, не стоило закусывать...

– Живу тем же, чем дышу, точнее, сначала живу, а уже потом этим приходится дышать...

– Не понял

– Тогда тебе очень повезло, налей-ка по второй...

Двумя часами позже пришёл Витя и принёс ещё две бутылки «Столичной». Затянулась философская беседа:

– Скажите, ребята, ну вот ты, Костя, сколько ты зашибаешь в месяц?

Костя недолго думал над Витиным вопросом:

– Сколько дают, столько и зашибаю. Но, вы же понимаете, не в деньгах счастье...

Я не мог не поддержать Костю:

– В таком случае, я самый счастливый человек на планете...

Беседа продолжалась часа два, потом гости начали распознаться... кто в туалет, кто в ванную. Я, покачиваясь, оделся и вышел во двор, мне хотелось пройтись. Было уже темно, и только слабый свет, идущий от ларьков, слегка освещал до боли знакомую улицу. В этот день мне стукнуло двадцать шесть, но

казалось, что ещё вчера было шестнадцать. Я присел на покрытую снегом скамейку и закурил. Правильно сказал Фалес – всё есть вода, в неё нельзя вступить дважды, но с другой стороны, вода всегда остаётся водой, и не важно какой – прозрачной или мутной, это зависит от того, в какой ручей ты однажды вступил...

Когда я вернулся в квартиру, то понял, что сюрпризы четвероногого мешка с жиром и едва прощупывающимися по этой причине костями – просто ничто, по сравнению со спящим в плохо переварившемся ужине налоговым инспектором. Витя, как я выяснил двумя минутами позже, уснул, принимая душ в шерстяном свитере и протёртых на левом колене брюках. Да, лучшие друзья никогда не забудут про твой день рождения, как, впрочем, и ты про их, ведь это такой замечательный повод...

Остатки ночи я провёл сидя на стуле с «Примой» напротив разбитого Витей единственного зеркала. Когда я посмотрел на осколки, мне показалось, что сейчас это зеркало как никогда яснее отражает истинную картину моей разбитой на кусочки, но всё же каким-то чудом, наверное, по ошибке, не выброшенной в мусоропровод жизни...

Лиза ТАРШИС

студентка ФЭМ

...Мы учились вместе с первого класса. Мне всегда хотелось дружить с ней: улыбчивой девчонкой с черными кудряшками.

Трудно определить, когда началась наша дружба, но одно можно сказать точно, она еще долго не закончится. Через сколько всего мы прошли вместе? Я вечно буду благодарна ей, потому, что она оставалась тем единственным человеком, кто всегда был со мной, как говорится «и в радости, и в горе».

Мы во многом похожи. Редкие имена, старшие братья, строгие отцы... Это всегда помогало нам лучше понимать друг друга, понимать, как никто другой. Понимать, утешать, заступаться, помогать, выручать, сочувствовать...

Это не значит, что мы никогда не ссорились. Было в нашей истории всякое. Ссоры из-за раздела сфер влияния в классе, ревности к другим подружкам, конечно, не обошлось и без мужчин.

Ведь мы во многом и непохожи: мягкая и хрупкая снаружи, но стальная внутри, и жесткая и жестокая с виду, но ужасно неверящая в себя. Мы идеально дополняем друг друга.

Мы сидели за одной партой больше двух лет, знали друг о друге все, или по крайней мере, очень многое. К сожалению, частенько ссорились по мелочам и, к счастью, быстро мирились. По правде говоря, мы так привыкли друг к другу, что осознать невозможность нашего общения каждый день в течение всей рабочей недели нам еще долго не удастся.

Летом, когда мы не виделись, всегда успевали сильно соскучиться, поэтому первый месяц в школе у нас всегда было много информации для обсуждения и переписки. Но это не означает, что все остальное время нам было не о чем говорить. Мы всегда могли найти тему для беседы, которая повеселила и развлекла бы нас.

Теперь она уже совсем не та наивная малышка, какой была много лет назад. За внешностью ангелочка кроется уверенная, сильная, стильная и умеющая дать сдачи девушка, прочно занявшее значительное место в моем сердце.

И когда я думаю о том, как повезло Кэрри Брэдшоу, что ей есть с кем позавтракать в кафе утром выходного дня, а заодно и обсудить последние новости и сплетни, я больше не расстраиваюсь. Пусть таких подруг у меня не три, а всего одна, но зато какая!

Я могу с уверенностью сказать: «Моя мечта сбылась: я стала подружкой улыбчивой девчонки с кудряшками».

Работа Валерии Смирновой

Алишер ШАРИПОВ

окончил СПбГУ

Феликс

*Женщины часто говорят:
я его люблю, сама не знаю за что.
Вот ... !*

(А. Мариенгоф)

От него все время пахнет тройным одеколоном. И вовсе он его не пьет, кстати, когда пьешь тройной, то запах становится другим, вроде скисшей солярки. Он просто такой вот стилияга: носит дедов клетчатый пиджак с дырой в подкладке (удобно прятать полтинник на утро), перекошенные очки, какие-то стоптанные, но крепкие башмаки, бреется ржавым опасным золингеном и натирает после этого физиономию и шею тройным одеколоном. Покупает его в ДЛТ по 14 рублей 40 копеек. Все честно, фабрика Новая Заря, 75%, без консервантов и красителей. Не понимаю, как эту бурду до сих пор не сняли с производства.

Фантастический бабник. Причем, он-то убежден, что с ним все романтические эпизоды происходят сами собой. Он никогда не имеет намерения кого-нибудь очаровать и завлечь, например, в котельную или на теплый, пахнувший мышами чердак. Не липнет он к женщинам и влажными глазами на них не смотрит. Но как бы из ничего происходят у него отстраненные знакомства с дамами, и происходят где угодно – на политических митингах, в трамваях и булочных, у пивных ларьков и в книжных магазинах, в чайных, под навесами остановок, в холлах гостиниц и на массовых гуляньях, в тамбурах пригородных электричек и на пешеходных переходах. Однажды он познакомился с француженкой, перестукиваясь с ней через кирпичную стенку в общественном туалете Витебского вокзала...

В первые минуты знакомства он всегда неуклюж и даже неприветлив. Но вдруг происходит неуловимый коммуникационный кульбит, и – бац, они уже под ручку. Непостижимо!

Вообще-то такое чучело в городской толпе, конечно, заметно. Один запах чего стоит. Со временем я начал догадываться о магическом свойстве этого запаха: отталкивать модных девочек-куколок, к которым он испытывает утонченное презрение, и привораживать тех представительниц прекрасного пола, которые отягощены интеллектом, проще говоря, слегка сумасшедших.

С недоумения все и начинается.

Шли мы с ним однажды откуда-то куда-то – солнце звенело в троллейбусных проводах, выпитое пиво струйками сочилось с затылка под рубашку – и нужно было пересечь Невский, может быть, на Марсово поле шли, не помню. В трубе у Гостиного, выпятив нижние челюсти, надсадно горланили два подростка в черных одеждах, драли старенькие гитары. Небольшая разношерстная толпа подпевала.

Я, наверное, человек скучный, все эти отпрыски андеграунда настолько набили оскомину, что мне даже в голову не пришло бы заинтересоваться. А он вдруг стал как вкопанный, закатил глаза и запричитал: «... больна-а..., на-а вечеринку а-а-ди-ин». Аромат тройного одеколона немедленно образовал вок-

руг него удушливое облако. Облако окутало стоявшую рядом высокую молодую девушку. Она, естественно, обернулась и окинула его быстрым оценивающим взглядом. По выражению ее лица я понял, что никакого социального определения носителю убойного запаха она не сумела подобрать. А тот, пребывая в мечтательном экстазе, качал головой и бормотал:

– Витя... братушка...

Девушка недоверчиво смотрела на него красивыми, слегка раскосыми глазами – с недоумением и, на всякий случай, с легкой неприязнью. Но он запросто объяснил:

– Ни одного концерта не пропускал. В окна лазил... морды бил...

Прозвучало это несколько нелепо, мне даже стало стыдно за него перед такой милой девушкой. В то же время приходилось признать, что он, во-первых, не врет, а во-вторых, не рисуется – произносит слова в своей обычной манере, как сказал бы, например, мне на кухне сквозь папиросный дым. Никаких галантных улыбок – отстраненно. Но разве можно говорить так с симпатичной незнакомой барышней?

– А я его не застала. То есть помню, но смутно, – призналась девушка, – По телевизору видела.

– Он великий даже по телевизору. Магнетическая личность, вот в чем дело. Пили с ним бормотуху.

Боже мой, что за вздор, думал я, что он несет...

– По-моему, ребята неплохо поют! – заметила девушка, защищая свое поколение.

– Вообще-то так себе. Однако стараются. Ваши знакомые?

– Да нет, просто шла мимо.

– О! Мы тоже идем мимо. Давайте выпьем по бутылочке пива. Помянем Цююшку, раз уж так сошлось.

– Честно говоря, не самый удачный момент. Мне на работу надо.

– И нам на работу! Что ж теперь, пива не пить? – в его голосе удивление и укоризна, так говорят с маленькими детьми. Я бы немедленно обиделся.

– Хотя, в принципе, можно опоздать. Вот именно сегодня – можно. Начальница уходит в отпуск.

Гипнотизирует он ее что ли?

И вот мы, уже втроем, шагаем вдоль садика Екатерины. Само собой появилось пиво, он стал вдумчиво вспоминать подробности концертов, «где они с Цююшкой... эх-х». Девушка слушала и, не лыком шитая, рассказывала о недавнем своем знакомстве с БГ. Выяснилось, что она спекулирует билетами на рок-концерты (этим и живет), и у нее есть друг, по кличке Крокодил – горький пьяница, хотя и очень-очень добрый. Она так и сказала: «очень-очень добрый» и даже зажмурилась. Тут же обнаружили и какие-то общие шапочные знакомые – не то музыканты, не то звукооператоры. Я шел и поддерживал беседу, изо всех сил стараясь не смотреть на ее грудь. Призывная была грудь, просилась на волю из стильного льняного платья. Здоровая двадцатилетняя девушка, дитя своего времени.

Мы свернули по Фонтанке и бесцельно направились прочь от шумящего проспекта, растворяясь в ностальгии рок-н-рольных времен, обсуждали, где бы поблизости обрести еще дешевого жигулевского. Все это время он настойчиво ухитрялся не проявлять к ней интереса как к женщине. А может, он попросту такого интереса не имел. Внимательно глядел ей прямо в глаза и слушал, ни разу не соскользнув взглядом на две ее сильных загорелых ноги. Называл сестренкой, хохотал и дурачился. Я внимательно наблюдал, стараясь не пропустить момент чудесного кульбита.

Ныла во мне мысль, что она очень даже в моем вкусе, с такой бы вот плюнуть на все, да уехать в Коста дель Соль или на мыс Доброй Надежды (прекрасное название для земного рая, почему-то я был уверен, что этот мыс находится в Меланезии); уехать, не раздумывая, прямо сегодня, и начать новую прекрасную жизнь рядом с этими крепкими ногами, забыться в пышной русой гриве волос, купаться с ней голышом в какой-нибудь лагуне, жарить по вечерам на костре неуклюжих крабов и больше никогда в жизни ни о чем не жалеть. Но я с тоской отогнал эти мечты, потому что прекрасно понимал, что шансы мои даже не ничтожны, их просто нет.

Вместо лазурного пляжа передо мной опять была горячая Фонтанка, усеянная белым тополиным пеплом, удушливое марево окутывало город. Пиво мы все-таки нашли, и теперь оно в очередной раз совершало магические манипуляции с сознанием, делая окружающих дружелюбными, гарцующих по газонам ворон – элегантными, а помойные бачки загадочными. В такой летний полдень можно для разнообразия заглянуть в Пирожковую или распластаться на гальке у Петропавловской. Главное – не строить далеко идущих планов, а не то в этот маленький праздник опять просочится затхлый душок будней.

Смотрел я на нее, и хотелось мне – понятно чего. Дружеских объятий и брудершафта. Женского внимания к своей персоне. Пусть даже безо всякой Доброй Надежды. И чтобы ненавистный запах одеколона как-нибудь незаметно исчез вместе с клетчатый пиджаком и его обладателем.

Тут я услышал краем уха обрывок их разговора и понял, что сегодня кульбита мне не видать. Ей понадобилось... ну, в общем, понадобилось. Мы как раз проходили мимо подходящей подворотни. Произошла очаровательная сценка. Он рвался показать ей самый уютный дворик этой подворотни, в которой прошло его детство (и опять он не врал!) – с очаровательным кустом жасмина за гаражом. Она смущенно благодарила.

– Спасибо, я все-таки сама, – улыбалась она и опускала глаза.

– Господи! – возмущенно восклицал он, – да я просто покажу место и ретируюсь! Не стану же я, в конце концов... Что вы себе вообразили?!

Взгляд его был серьезен, голос вызывал неколебимое доверие. Перед нами, размахивая пивной бутылкой, стоял воплощенный Дон Кихот, который готов был разбиться в лепешку, чтобы обеспечить даме все условия. Разумеется, совершенно бескорыстно. Чего бы она ни пожелала. Казалось, прояви она еще хоть чуточку недоверия, и он тут же развернется, посыплет голову пеплом и уйдет в монастырь. Наконец, она преодолела свое стеснение, и они исчезли в пахнущей плесенью кирпичной прохладе двора.

Я остался на набережной и от нечего делать стал вспоминать нашу сегодняшнюю пивную траекторию. По одной у Казанского, нет, там по одной не бывает, значит по две, так, по дороге к Гостиному по одной, потом брали где-то у садика, кажется, бутылку пять, потом еще по одной на Гороховой; выходит, в общей сложности не так уж много. Что же это меня так разморило? Неужели жара? По реке, квакая громкоговорителями, проплывали прогулочные лодки. Туристы вертели головами.

Прошло, наверное, минут двадцать. Подворотня равнодушно разевала сырую беззубую пасть. Бескорыстного Дон Кихота и загорелой Дульцинеи как будто и не бывало. Я засомневался: а может, мне просто пригрезилось это невнятное летнее утро? Весь этот рок-н-ролл, льняное платье, лазурный берег с крабами, тройной одеколон и джинсы в обтяжку... Просто возник зыбкий городской мираж, соткались из влажного летнего воздуха двое, пошумели в моей голове выпитым пивом, а теперь вот, потянул с Фонтанки свежий ветерок и развеял наваждение?

Свои сомнения решил я все же проверить, и, бормоча под нос что-то нелестное, поплелся в подворотню. Выиграло во мне любопытство, почти спортивный интерес. Первое, что надлежало определить – проходная ли подворотня. Она оказалась ячеистым каменным мешком, что сразу повысило мои шансы отыскать беглецов. Нашел я гараж и обещанный кустик жасмина за ним. Действительно, очень уютное местечко. Мало того – ни зловония, ни классических окаменевших крендельков. Зато на окраине лужицы разглядел я след его старинного ботинка. Вот так. Значит, было – и утро, и платье и крабы. Моя тревога по поводу собственного рассудка рассеялась. Захотелось пива.

Зная его пристрастие к крышам, я на всякий случай вошел в один из подъездов. Просто для очистки совести. Поднялся до чердачного выхода. В полумраке ступил в кучку кошачьих какашек. Чертыхнулся и спустился обратно во дворик. Огляделся. Беглецов нигде не было.

Тогда я вышел из каменной сырости на Божий свет, купил себе еще пива и отправился восвояси.

Лабораторный практикум:
Что делать?

Работа Анны Астуховой

Анна АВДЕЙЧИК

Студентка факультета социологии СПб ГУ

Знаешь, милый, я схожу с ума...
Только никому не говори!
Поздней ночью, сидя у окна,
Молча задыхаюсь от любви.
Ты мне скажешь: «Нечего молчать!
Смейся! Пой! Кричи!» Но вот беда,
Ты не понимаешь, что сейчас
Со своей любовью я одна.

Анна АВТУХОВА

Студентка ФЭМ

Дневниковые записи на полях конспекта

1. Маленький Принц

Чтобы себя позабыть – многие носят маски,
Кто-то глядит в бутылку и изменяет сознание...
А мне все это не нужно, я – Маленький Принц из сказки.
Шляпа с большими полями – единственное желание.

Октябрь 2006

2. Мое стихотворчество

Как поэту нужны мне эмоции,
Обязательно вдохновение.
Вот рецепт для стиха на 2 порции:
Звонок друга, любви наваждение...
Как и Бонду смешать, но не взбалтывать,
Стресса можно добавить по вкусу...
И круги по квартире наматывать,
Ожидая Пегаса укуса.

Декабрь 2006

3. Парадокс

Звук идущих часов не дает тишине воцариться;
В темноте монохромным становится красочный мир.
На постели из роз видит сны молодая тигрица
И уютно сопит, веря в то, что она Murmeltier.

Январь 2006

4. Праздник-праздник

Я не Солнце сегодня,
Большое и дружелюбное.
Как жаль!
Я – Уран и, похоже,
Донельзя обогащенный.
О, да!
На дворе, к сожалению,
Ни март, ни июль и не май.
Февраль.
Солнце выглянет –
И буду снова добрая.
Как всегда.

14 февраля

Валерий АЙРАПЕТЯН

Мир взят в аренду местным театром кукол.
Тебя съедят, как бедолагу Кука –
не дикари, а люди – все от Hugo,
останки съест назойливая вьюга,
а прах развеет ветер, тот, что с юга,
и ты поймешь, что быть собою мука.

Ночь детской больницы

Девочке, той, чья кроватка по левую руку,
слышно.
Мышь
ползают тени огромных деревьев по стенам.
Стуку
песчаного ветра в корявые двери нет входа.
Венам,
открылись дороги в царство подкожи.
Только
и смотрится в душу телодвижений ночных до восхода.
Колика
жуткая сбоку молнией стали вонзилась в горячую почку.
Вожжи
хрустальные мнет обнаглевшее время,
а в раму
лезет заблудшее утро, не доводя до веселья.

Такая тишина, что ухо
желает обрести способность слуха.
Такая тишина, что мухи
несутся молча, точно духи.
Так тихо, что кромсает очи
расправленным крылом летящей ночи.
Так тихо, что поддоны ада
такому обстоятельству не рады.
Так тихо, что стареющие звуки
гнетут танталовые муки.
Так тихо, что игривый свет
вдруг дал молчания обет.
Так тихо, что уже и я
заполнил тело бытия.
И, даже пустота молчала –
то было признаком начала.

Время непостижимо в смысле
здоровой работы мысли.
Бетховен, лишь детище звука;
дуб не аналог бука.
Словом быть может и буква,
как концентрация выси.
А вещи не станут ближе,
если поставить их выше.
Тело не ждет пощады, –
чему, впрочем, мы и рады.
Время не знает причины
рождения и кончины.
Иллюзия – самка уснувших,
грядущих и все же минувших.
Не станет отныне тени,
здоровье взяло бюллетени.
Не будет по утру света,
надежды и минуэта.
Время откроет тайны:
смерть перестанет быть явной.
Жизнь, как кусок перехода –
от выхода и до входа.

Поэту Юре Королёву

Поэт Королёв – настоящий поэт, а не мнимый.
Блуждает во тьме Петербурга его силуэт.
Поэт Королёв проходит в метро по сантиметрам,
И в этом моменте он тоже первейший поэт.

Под фетровой шляпой таится его понимание
Всех нас – очарованных тайным мерцанием стиха.
Поэт Королёв не скрывает своих ликований
По поводу факта, что Муза не знает греха.

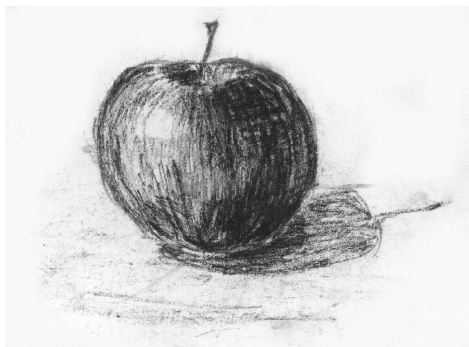
Он дружит с орбитой и околозвёздным пространством,
Он выписал пропуск в квартиры мельчайших частиц.
Ему улыбаются линии чёткого раstra,
Совсем, как на лицах, кокетничающих девиц.

Он дышит реальностью потустороннего мира,
Нырняя в бокал фантастических красок Дали.
Ночами нисходит к нему ненасытная лира
И просит его, чтобы он её ублажил.

Во снах городов развешены чёрные пряди
Его окантовок, совсем неразлучных стихов
С дыханьем ночным. Расстоянье во множество стадий
Он отмеряет молчаньем не сказанных слов.

В реестре небесном он числится ангелом ноты.
Уставшее время, встало на ветхий перрон
Больного искусства, в котором немые пустоты
Наполнит звучаньем его неземное перо.

Поэт Королёв – настоящий поэт, а не мнимый.
Блуждает во тьме Петербурга его силуэт.
Поэт Королёв проходит в метро по сантиметрам,
И в этом моменте он тоже первейший поэт.

Работа Марии Парфёновой

Надежда АФАНАСЬЕВА

Студентка ГУ-ВШЭ

Наше вечное «нет»

На холодном снегу их босые следы,
Отрывая минуты ненастных порывов,
Наше вечное «нет» не починит мосты,
Наше вечное «да» не вернет наших крыльев.
На высоком холме бродят темные сны,
Под печалью укрыты бывшие романы.
Наше вечное «жаль» не подарит весны,
Наше вечное «верь» не увидит Нирваны.
На колючем ветру умирает огонь
Под нескладные песни отжившей тревоги.
Наше вечное «пусть» подвело нас с тобой,
Наше вечное «чуть» сбило с верной дороги.

Фантом

Позови меня, помани рукой
И не важно, кто ты и чей.
Покажи мне свой мир, иссиня голубой
Из ярчайших лунных лучей.

Нареки меня, обручи с огнем,
Серый пепел развей над рекой.
Подари мне звезду, чтобы ночью и днем
Освещала весь шар земной.

Отвлеки меня, освети мой путь
Ярко-белым святым лучом.
Ослепи беду, что стучит мне в грудь.
Дай, усталой, свое плечо.

Обними меня, от других укрой
Своих мягких ладоней теплом.
Отогрей этой мрачной зябкой зимой,
Мой любимый, мой нежный Фантом...

Ангелу

Не уходи, мой ангел безутешный,
Я лишь с тобой могу быть настоящей.
Я лишь сейчас могу быть свято-грешной,
Немного нервной и чуть-чуть уставшей.

Прости меня, я слишком мало знаю,
Но лишь тебя я вижу в полумраке.
Мне в сотый раз ходить одной по краю,
Не помня боли и не веря страху.
Не уходи, я снова на коленях.
Я лишь одно хочу молить у Бога:
Я снова стану белым привиденьем –
Прошу, верни меня в МОИ дороги...

Надежда БАРАНОВА

Студентка ФКТИ

Посвящается классикам

Стихов? Я больше не умею...
В мои лета не должно сметь,
Внутри спокойно леденеет
Все, что способно леденеть.

Где прежде жарко трепыхались
И жизнь, и слезы, и любовь,
Теперь обычная усталость
И масса нецензурных слов.

Живу на выдохе – без вдоха
Молчи, скрывайся, и таи,
И под наркозом суматохи
Свои размениваю дни.

Многоточия

Очарование самых первых строчек
Под языком зашевелилось робко.
Я снова ставлю кучу многоточий –
Они приятней, чем любые скобки.

Волна всеильной тепловатой дрожи
Идет от сердца, отнимая волю...
Оно живет и бьется... Правый Боже!
Мне так светло, и радостно, и... больно...

Уже почти зима. Хрустит ледок на лужах,
Ровнее бьётся пульс, и дышится легко...
Печально сознаю, что скоро снег закружит,
И скроет небеса в подтеках облаков...

Который день подряд я не могу согреться
И не хватает слез, как не хватало слов...
Блудливая тоска подкатывает к сердцу
И ластится к нему, и дышит тяжело...

Любовь была слепа. Она хотела верить,
Что в этом мире Зла чуть меньше, чем Добра...
Колотится в груди тупая боль потери,
И поздно выяснять, кто был из нас не прав.

Слышишь: соль диез – до диез – ми...
Снова пальцы касаются клавиш...
Эта музыка сном неземным
Отзывается в сердце уставшем...
Черный кофе у строчки стихов,
И бессонницы лунная проседь,
А на сердце так грустно-легко...
...Просто осень, обычная осень...

Я не хочу казаться пафосной,
Но все-таки
Напоминает ветка тангенса
Излом реки.
Морские волны синусоиды –
То вверх, то вниз...
Души координаты строгие
Переплелись.
Пусть производная в экстремумах
Равна нулю,
Но минус с минусом, наверное,
Получат плюс!
Когда придет седьмая пятница,
То у костра,
Я буду тихо струны пальцами
Перебирать.
Давай не будем спорить с Вечностью –
(Что смысла в том?)
А зазвучим хрустальной секстою
Как ми и до.

Вечная обреченность на тихое одиночество,
Острая утонченность забытых строк...
Чье-то несбывшееся пророчество
Съедает измученный, древний Порок.

Пьяная, вульгарная, сытая Добродетель,
Уверенно бредущая по лезвию ножа,
Ловит в свои дырявые сети
Дураков, у которых не окрепла душа.

И, заблудившись в своем подсознании,
Вечность смеется оскалом звездным...
Мука и радость в процессе создания
Новых миров из гудков паровозных!

Все хаотично, но все и размеренно...
Высшего Смысла глухое дыхание
Давит безжалостно в стену Времени,
Будит истертые воспоминания.

Болью и смелостью жизнь наполнена –
Чьи-то слова и лица истлевшие
В память стучатся холодными волнами
И на душе оставляют проплешины.

Если не хочется в огненном золоте?
Снова ослепнуть от счастья доверчиво,
Что же мне делать под небом расколотым?
– Нечего, нечего, нечего, нечего...

Марина БАХЕНСКАЯ

Студентка факультета социологии СПбГУ

Когда зима нас белым блеском
Накроет смело с головой,
Ко мне ты повернёшься резко
И отведёшь меня домой.
Я буду таять у подъезда
Снегуркой, что ждала весны,
И распахнувшаяся бездна
Раскроет тайну новизны.
Я уплыву туда, где сосны
Скрывают бережно рассвет,
Где сотни лет сплошные вёсны
Хранят бесхитростный секрет.

Выбор

Льёт дождь в январе и с надрывом,
С безмолвным снегом пополам,
Есть ты у меня, с перерывом,
Который назначишь лишь сам.
Мне осень клянётся на небе,
Что в город пришла навсегда,
Что выбор дороги – не жребий,
Что с правдой случилась беда.
Мне даже не больно, мне страшно,
Что замкнут навязанный круг,
Что всё, что так свято и важно,
Останется в осени вдруг...

Павел БЕКЛЕШОВ

Студент ФЭМ

Лене Баксинер

На небе туча бродит ясном –
Предвестник бури роковой.
Так и во мне тревога стонет,
Когда тебя не вижу долго,
И в сердце боль и прочь покой.

Приди, развей мою печаль,
Улыбкой тучу разгони.
Пусть Солнца луч тебя согреет,
Его тепло мне подари!

Люблю цветы.
Но живые.
Розы красные.
Дарить.
Кому попало в подворотне,
а потом слезой запить всю тоску в душе.
Что не разделить
С городом из грязных улиц
И сереньких дворов.

Дарья БЕРТОВА

Студентка ФЭМ

Ты уходишь тихо по-английски...
От чего-то свет не гасишь в ванной;
Я тебе кажусь смешной и странной...
Присылаешь SMS - отписки:
Я грущу с рассвета до рассвета,
И в руках мобильник свой сжимая...
Мне, наверно, не найти ответа:
Для чего любовь нужна такая...

Будильник

Я жму будильника курок,
Мне мстит встревоженный звонок,
Не замолкая сразу:
«Проснулась я, ЗАРАЗА!»
Не прекратился мерзкий писк –
Мечта – разбить будильник вдрызг –
Так неосуществима:
«Проснулась я, СКОТИНА!!!»
А он не слушает меня,
Кричит, ругается, звеня,
И всё ему неймётся...

А может он смеётся?
Над сном моим и надо мной,
Над каждодневной суетой
И утром дикой спешкой –
За всем следит с усмешкой!
Меж мной и временем – связной,
Мой ненавистный и родной...
Сна моего насильник –
Всё это – мой БУДИЛЬНИК!!!

Катерина БОНДАРЕВА

Студентка ФЭМ

Стиххххххх

Ты спускался по этой лестнице,
ты держался за эти перила,
ты безумно любил мои пепельницы.
Я тебя ещё не забыла.
Ты сидел на полу и пальцем
рисовал ветряные мельницы.
У тебя браслет на запястье,
а диван твой кроватью стелется.
Ты ночами тревожно куришь
и думаешь беспробудно,
ты меня, наверное, любишь,
хотя это, конечно, так трудно.
Ты не любишь в обед есть первое,
свет дневной зажигаешь ночью,
и хожу я по комнате нервная –
у меня занавески прочные.
Я тяну на себя одеяло
и прошу отдать мир мой обратно,
мне тебя постоянно так мало...
неужели тебе непонятно?
Наши ссоры – стимулы к творчеству.
Телефон твой, наверно, выключен.
Завтра я не хочу одиночества.
Позвони мне? Конец. Многоточие.

Работа Виктории Борщевской

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Член правления Союза писателей Лен. обл и СПб

Уставшая Парка иные плетет кружева.
Кармен на мосту, золотые считая монеты,
Набросит на голое тело хмельные слова...
И в город морозный нагрянет мадридское лето.

Стучи каблуками по спускам гранитным!.. Вразброс
Вчерашние карты и чьи-то ночные интриги.
На шелке потертом букеты тюльпанов и роз.
Она не читала твои устаревшие книги.

Она не любила твои потайные ходы.
И песни другие она напевала от скуки.
Но вот вы стоите сегодня у самой воды.
Ее обнимают твои загорелые руки.

А Парка, как сводня, плетет и плетет кружева.
И падают в воду на счастье туристов монеты.
И падают в память хмельные смешные слова,
А память стекает, как капля, по берегу Леты.

Без маски

На сброшенных скалах так просто играть в королей.
Легко распознать в прежней юности старый подлог.
Не верь леопардово-страстной ухмылке дверей,
Когда обиваешь напрасно не первый порог.

И время подводит, когда твоя дрогнет рука.
Ну, что с него взять, если лифт опускается вниз?
Нам кажется, строятся эти мосты на века,
Придет половодье и скажет похабно: «Сююприиз...»

Художник, ты слеп и, конечно, не знаешь людей,
Как я, никогда не изведая лучшей любви...
А, впрочем, мошенник, ты – очередной лицедей,
Творя опереточно новые козни свои.

Так просто... Как просто?... Так сложно... И свита в поту,
Верней даже – в поте лица, прорываясь вперед.
Измыленно падает занавес... Невмоготу
Уверить себя, что достигли желанных высот.

Но рушатся скалы амбиций. И ластик времен
Старательно лижет устои любого моста.
Похоже, мы умерли, взвесив полуденный сон,
А, может быть, только бездумно смешали цвета...

Песня

Нежно-небывалая отрада...

Николай Гумилев

А бесконечность – брюнетка.

И моя жена.

Вячеслав Дробков

Журавка милая устанет ждать.
И верный конь один вернется к дому.
Сегодня я останусь ночевать
У той, с которой мы едва знакомы.

К ней запросто по шляху не дойти.
Там не гостят земное зло и скверна.
В ее зрачках – все Млечные Пути.
И каждая пылинка там – бесценна.

А ночь прямых распущенных волос
Сильнее ветра и дорожке шелка.
Там, рядом с ней, похоже, всё сбылось.
И до рассвета – бесконечно долго.

Она ни слова не промолвит мне,
Когда мы подниматься станем выше.
И в той неоспоримой тишине
Иные клятвы суждено услышать.

Холодное тепло ее руки
Любую рану навсегда излечит,
Когда в степи мерцают светляки,
Бесшумно капли звезд летят на плечи.

Ксения БУРЖСКАЯ

*Студентка ГФ. Журналист.
Корреспондент газеты «Деловой Петербург»*

Она сводит меня с ума.
Расстреливает из-под ресниц
Как из арбалета.
На каждой влажной выемке
Глухой укус.
Культурного шока —
Оперы и балета
Мало, чтобы играть
В маркиз.
Она пробует боль на вкус —
На брудершафт разделили
Сухое и крепкое лето,
Наматывая нерв на нерв
В кривую атласных бус.
Она убивает меня словами.
Я лишь прикрываю живот,
Не так уж больно согласная
В солнечное сплетение.
В немую гримасу сложился
Греческий рот.
...Прости, что не пригласила
На День Рождения.

Вечера в театральных пабах.
Швыряю грог в больное горло,
Словно это люголь.
Французский мужчина
С манерами изящной фабулы
Для киноромана
Поправляет гольфы.

Мальчишка дышит руками,
Извлекая из мехов аккордеонных
Всю соль и сладость.
Я люблю тебя за ночь до встречи,
Потому что она-таки будет.
Такая радость:

Твоим «рядом» измучить зрочки
До потери билета на поезд.
Я не хочу уезжать,
К вечеру потеплело и снежило.
После:

Французский бармен учтиво предложит
Все самолеты, маршрутки и корабли,
А я промолчу – мои губы свело восторгом
От мысли, что знаю цвет твоего Шабли...

Ее пальцы ударились
В щеки мои
С разбегу.
От нечего делать.
Я попросила: перчатки сними.
И тоже потом разделась.
И тонкие копчики
Наших зонтов

Касались друг друга
Веерно.
Я резала пальцы
О тонкий стан
Стального предчувствия
Ветра.
И бусы надежд
Сжали сердце мое,
И я попросила: останься...
Она брови выгнула
Как сиркомфлекс,
Одернув меня,
Как ранец.
И руки мои – с ее плеч
Долой
Летели до самого неба.
И пряталась сонно в берлогу
Зима,
Царапая спину о вербу.
И зону ее эрогенного
Слуха
Я молча ласкала словарным
Запасом.
До самых последних желтеющих
Пор,
До самой рябины красной.

Альбина ВОЙТОВИЧ

Студентка ФЭМ

Слишком рано пришла зима...

Слишком рано пришла зима...
В суматохе холодной метели,
Мы с тобой подобрать не сумели
Для любви простые слова...

Слишком рано метёт метель...
И в суровой ноябрьской стуже
Я шепчу: «Ты всё также мне нужен...»,
Только стынут слова на губах...
Слишком долго за дверью ждала,
И душою в весне оставшись,
Замерзаем, за руки взявшись,
Видно осень была права...

Неродившейся дочке

Запираюсь всё чаще я дома,
И слова собираются в строчки.
Я пишу колыбельную снова
Для моей неродившейся дочки.
Слышишь милая, зайка, родная,
По тебе каждый миг я скучаю.
Не смогла ты прожить даже дня,
Но ведь я так любила тебя.
Ты не бойся, не плачь и прости,
Я тебя не сумела спасти.
Разлучила жестоко судьба,
Но ты в сердце у мамы всегда...
Знаю ангелы там наверху,
Убаюкают душу твою.
Не со мной, так хотя бы в раю,
Спи родная, целую, люблю...

Тишины!

Тишины, хочу я, тишины!
Разве это много? Нет, едва ли.
Не хочу, чтоб все об этом знали,
Не хочу, чтоб портили мечты.
Я хочу, чтоб обо мне забыли,
Хоть на время, хоть не навсегда.
Я хочу, чтоб все как прежде жили,
Только лишь, была бы тишина!

Сколько можно говорить о разном,
О бездушном, пошлом и скупом.
Ведь на свете это всё не важно,
Думать надо вовсе о другом.
Помолчите взрослые и дети,
Помолчите судьи на суде,
Помолчите продавцы, соседи,
Помолчите, ради Бога, все!
Не хочу я вечного безмолвья,
Чтоб на свете правило всегда,
Я хочу лишь чуточку покоя,
Чтоб в душе царила тишина!
Мне необходимо бесконечно
Ощущенье дивной чистоты,
Жить хочу я тихо и беспечно.
Тишины, прошу я, тишины!

Анна ВОСТРИЛОВА

Студентка ГУ-ВШЭ

Ты осталась одна на мгновенье.
Опустилась на стул и забылась...
В личной жизни твоей обновление:
Твоя свадьба сегодня случилась.

Ты взглянула на правую руку,
На фату и белое платье...
Ах, зачем обрекла ты на муку
Себя и разрушила счастье?..

Огляделась вокруг ты, и слезы
Побежали по нежной коже.
На пол бросила белые розы
И упала на брачное ложе...

Потеряла любовь ты случайно:
В катастрофе погиб он, под Нижним.
Отпустила ты чувство недавно:
В новой жизни оно станет лишним.

Ты не плачь, любовь не воротишь,
Не воскреснет парень твой первый.
Так зачем же ты сердце тревожишь?
Ведь полюбишь сильнее, наверно...

Вокруг зелено,
Небо синее,
Ветки связаны
Паутиною...

Наша жизнь течет,
Как Нева-река.
Надо мной плывут
Замки-облака...

Не остановить
Нам течения:
Нужно лишь доплыть
До спасения:

Где любовь одна
Живет чистая...
Не достать до дна –
Река быстрая...

Олег ГОСТЕВ

Студент ФЭМ

Осень фонарей вечерних
Освещает старый парк.
С золотым ковром играет
Ветер, странствующий чуждак.

Девять ровно, и напротив
Белая скамья пуста.
Вечер кружит вальс кленовый,
Чувствую твои уста...

Блики фар и гром трамваев,
Старый город гасит свет.
Будь со мной, мой ангел нежный,
Рядом будь еще сто лет!

Все мои воспоминанья
Детских, теплых, светлых дней
Ранят сердце и сознание
(Дождь, тоску мою залей...)

Влаги аромат вдыхаю,
Страсти замедляя шаг.
С золотым ковром играет
Ветер, странствующий чуждак.

Екатерина ДЕДУХ

Абитуриент художественного училища им. Н.К.Рериха

Семиструнная вечность

Семиструнная вечность звенит
В колебании теплого моря,
Когда солнце уходит в зенит,
И проходят последствия горя.

Семиструнная вечности всегда
Отзовется на капельку света
И, хрустальная, словно вода,
Улыбнется присутствию лета.

Памятник

Поставлю памятник умеющим прощать.
Поставлю памятник умеющим забыть.
И пусть вечерняя седая благодать
Укроет синюю есененскую выть.

Поставлю памятник тому, кого не знал.
Тому, кто, может быть, не умер как герой,
Но, несмотря на то, достоин всех похвал,
Как человек. Как Человек любой.

Север

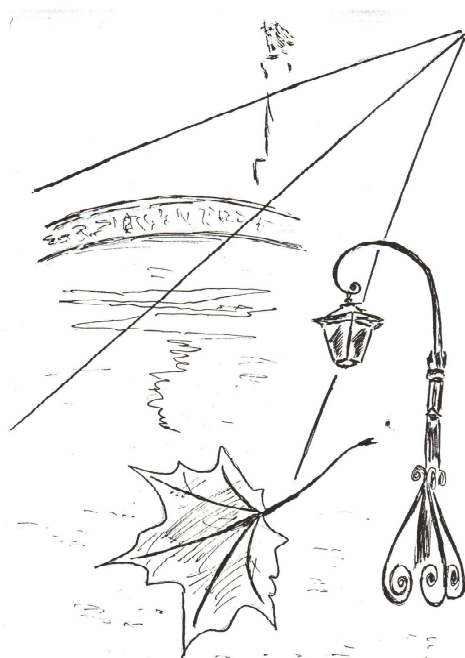
Север – холодная вьюга тоски.
Чистое холодом вытерто небо.
Всё в этом крае казалось нелепо –
От дома до самой последней доски.

Но оказавшись однажды вдали –
Вдруг понимаешь, как тянет на север.
И в сторону бросив расписанный веер,
Глядишь, как на север идут корабли.

Нарисованный дом

Нарисую дом.
И на этом закончу.
А в доме барашек, а в доме – кот.
Всё это в нем,
Даже девушка в пончо,
И шкаф, и кровати, и ветхий комод.

Нарисую сад,
Чтобы дом окружали
Зеленые травы, деревья в цвету.
И дома фасад
Будет сделан из стали,
Чтоб жизнь не смахнула его в пустоту.

Работа Виктории Борщевской

Ольга ДЬЯКОВА

Студентка ФПБЭИ

И.О.С

Мне казалось мы знаем друг друга давно;
Календарь утверждает – недавно.
Время что-то решило, зачем-то пришло,
Говоря будто: «все не случайно».

Ты искал в моем сердце уснувшую боль,
Разбудил – незнакомую силу.
И, последовав слишком поспешно за мной,
Убедил, что тебя не покину.

Потревожив безвольно блуждающий сон,
Утопив безвозвратно сомнения,
Неужели толкнешь в разъяренный огонь
И пойдешь дальше без сожаления?

Или, может, коснешься нежно рукой
Моих прядей волос золотистых,
Чтобы страхам на смену явился покой –
Такой ласковый, призрачный, чистый...

Ветер страдания разносит по свету,
В лживом дыму задыхается мир –
Люди отчаянно губят планету;
Всех не заштопать проделанных дыр.

Дети из Завтра протянут к нам руки
С просьбой позволить изведать им жизнь...
Мы обрекаем Землю на муки.
Есть ли надежда Грядущему быть?

Катя ЗАРХ

Художник

Совпадая с тобой,
позвоночником целясь в небо,
оставляя следы,
где похожие были да небыль,
где степные поля,
тополя —
диких маков холмы вижу.
Догони меня, Время, давай,
Обними же.

Я вплетаю в судьбу, как в косу
 ЗОЛОТЫЕ ЛЕНТЫ.
Я в Прошедшем себя меняю –
хочу так, смею.
Когда Небо станет моей любовью,
 – наконец - то –
можно будет жить тогда
 не дорожа Ею.

После заката
проходит время.
Уходящее солнце
у края ночи позволяет видеть
лучший цвет неба.

Златоногой осени медь
Подтверждает избыток сердца.

Нам с тобой в аду не гореть –
Мы заглянем туда лишь погреться.

А пока мы были вместе –
Меня так любили черти.
Но тебя они любили больше.

Я буду помнить лето будней,
где праздник золотого ляда,
надменность дней – до боли – лунных –
любовь,
которую не надо.

Полет Жужеля

Жужало Жужеля
Жуженное жужжит,
Когда Жужжетта
Жужеленно подлетает,
И вместе с Жужелем куда-то улетает.
(Не наше дело,
Чем там заняты они).

Любовь не спрячешь, не отдашь, не потеряешь,
Не прожужжишь, не выкинешь в окно.
Жужжа, над пропастью немного летаешь
И пригласишь любимую в кино.

Пустоцветущо как-то на душе.
Стихи летят, но надо ли стараться
Не делать вид, что понял-де уже
Значенье слов, готовых разбежаться,
В задумчивости стоя на меже.

В мой мир врываются во тьме перепела.
Под грохот крыльев лунный свет мерцает.
В душе натянута какая-то струна –
То вдруг появится, то снова исчезает.

Как чуден мир объятий и оков.
Захочешь вырваться – никто не помешает.
Но слышен где-то бесконечный зов,
Грохочут крылья и Луна мерцает.

В тиши ночлега, в полной темноте
Мы вдруг услышим вечное дыхание,
И крыльев легких в полуночной тишине
Сквозь сон почувствуем простое трепыханье.

Фотошепотом кликну тебя из окна проинсталленной проги.
И в аутлучной мессаге батонами выжму цветок.
Разукрашена в Кореле, зная пароли и логи,
Ты пропишешься в корне как самый большой каталог.

И как скользкая, мыльная, net – как гу-чная собака,
Ты споешь мне о том, как, порою, шалят драйвера,
Как двухтысячный виндоуз повис и тихонько заплакал,
И как Билла ругали обутые им юзера.

В Макромедия Флеш мы сварганим какой-нибудь мультик –
Будто Буша Володька в сортире мочил поутру,
Будто самый пугливый из нас поучаствовал в бунте
И занес свое имя в <тридаблю бунт точка ру>.

Гигабайты любви пусть скачает винчестер из сетки.
Безопасного трафика пусть не умолкнет поток.
Интернетом живущие диджитал-мега-нимфетки
Пусть пришлют мне на мыло инфы интересной глоток.

Я усну на бэкспэйсе, нажав эту страшную кнопку.
Програм-боди сотрется и рядом повесится шеф.
Наша фирма опять всяким демонам злым неустойку
Предоставит сполна... А меня сохранит в джэ-пэ-гэ.

Распадаясь на пиксели, растрово так улыбаясь,
Я отпряну к стене, опрокинув стеллаж с ди-ви-ди.
И в последний момент, не прощаясь, висю и качаясь
Мне начальник промолвит: «Уволен, придурок. Уйди».

Я умру как пацан и воскресну как диджитал обджект.
И к любимой подруге сольюсь на большой каталог.
И какой-нибудь хакер (ворюга, гоп-стопник, налетчик)
Постучится тихонько, придя к нам на наш огонек.

Хождение по мухам

Мухи убиты...
Их трупы валяются в кухне.
Мы топчем их тапками,
Ибо нам лень их убрать.

Мухи летали
От наглости черной разбухнув,
Телами своими
Готовы в варенье упасть.

В кухню ворвавшись,
Мы тотчас же рассвирепели.
Мухи на сахаре! Боже!
С вареньем во рту!

Мы сразу достали
Из шкапа бутыль «Ркцтели»
И стали тех мошек бутылью
Сбивать на лету.

Мухи метались,
Визжа и моля о пощаде,
Крыльями с люстры
Сбивая столетнюю пыль.

Мы тоже метались,
Визжа как в застенках де Сада;
Металась по воздуху
«Ркцтели» бутыль.

О, мухи! Скажите!
Зачем!? Неужели не знали?!
Что кушать чужое
(Тем более сахар) нельзя.

Но мухи метались,
Моля о пощаде, визжали
И падали замертво,
И умирали любя.

Собачка по имени Тузик
Целует кондуктора в пузик.
Кондуктор не зная, что сделать в ответ
В смущенье ей дарит билет.

Юлия КИРИЕНКО

Студентка ФЭМ

Грустная осень, пустые мечты,
Напрасны надежды и всё это ты.
Всё это песни и осень опять.
Кто ты и где ты – мне не понять.

Красное солнце уходит в загул.
Опять «минус восемь» и ветер подул.
Снова на город набросится ночь,
Кому-либо сложно мне нынче помочь.

Кому-либо, может, и сложно понять...
(Птичек не слышно и дождь не унять)
«Может быть... может» – пустые слова.
Напрасны надежды, и осень права.

*Назад нам смысла нет идти.
Никто уже тебя не ждёт.
И эти старые пути
Пусть ветер пылью занесёт.*

Сегодня солнце на заре
Молчало о закате.
Что говорить о декабре?
Зачем и время тратить?

Вчера растаяла зима,
Но что-то обещала...
Я знала, что уйти пора,
Смогла бы – убежала.

Распиши моё тело любовью,
Допусти в свои ночи без снов.
Ты поверь, я не сделаю больно,
Вызволяя тебя из оков.
Распусти меня нежным закатом,
Разрисуй мои мысли собой
И забудь про «вчера» и «когда-то».
Ведь «сейчас» – только наше с тобой...

Алиса КЛИО

Участница Содружества Голодных Поэтов

На базе отдыха
Я у качелей уронила
в траву кольцо.
Трава так буйно разрослась:
ромашки, лютики, купырь...
И вот я на качелях
свои баюкаю невзгоды:
то вверх, то вниз летает
сидение, увитое цветами
(что за мещанская фантазия?)
Цветы
искусственны. Иначе
увяли бы с тоски.

А так все хорошо: обычный летний полдень.

Я у ребенка,
сидящего в песочнице,
спросила:
«Ты строишь замок?» —
«Я рою яму», — ответил он.

Воспоминание

Ты помнишь, детка, тогда была зима,
И человек за окном – краснощекий сатир...
Знаешь, детка, он сошел с ума,
Стал безумен, как весь этот мир.
Видишь ли, детка, ему почудился вальс,
Он заплакал горько и пошел танцевать,
Но музыки больше не слышал никто
И никто не хотел вставать...

... все мертвецы – под охраной могил,
И жизни течение не повернуть...
Но, думаю, вальс – все-таки был,
Иначе мне удалось бы заснуть...

А помнишь, детка, была война?
В разрушенном здании, без перил
На лестнице ты танцевала одна,
Никто так и не пригласил...
А, может быть, это – всего лишь сон? –
Ты плачешь напрасно, за давностью дней
Скрывая разрушенный Пантеон
Мечты и жизни – чужой,
Своей?!

А помнишь, детка, была весна?..

Целые лужи неба стоят на пути весны.
На черные ребра деревьев наколоты облака.
И зимний осадок эмоций,
И мутные слезы из глаз,
И сердце становится чистым, как горный хрусталь...

Весна!
Мы дышим растворенным в воздухе счастьем.

Сводим вместе Мужчину и Женщину
И получаем роман.
Сводим вместе актив и пассив
И получаем баланс.
Это называется алхимия,
Когда всё неожиданно сходится,
Все элементы притягиваются,
Все вокруг друг другу нравятся,
Все желания исполняются.
Это называется гармония,
Когда пассив актива не превышает,
Мужчина Женщину не унижает,
Когда нигде ничто не зашкаливает,
А все на уровне,
Но очень умеренно.

Александр КОРОЛЕВ

Филолог, переводчик французской поэзии

Так неожиданно возник,
В своих мирах блуждая тайно,
Неповторимый мой двойник
В доме моем, как гость случайный.

О, житель призрачных глубин,
Так странно на меня похожий,
Тебе казалось, ты один,
Но мы с тобой одно и тоже.

Преодолев прозрачный плен,
С самим собою разлученный,
От всех возможных перемен
В стеклянной призме заключенный,

Напрасно я себя искал
На этой невозможной грани
Несуществующих зеркал,
Как двух пустот переливанье.

Всплывает образ прежний в нем
Лишь на короткое мгновенье,
Как запрокинутым лицом
К поверхности прикосновенье.

Все нечто странное во мне
Привнесено когда-то было,
С годами на стеклянном дне
Моим подобием застыло.

К тебе привязанность моя
Сильней становится с годами,
С тобою улыбаюсь я
Остекленевшими глазами,

Он в заблуждениях моих
Меня всегда уверить хочет,
Огонь в его глазах живых
Как тайной силы средоточье.

И этих непонятных сил
Ему еще надолго хватит,
То, что годами он копил,
Я все безжалостно растратил.

Вот почему мои черты
Отражены совсем иначе.
Когда опять смеешься ты,
Мое больное сердце плачет.

У окна

Нагроможденье куполов
И кранов башенных, и трубы,
И облаков нависших губы
Беду пророчили без слов.

Печальный звон колоколов,
Собачий лай, как окрик грубый,
Вдали дымов фабричных клубы
Небесный застили покров.

Под дребезжание трамвая
И шумам уличным внимая,
Едва дрожит сознания нить.

Опять тревожит образ смутный,
Но только слабостью минутной
Печаль мою не объяснить.

Алексей КОРОЛЕВ

Преподаватель каф. ИМ

Как гордо вознеслась она
Над крышей нашего сарая,
Четырехствольная сосна,
Кистями по небу играя.

Зеленой краскою полны
Ее заброшенные кисти
И синевой разведены,
Как белым паром сказок Кристи.

Сквозь густо-колючую сеть
Проходят облака несмело,
И только хочется взлететь,
Оставив призрачное тело,

Туда, где их концы легли
Все, на одной горизонтали,
И будто в радужной дали
Фаворским светом засияли.

Удушьям ночи счету нет,
Цветные сны и перезвоны,
Я ждал, настанет ли рассвет,
Или прибьет ладью Харона.

Харон, – российский, – опоздал,
А солнце поднялось по плану,
И кто-то розовый фиал
Мне подал прямо из тумана.

И я, как будто, даже рад,
Что поутру сошел воочью
В мой дедовский, мой мамин сад,
Что не подох прошедшей ночью.

Когда твой мозг ударом сотрясен
И только нет ни тошноты, ни рвоты,
И не привстать, – блажен и упоен,
Ты вспоминаешь детство и заботы

Той, с кем не страшен был ни смертный круг,
Ни злобное коварство миродержца...
Звездой Маир во тьме мерцает стук
Ее подарка – аритмии сердца.

Рассказ Св. Апостола Матфея

Мы гребли истошно против бури
Третью стражу ночи до конца.
Только вой разгневанной лазури,
Кончились лепешки и маца.

Вдалеке, к концу четвертой стражи,
По волнам, спокойный и прямой,
Шел Учитель. Мы не знали даже,
Он ли это, призрак ли морской.

И от страха каждый сам не свой здесь,
В утлой лодке, бился и кричал.
«Ободритесь. Это Я, не бойтесь», –
Молвил Иисус и замолчал.

Только Петр, еще не веря правде,
Вечно с углем пламенным в груди,
Крикнул: «Я хочу, как Ты, о Равви!».
И Христос отвечивал: «Иди».

И, в лучах хранительных ступая,
Петр из лодки вышел по волне
И уже пошел, переступая,
Сквозь валы, как вдруг о глубине

Вспомнил, и о том, что страшный ветер
Валит с ног и начал исчезать
В страхе, в море, бросив все на свете,
Подтверждая то, что все мы дети,
Звал Христа, как новобранец – мать.

И Господь простер мгновенно руку,
Поддержал и говорил тепло:
«Малoverный! На какую ж муку,
Брат, тебя сомнение завело?»

И они вошли рука с рукою
В нашу лодку. Ураган утих.
Все мололись радостной гурьбою,
Я дописывал двадцатый стих.

Курс был взят к земле Геннисарета,
Где жестокий разыгрался мор.
Налегли на весла, чтоб до света
Подойти к селению средь гор.

Там народ, воспрянувший в надежде,
К нам своих больных носил с утра.
Прикасались лишь к Его одежде
И вставали, исцеляясь, с одра.

Галине Сергеевне Гампер

«Хоть мы и не можем свободно перемещаться во времени так, как мы это привыкли делать в пространстве, но для любого, кто наблюдает нашу Вселенную извне (хотя вне Вселенной, в материальном смысле, нет ничего – ни пространства, ни времени) все пространственно-временные срезы доступны разом. Не только все пространственные срезы нашей уже 13 миллиардов лет все еще расширяющейся четырехмерной поверхности, но и все ее временные срезы – от Большого Взрыва до грядущего Хлопка».

(Учебник физики)

«...знаю, что себя Ты не отнимешь».

(Н.Оцуп)

Вы устало сидите на том берегу,
Повторяя: «Я дважды войти не могу
В эту речку, где чайки, как двери скрипят:
Ни одна никогда не вернется назад!»

Ну а я и однажды не в силах войти
В океан голубой на закатном пути –
Мудрый друг, ты меня, несомненно, поймешь:
Воплощенная мысль – неизбежная ложь!

Лишь иной Тайнозритель иной высоты
Видит срезы времен, различая пласты
Миллиардов тринадцати канувших лет,
Где от Первотолчка еле теплится свет,

И еще предстоящие миру века,
По которым пройти ему вплоть до Хлопка.
Видит Он и как отрок стремится играть,
Как трепещет над ним его нежная мать,

Видит светлых мужей легендарный поход
И как тихо угас ее рыцарский род.
Видит Он, как она и свята и добра
И как дразнит ее фарисейка-сестра,

Аритмичное сердце, тревожные сны
И речения тетки из уст сатаны.
Видит юность без воли и волю стократ,
Как я страшно во всем без вины виноват.

Видит десять последних предательских дней –
Красный крест, ку-клукс-клан и зеленых врачей.
Видит черное утро сентябрьского дня
То, которым весь мир стал пустым для меня.

Видит белые пряди грядущих годин,
Если мне суждено прозябать до седин.
Видит ужас и муку последнего дня,
Видит землю со мной и уже без меня.

Но когда б эти страшные дни ни пришли
Расставанья с привычной юдолью земли,
Верую, что счастливым и вновь молодым
Мне позволят предстать перед Ликом Святым.

Работа Юрия Королёва

Юрий КОРОЛЕВ

Студент ФКТИ

Менделеев

Обрывки мыслей... кружит дым.
Скелеты слов и отпечатки мира,
Который сжался в точку, стал седым.
Луч света принял очертание пунктира.
И старый дворник, бывший диссидент,
Посмертный царь пожизненных мечтаний,
Поджег листву цветных воспоминаний,
И вспыхнул птицей вдруг один момент:
Как ты сказала: «Эй, хмельной художник,
Таблицу Менделеева ты помнишь?
Давай-ка поиграем:

ты — элемент

я — элемент».

*Не соблаговолите ли вы стать третьим,
у нас десятки не хватает?
(Из лексикона питерской интеллигенции, тусующейся
в пьяном скверике (у памятника Маяковскому))*

Если души танцуют танго на перекрёстке взглядов,
Превращая сумму теней в громадину Левиафана,
Если внутренний голос теряется среди сердечных разрядов,
А реальность дымится, как в антиутопии Аристофана.
Если идешь по кривой не от горькой, а от сладкого дурмана,
Если кровь на асфальте, но ты понимаешь, что это нирвана,
Если воздух сверкает огнём, тело — сгусток пропана,
Если память стекает со лба ненужной обузой,
То думаешь: Девушка,
не соблаговолите ли вы стать моей музой?

Марьяж

Шевеление сердца. Биение мозга.
Играем в покер. Ничья. Не везет!
Король & дама. Какой нынче счет?
Взаимность? Новая разброска...
Смеется город, на ночь глядя,
А Ночь целует наш квартал.
Наполнить смыслом твой бокал?
Луна танцует в облачном наряде.
Я нажимаю абажурный выключатель,
И темнота срывает с нас весь этикет,
Одежда с мыслями стекают на паркет,
Иди ко мне, у нас один и тот же знаменатель!

Как я менял лампочку

Я бродил в забытие по орбите,
И не мог найти табурета,
Видно здесь он был в дефиците,
Поглотила их всех что ли Лета?

Я жевал орбит.

Я хотел дотянуться до солнца,
Хотя знал, что оно не отвернется,
На луне возник профиль с червонца,
Небо звёздами всё трафаретится...

А Чехова звали Антон!

Я смотрел в темноту однополую,
И стирал с лица Земли тени..., но
Ты любила меня, как любят голуби
Ульянова (Ленина).

Наводнение

Западный ветер...
Нева выходит на охоту.
Охта
Осталась как обычно дома.
Дома
Хоронят улицу в кювете.
Западный ветер...
Расставил по местам ростральные колонны,
И ангелы затеяли на стрелке кегельбан.
А перспективы остаются непреклонны,
Назло булыжным переулочным горбам.
А на асфальте что-то пишет господин,
Фонарь вкушает его тень в неярком свете.
О боги, это же поэт Ильин!
Дует западный ветер...

Блюз № 0

Надежда искажает смысл слов,
Я не пойму их смутное значенье,
Сажу в капкане проходных дворов,
И лицезрю оконное свечение,
Спонтанно наблюдаю за жильцами,
Им, подлецам, наверное, тепло!
И не связать никак концы с концами,
Их как всегда нечетное число.
И всем плевать, о чем молчит поэт,
В стихи слагая звездный алфавит...
И голоса в мозгу звучат все тише...
Становится туманней тусклый свет,
И Света мне не пишет...
И не звонит!

Извечная ступень в районе 0,5-ти,
Там наконец меняет знак кривая,
И смысла жизни нет, как ни крути,
В реальность заползла материя иная,
Ночь постепенно разъедают слезы,
И притяжение Земли идет на убыль,
Мне не понять такой метаморфозы,
Пространная картина, я не Врубель²!
А в душу лезет лунный рикошет,
С земли поднялся ледяной гранит,
А тиканье часов становится все тише...
И лишь в глазах все бьется яркий свет,
И Света всё не пишет...
И не звонит!

Лада КОРОЛЕВА

Преподаватель каф. ПЭ

Воспоминание об октябре

Вот лета буйные костры
Сменились золотистым тлением.
Настал час пушкинской поры,
Пьянящий миг конца цветенья.

Жизнь всех окрестностей застыла.
Осыпавшись, лес одичал и замер,
Оскаленным кабаньим рылом
Мерещась в каждой темной яме.

И явственно осенний вздох
Заполнил пустоту утрат,
Холодностью небесных бронхов
Вводя в оцепененье сад.

² Врубель написано со средней буквы

Есть в холодах осенних чистота.
И абсолютность в тишине осенней.
Деревья, совершенством стать
Стремились, оголяясь в рога олений.

Беззвучье разрасталось ватой,
Храня покой посмертных лиц,
И жгло глазами азиатов
В кустовой узости бойниц.

Чтоб больше тишину не длить,
Шар яблока ударил глухо
О шар октябрьской земли,
О спящую мембрану слуха.

В попытке слабой с ритма сбиться
Осенней бабочки мелькание
Лоскутиком ковра персидского,
Нарушив сон, внезапно кануло.

И снова тлен..., и снова сон.
Враз разорившимся вельможей
Стоял полуопавший клен,
Поняв, что жребий едва брошен.

Дождик за окном

Окно дышало юностью июня,
Окно звало туда, где дождь,
Стекая вниз прозрачно-лунно,
На лопухе оставил брошь.

То будто пел, то будто плакал
Печальный дождь, а мокрый грунт
Впивал в себя, как слезы, влагу
Звнящей дробью тысяч лун.

Дорожки мокрые бродили,
Блестя осколками зеркал,
Минуя росчерк листьев лилий,
Тюльпана белого бокал...

Нерезкий кадр, ловя мгновенье,
Дрожал, подсвеченный лучами.
Лишь ветру стоило повеять –
В нем ветви тяжкие качались.

Но человек не видел чуда.
Пил чай, согнувшись за столом.
И как-то беспросветно думал,
О том, что дождик за окном.

Мария КУДРЯВЦЕВА

Преподаватель каф. СО

Завершающее

*Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой своей не стяжал...*
(Н. А. Некрасов)

Не даны мне судьбой дарования,
Я не Публий Овидий Назон.
Уж такое мне в жизни призвание –
Мой удел – зубоскальство и звон.

Эту лиру мою балаганную
Из блестящей дешёвой фольги
Запихнуть бы ногою под ванную
Или в ступу Бабы Яги.

Заболею всерьёз от бездарности,
Графомании тягостен груз,
Допишу сейчас эти вульгарности
И дешёвым портвейном напьюсь!

И пускай вдохновение пьяное
Что угодно мне пишет в тетрадь:
В эти записи даже не гляну я
И не буду за них отвечать!

Русское

Сидит мужик на берегу
В российском размышлении,
А я в реке, и не могу
Я справиться с течением.

Вот он зевнул и отхлебнул
Глоток хмельного зелия,
А я уже почти тонул,
Держался еле-еле я.

Кричу, хватая воздух ртом,
Хрипя от безнадежности,
Но, осеня себя крестом,
Сидит от в безмятежности.

И смотрит на меня в упор –
Детина обалдуева,
А я плыву, как тот топор
Из города Кукуева.

Элина ЛАПП

Там

Там троллейбусное кольцо, где я родилась и выросла,
Там все заборы в бетонную клеточку и тёплые,
Там пустыри как пустыни, асфальт и мать-и-мачеха,
Там ты выше любого из светло-серых двухэтажных домов,
Там, как в утробе у матери – тёплая пыль и ветер,
Там всегда над городом тучи и в воздухе пахнет грозой.
Отпустите меня туда, и не кладите в карманы конфет
на дорогу.

Я тебе подарю

Я тебе подарю
фендера, которые звучат не в ритм,
Я тебе подарю
руки с пальцами, закручивающимися в спираль,
Я тебе подарю
смелость написать верлибр вместо фригидной звукописи,
Я тебе подарю
рюши из тёмного камня, мокрые от дождя,
Только ты мне
не дари своей неустроенности,
Дурной выйдет чейндж³.

Помнишь избушку из серого бруса
Посередине карельских болот?
Я там живу. И ночами безвкусовые
Зелья варю, как из яблок компот.

Это к чему я... Запал порастратив,
Стала пытаться играть дурака,
Стойкая, как оловянный солдатик,
Злыдня, бирючиха, баба Яга.

Знаешь. Приемлешь. Предчувствуешь кожей
Мой безразличный, бесчувственный взгляд.
Выпрямлюсь вровень – спасайся, кто может.
Если не спрятался – то виноват.

Ни судить, ни рядить, ни молчать не хочу.
Ни забыть, ни забить, ни простить не хочу.
Вещи стоят того, чтоб за них заплатили их цену.
Только стоишь ли ты на тебя поистраченных чувств?

³ чейндж (от английского change) жарг., равноценный обмен.

Повела зажигалкою
К сигарете нечаянной,
Подвела перепалку я
Под спираль умолчания.

Начинают мерещиться
ФСБшники с бесами,
И словами мы скрещены
Только самыми лестными.

И по-бабски прикидывать:
Чем всё это закончится?
Вас на веру – как идола –
Как же хочется, хочется...

Посмотри в моё окно:
Там темно, темно, темно.
В башне из слоновой кости
Кто-то воет, ветер носит.

Милый рыцарь, вам капут:
using condoms – feeling good.
У меня нутро, как студень,
Жаль, Грааля вам не будет.

Я устрою ради вас
Бурь - погоду, свистопляс,
Чтобы впредь пугало смехом
Только эхо, эхо, эхо...

Неформатна, негодна,
Не могу бывать одна...

Алексей ЛЕБЕДЕВ

Студент ФКТИ

Я опоздал на скорый поезд.
Мне проводник махал рукой...
И смяв билет, отбросив горечь,
Я зашагал вслед за толпой.

Они все тоже не успели:
Кто в магазин, кто по делам.
Мы шли и яростно кипели
От злости к тикавшим часам.

Часы ехидно ухмылялись,
Их стрелки бешено неслись.
И видно было – насмехались
Над теми, кто не добрались.

Я опоздал, заела совесть...
Быть может, слишком счастлив был.
И не заметил, как тот поезд
Вдаль с моим счастьем укатил.

Нарисованная любовь

Под впечатленьем от Ван Гога,
Мне захотелось рисовать.
Откинув камеру с треногой,
Открыл я чистую тетрадь.

Взял карандаш, цветные ручки,
Когда нет красок – все сойдет.
А краски... Может быть с полочки,
Хотя. Наверное, не дойдет.

И так, я весь вооружился,
Готов творить. Всегда готов!
И музы шепот рядом вился,
И в животе мурлыкал плов.

Сюжет... Ну, как же без сюжета...
Про что? Конечно, про любовь.
Несчастную. Да, снова это,
Пожалуйста, не хмурьте бровь.

Уже чирикаю наброски,
Да, я, пожалуй, не Ван Гог,
Но образ девушки в полосках
Изобразить я все же смог.

Печальный взгляд, унылый шепот,
Три нотки грусти на лице,
Сперва, казалось – она робот,
Отредактировал в конце...

Играет ветер в волосах....
Краснеют щеки от мороза...
А в нарисованных глазах
Текут сиреневые слезы...

В моем доме для тебя всегда найдется место,
Его двери каждый день всегда открыты.
Хочешь – ляг со мною рядом, нет – расправлю кресло,
Я один здесь, одинокий и забытый.

Кофе, чай, вино, коньяк? Ты не стесняйся, право...
Посидим, поговорим мы, на ночь глядя.
Это может кончиться, конечно, все забавой,
В ином случае за стол мы вместе сядем.

И воскликнет тут же кто-то «Горько!» прямо в ухо,
Звон стаканов, водка, тосты и подарки...
А потом с тобой, едой набив тугое брюхо,
Мы уедем на длиннющей иномарке.

Будем счастливы мы, сыты и довольны в меру,
По квартире побегут сынок и дочка.
И забыв про боль, чуму, ненастья и холеру
На своем окне посадим мы цветочки.

Это я, конечно, все сейчас придумал бодро.
Ведь еще нам позже все покажет время.
А пока, малыш, подумай, в небо глядя гордо,
Я уже пустил в горшочек наше семя.

Алексей ЛОТОЦКИЙ

Студент ФЭМ

Это становится призрачно, как лишь ночью.
Я растворяюсь в кошках-переулках.
Два слоя краски на тусклых кирпичных клочьях.
Я замедляю шаг – я продолжаю прогулку.

Это становится ноющим так сладко.
Льдинки ветров пронзают асфальт прохожих.
Город может отдать мне лишь несколько ваттов.
А это становится тёплым, на что-то похожим.

Белая ночь приковала к себе ярким небом.
Силуэтами фраз, отзвуками сновидений.
Тоскою мостов, тонкой и хрупкой негой.
Поллюбить полумрак – здесь нет тьмы, это тени.

Это станет зовущим уже так тихо.
Может, забудешь, может, и выжжешь в сердце.
Это ушедшее солнце за горизонтом.
Это ушедший день на обочине стынет.

Блюз

В забегаловках Питера
Дым дорожного блюза
И фары. Дождливо.

(Пусть и нескоро,
Незакрытые шлюзы,
Незадёрнуты шторы,
Приливы
Унесут этот город)

Здесь официантка
Не настолько смазлива,
Чтоб мешать думать.
(Чтоб торговать гордость?)
Такой уж мой возраст.
Ещё пива?
Нет, пожалуйста, чая.
За соседним скучает
Нимфетка.
Её мир – аноним.
Дайте ещё салфетку –
Я её дорисую.
Нет? Тогда на стекле.
И за ним
Город бесится и танцует.

Стоп

Знаешь, тот, кто любовь придумал –
Он срисовывал с пули, наверно.
Боль и счастье
Сложил – и дунул.
Поначалу-то вышло – скверно.
Но – не в жарком июле,
А в такой же туман и ненастье,

Средь карельских озёр и сосен,
Лишь для тех, кто готов пропасть,
Лишь для тех, кто сам попросит,
Он создал её. Было восемь.

А когда зима гнала лето,
Он придумал сестру её – вот эту:
Завертела,
Закружила,
Сладко было,
Так хотела –
Воем выла...
Но
Сгорела,
Сорвалась
И опустела.
Так любовь, и так же осень.
Сёстры вы. Пробило восемь.
Пламя города задули.
Демоны мои уснули.
Скрипнет дверь.
Мне уйти от этой пули,
Не подставить ей висок
Нужно было.
Я не смог.
Что ж теперь?
И в эту осень
Странно мне,
И я не скрою –
Нас с тобой наедине
Знаешь... нас как будто трое.

Ну да, всё ложь.
Но нужно дописать.
«И как ты пахнешь в дождь –
Мне не знать.
А когда горячо – ты таешь?
Видишь,
Я почти ничего и не знаю».

Я иногда бываю гений,
Когда осенней ночью где-то рядом с «поутру»
Я рву охапки звёзд, и тайны их течений
Я лью на задубелую кору
Большого города.

(Ведь мы лечим этот город, как можем.
А что остаётся? Мы в его коже.
И пусть мы ему чуть дороже,
Чем фабрик скомканный дым –
Нам нужно учиться быть с ним.)

Валерий ЛУКИН

Студент Киновидеотехнического колледжа

Пластилин, пластмасса и резина,
Передо мной три компонента...
сегодняшнего мира.
Все остальное: воздух, запах и душа,
свет, мысли, звуки, правда, жизнь –
всего лишь испарения тех самых трех основ.
Движение по линиям сегодня будет правильным.
Возможно нежелательным,
но это тоже химия.
Естествоиспытатели – ужасные создания,
мне страшно до безумия себя к ним причислять.
Другое дело шизики... как ежики и слоники,
Они так любят жить!
Я часть такого общества,
в котором не приходится
смотреть по сторонам.
А МНЕ ВСЕ ВРЕМЯ ХОЧЕТСЯ,
А МНЕ ВСЕ ВРЕМЯ ВИДИТСЯ,
ЧТО ШАРИК СКОРО ЛОПНЕТСЯ
И будет ХО-РО-ШО!

Комната

Утро.

Мне было плохо... я не знал, что мне делать. Больше я не мог ползать по потолку и стенам... я перестал плыть в пространстве и впервые за бесконечность встал на ноги. Я говорил слова, видел людей. Они улыбались и хотели вывести меня на улицу, показать яркий солнечный день, который тоже радовался мне. Слава богу, это был сон!

Вечер.

В комнате, залитой до краев сладкой галлюцинацией, под потолком зависли немые стон и крик. Невольные товарищи по несчастью свисают над распростершейся под ними случайной неизбежностью быть проглоченными.

Тут от меня не много, что осталось,
я рядом с вами лишь на первый взгляд.
Мое страданье с вечностью смешалось:
в моем стакане алкоголь и яд.

Уже в глазах мутнеют ваши лица,
в руке моей стихок предсмертный сжат.
Я, с миром не сумевший подружиться,
теперь с улыбкой направляюсь в ад.

Свалка детей-инвалидов
заполнила своими образами
все мое сознание,
в качестве и количестве своем
превышающая все ранее увиденное...
Я не могу об этом молчать.

Надежно заперты изгнанием
их маленькие души в баночках
на полках у охранника.
Вы знаете, как правило,
охранник — человек.

И эта должность страшная,
как чье-то наказание,
как самое ужасное,
что с ним произошло.

Детей привозят к полночи
грузовики-вредители,
а стареньким водителям
придется пережить,

Что весь их груз, отверженный,
на мясо и на винтики
чужие руки-ножики
сумеют раскрутить.

Небо превратилось в кусочек ваты,
а решетки на окнах стали марлевой повязкой.
И мне внезапно все стало понятно:
госпиталь – это ужасная сказка.

Ольга ЛЯТОС

Студентка ФЭЛ

Я вся дрожу.
И вся теряю память.
Как воздухом тобой дышу.
Но не могу тебя обнять...

Как тяжек труд.
Быть просто кем-то.
Ты темен, чужд как незнакомый пруд...
Я признаюсь в любви, зачем-то.

Оставить хочется селедку и блины...
И в дом пустой впустить густую осень...
Но нет в душе спокойствия и тишины...
Да я люблю тебя... и очень.

Мои среди границ ветров.
Глаза оплакали тебя.
Я заблудилась в вихре слов.
Какая глупость ... Где же я?

Валентина МАКАРОВА

Студентка СПб ГУ

Когда меня встревожит память,
Возникнет множество идей,
Но пламя желтых орхидей
Их может заживо расплавить.

И я уеду, сны уйдут,
Туда, где раньше он и не был,
Где вдоль дороги белой вербы
Пушинки легкие цветут.

Моя рука сорвет лозу,
И нарисует на бумаге,
А локон, выющийся от влаги,
Смахнет последнюю слезу.

Иногда бывает тихий вечер,
Что весь мир, как будто бы застыл,
Унесется в грезах в бесконечность,
И настанет время для молитв.

Я тогда коснусь рукой иконы
И в себе как будто растворюсь
И, взлетев на каменные склоны,
Я луне и солнцу помолюсь:

Помолюсь за счастье и за ласку,
Попрошу любви и теплоты,
Мир чуть-чуть чтоб был похож на сказку,
Чтоб сбылись надежды и мечты.

И пускай молитвы не услышат
Те, кто должен слушать, ну и пусть.
И пускай их в книгу не запишут,
Но на миг надежда сменит грусть.

Зачем волненья и тревоги,
Коль за собой печаль зовет?
Смеются демоны и боги,
И мир летит в водоворот.

В огне таинственном и зыбком
Я разгляжу и рай, и ад.
Мы столько сделали ошибок:
О них нам камни говорят.

Не разглядев печать природы,
Мы, не прислушавшись к судьбе,
Взрываем каменные своды,
Оставив память о себе.

Но пусть огонь взлетает в небо,
И Землю бьет кислотный дождь:
В одно сплетутся быль и небыль,
Родив в камнях холодных дрожь.

Александр МАСЛЕННИКОВ

топограф

Невское

И вот текут пивные дни
(зима плывет к 8-му марта),
в чухонских хлябях теплятся огни,
душа им вторит без азарта.
И время терпит. Битый час,
стоявший меж волков и бультерьеров,
под пиво тронулся. И, обтекая нас,
освободил жилплощадь интерьеру.
Всё ничего. Ещё глоток – другой
пообвыкаем к новым перспективам.
In vino истина, видать, ни в зуб ногой
(я чаю, не сыскать её и в пиве).
Но, тем не менее, мгновение продлить
попробуем, усердствуя без прыти,
вьём разговора дружеского нить:
«Можно и пиво пить, и творцом прослыти...»
Похмелье в Питере с туманами сойдет
на нет ли, или мыслью на бумагу...
Всё те же мы. Уже который год.
Во зло ли это? Видимо, во благо.

Вот и вышло опять по делам да по тайным утехам –
поджидать белых мух, да усердно лелеять тепло.
Надо выбраться в лес. В нем, я чаю, просторно для эха,
и унылой поры там открыто для глаза чело.
Электричка – чужак, перелётная свора тьмы окон,
по спинному хребту перелеска чиркнёт, и – «пиши...»
Обронённый сюда, где и снизу, и сверху – глубоко,
поначалу чихаешь от собственной пыльной души.
Но увяз коготок. И кириллицей пахнут берёзы.

*Александрю Паку
С дружбой*

Начни, мой друг, начни, —
настало время.
Зажги опальные огни,
рассыпь каменья.
На вираже не занесёт, —
спасёт кривая.
Портвейна розоватый мёд
плеснём до края.
Клубится полночь, и тонка
крамола света,
до озаренья — полглотка.
И сигарета.
Мерцают окна. Не беда, —
такая выюга.
Под утро схлынем без следа,
перекрестив друг друга.

Наталия МИЛОВА

Студентка ФЭМ

Я вижу и пишу.
От этого больнее.
Мне потерять бы зрение и слух.
Уйти в себя, уйти скорее,
Чтоб чистый там воспытался дух.
Не видеть боли и страданий.
Печаль веков пронзает все насквозь, —
И холодно, как в келье покаяний,
И жарко от солёных слёз.

В этом городе тихом притаились мишени.
Поджидают друг друга, чтоб больнее пальнуть.
Я одна. Так пустынно и так непривычно
Выбирать себе новый маршрут.
Декорации сменны. Солнце всходит, заходит,
Не меняя от этого суть.
Все мишени угрюмы, безлики и серы,
Ищут, как бы больнее пальнуть...
Ты один. Ты запутался в переходах.
Мир накрыл тебя сетью дорог.
Вряд ли встретимся... да и это нескоро...
Приходи или жми на курок!

Неистовство слов в потоке кружится.
Исписаны темы. Нет больше основ.
Опавшей листвою здесь рифма ложится,
Забрав сокровенье из общности слов.
Здесь пьянство, разгул. Позабыты морали.
Отсутствует смысл, но присутствует ложь.
В вине здесь все топят свои «препечали»,
И мир сотрясает промозглая дрожь.
Здесь зыбко. Иллюзии правят безлико.
В молчаньи главенствуют образы снов.
И пусть все несется стремительно, лихо...
Незыблема рифма и тайна из слов.

Екатерина МИТИНА

Студентка СПбГУ

(После посещения выставки Шагала)

Я хочу (как Шагал свою Бэлу),
Чтоб меня кто-то также любил!
И еще я бы очень хотела,
Чтоб со мной он над городом плыл.
Чтобы он целовал меня нежно,
Обнимал и на ушко шептал.
Наша встреча с тобой неизбежна,
Где ж ты бродишь, мой милый Шагал!?!
Я надеяться не перестала,
Хоть его отыскать не сумела.
Если кто вдруг увидит Шагала –
Передайте, что ждет его Бэла!!!
Пусть он мне позвонит на мобильный,
Иль на «мыло» скинет письмо.
Если б знал он как жду его сильно –
Он уже объявился б давно!

Мой рассеянный, грустный Ангел,
Почему же опять ты молчишь?
Я такая ужасная разве?
И зачем ты тогда мне звонишь?
Мне давно уже любопытно:
Кто же ты, и что хочешь сказать?
Любопытство – страшная пытка.
Но звони мне, звони мне опять!
Мой таинственный давний знакомец,
Безо всяких веских причин,
Позвони мне, пожалуйста, снова.
Мы опять с тобой помолчим.

К А***

Я в тебя не влюбилась... почти.
И за это меня ты прости,
За несбывшиеся мечты
И за всё, в чем винишь меня ты!
Не хочу ни о чем вспоминать.
Ты пойми, что было, то было.
Я звоню, чтобы просто сказать:
«С Днем Рождения, бывший мой Милый!»
Ни к чему нам сегодня гадать –
Кто причиной тому, что так вышло.
Счастья в новой любви пожелать
Я хочу тебе, милый мой Бывший!

О невысказанном грусть
Не зальешь вином.
Расскажи или забудь,
Пусть все будет сном.
Будто я тебе приснилась,
Закружила, увела.
А наутро растворилась,
Как ночная мгла!
Но, на самом деле, милый,
Ты приснился мне.
Рыцарем прекрасным, сильным,
«На лихом коне».
На колени опустился
И спросил: «Ждала»?
А под утро растворился,
Как ночная мгла...

Алена МИХАЙЛОВА

Студентка ГФ

Глаза

Под холодным рассветом распятое небо
Озаряется светом седых фонарей.
Как железная мука впивается в негу,
Так огнями глаза разъяренных зверей.
За оградаи города голодные зубы
И фосфоресцирующий взгляд.
Взгляд, ненавидящий и грубый,
Взгляд, расточающий волчий яд.
По чугунным решеткам чарующий скрежет,
Душераздирающий скрежет когтей.
Под холодным и страстным небом нежным
Мой чарующий взгляд затерян, но где?

Иллюзия

Пусть инфракрасные оболочки мыслей
Летят, не долетая до моих пределов,
И взрываются рассеченными искрами,
И превращаются в небелое,
Раскрошенные ветром, расписанные бредом
Разрушают равновесие страха.
У них ведь нет мечты или хотя бы кредо
И достаточно одного взмаха,
И вместе с ними взрывается небо,
Срываясь на мои ресницы.
Я первая скажу, что меня не было,
Но тогда кто же тебе снится?

L-кот

Но ты ушла. И солнце взорвано.
И по щекам струится лед.
За мною волки. Волки сворами.
А за тобой крадется кот.
Я знаю – ты не ждешь спасения.
Ты точно помнишь, что я враг
С глазами хищными – весенними.
А за тобою кот – во мрак.
И рвется воздух. Боль растаяла.
Пусть только кот тебя спасет!
Со мною волки. Волки – стоями.
И когти – мысли – в переплет.
Ты дальше. Очертанья смазаны.
Быстрее, кот! Всего на шаг!
Зрачки по-волчьи вспыхнут стразами.
Ты помнишь, кот? Теперь я – враг!

L-коту

Я извернулась и ударила.
Смотрела резко: сверху вниз
Здесь никого. Стекло в испарине.
Давай-ка повторим на бис.
Стираешь кровь. Смеялась взорвано
И четко вниз. Удар из-под
Ты умираешь так не вовремя
Но ты простишь. Простишь ведь, кот?

Галина МУС

Париж - 2007

Я снова хочу в Париж!
Восторженно, самозабвенно
Смотреть на рисунок крыш,
С мостов любоваться Сеной.

На улице Риволи
Пить кофе и ждать заката.
Парижские фонари
Горели в мечтах когда-то.

Вдыхать аромат свечей
И звуки ловить органа
Видение – Сант-Шапель,
Величие – Нотр-Дама...

На площади Женивьевы
И в церкви Этьенн-дю-Мон
Хранит нас Святая Дева
Всех тех, кто в Париж влюблен!

Здесь Жанна навстречу скачет
По площади Пирамид.
Скатилась ее удача,
Звездой засияв на миг.

Любить я хочу в Париже
Отчаянно, наперекор!
На купол луну нанижет
Вознесшийся Сакре-Кёр.

По лестнице в три квартала
С Монмартра спускаясь вниз,
Увижу я все сначала...
Блистай и живи Париж.

Работа Валерии Коковкиной

Анна НЕЧАЕВА

Студентка БАТuП

Опусти глаза, но не голову.
Разведи голубей, но не воронов.
Упади, но сумей подняться,
Над собою умей смеяться.
В жизни всякое будет – знаю.
Ты сумеешь пройти – верю!
Скоро будет конец мая,
И нам лето откроет двери.
Если что – я всегда рядом.
Если трудно – иди, встречу.
Убивало меня градом,
Но я встала, расправив плечи!
Ты мой друг, ты пока верный,
И тебя не предам – честно!
Благодарна тебе чрезмерно,
В жизни есть для тебя место!

Анна НИКИТИНА

Студентка ГФ

Потерянная

Черные ногти, желтая шапочка.
Мир по законам другим.
Юная девочка, жизнь словно ласточка.
Кому умирать молодым?

Тонкой иглой багрово-синюшный
След на тонкой руке.
Раньше наркотики не были нужными.
Теперь ты плывешь по реке.

Течение спокойное нежно качает,
Перед глазами круги.
Чувствуешь: небо в тебе умирает.
Мир по законам другим.

Боязни света посвящается

Ночной проспект, слепящий свет
Огней сияет и клубится.
Идешь, поешь, без слова «нет».
Ты хочешь в прошлом раствориться.

«С ума сошла» – пусть говорят.
И пусть мечтают ненароком,
Как подойдут и растворят
Последним солнечным подскоком.

Судьба плетет свою канву
И жизнь дорогу выстилает.
А ты идешь, тебя зовут,
Надежда где-то умирает.

Твоя дорога нелегка,
Она полна смертей и тени.
Но не дрожит твоя рука
Под властью не твоих сомнений.

Идешь спокойно, не спеша.
Уходишь в ночь, страшая волю.
И пусть мертва твоя душа –
На берегу кричишь от боли.

Александр ПАК

Руководитель студии «Заповедник»

Павловский парк

И каждый лист играет здесь как Лист
На клавишах своей судьбы зеленой,
Он исповедует свои законы,
Он слушатель и зритель и артист,

И каждый вечер здесь как веток свечи,
Горящие гирляндами заката.
Блуждаешь здесь, как в сказочных палатах,
Вдыхая вещей песен птичье вече.

И каждое мгновение здесь – мгновение,
Похожее на бездну небосклона,
Глядит в тебя невидимой иконой.
Как весть благая или откровенье.

И каждый обитающий здесь каждый,
Себя узнавший навсегда однажды.

Рифмы

Ах, рифмы, рифмы! – Восклищал вития,
Есть рифмы женские, есть и мужские,
Возникшие почти до нашей эры.
Вот женских рифм хоть несколько к примеру:
Офелию рифмую я с метелью,
А Ларину Татьяну с птичьей трелью,
Диану (леди Ди) с луной двурогой,
Каренину с железною дорогой,
Бабу Ягу с весьма коварным Яго,
А Крупскую Надежду с красным стягом,
А Эвридику, пассию Орфея,
Я с чем угодно срифмовать сумею.

Однако нашим дамам нет числа.
Мужская рифма мне на ум пришла.
Вопрос времен – « ТУ БИ, О НОТ ТУ БИ »
А в результате, Ленский был убит.
Принц Чарльз – вот этикета эталон,
А соблазнитель Вронский – что же он...?
А Яго, говорят, душил Ягу,
А Ленин в мавзолее ни гу-гу.
Знать, в царстве мертвых благодать и тишь.
Но тут запел Орфей: «Шумел камыш...»

Голубь

Голубь.
Голос ветра и капли.
Голос храма.
Колокольный голос.
Площадей и улиц карусели.
Карусели солнечного соло.
Голубь.
Голос кармы.
Голос мира.
И надмирных строк хитросплетенья.
Голубь.
Голос тайны.
Голос лиры.
И Невы просторное течение
Сквозь мои прозрачные ладони,
Осязающие дым сомнений.
Сквозь бесшумное, как полночь пенье,
Замирающее на рассвете,
Как глаза светящихся бессонниц.
Невесомость душ в любом предмете.
Голубь
И его полет за солнцем.

Леди Джейн

Где глаза твоих кружевных зеркал,
Где чело твоей свечи,
Где души твоей золотой фиал,
Леди Джейн, не молчи.

А вокруг бродит смерть
С острою косою
И грозит бедой
Новою войной.
А вокруг чума
В клочьях нищеты.
Леди Джейн, где же ты.

Где восторг твой и твоя печаль,
Где луны твоей лучи,
Где затерян твой неземной Грааль,
Леди Джейн, не молчи.

Рук твоих лебяжьих две реки,
Как прозрачные ключи.
Где их ласки,
Что были так легки.
Леди Джейн, не молчи.

Все слова твои – нежный плеск весла,
Поступь тише звезд в ночи.
Неужели ты на земле жила.
Леди Джейн, не молчи.

Антон ПОГРЕБНЯК

Мультипликатор

Грачи прилетели

Весна, романтика, облезлые дворы –
Мир распадается на образы и звуки,
Подвалы, факелы, предчувствие разлуки,
Собачий лай и крики детворы,

И мыслей вслух мышинная возня,
И бой часов, и сбой на полминуты,
Часы спешат куда-то и к кому-то,
Нет времени, нет Вас, и нет меня.

Любовь и Смерть – всё тот же анекдот.
Оголодавший зритель ждёт антракта.
Лишь дремлет в ожидании теракта
Волшебная принцесса Турандот.

И невозможно выпасть из окна,
Сойти с ума, по-настоящему влюбиться.
В бумажном небе нарисованные птицы.
Облезлые дворы, романтика, весна...

Оленьке...

Над холодной рекой, там, где ветер в разные стороны,
На изгибе миров, на ладонях у сфинксов уснёшь.
Сколько птиц ни корми, всё равно не получится поровну,
Сколько водки ни пей, всё равно не закончится дождь.

Я как Невский проспект, ты похожа на площадь Восстания,
Посмотри мне в глаза, я тебя прокачу на метро.
Я тебе подарю эти общие воспоминания
И названия станций, отголоски былых катастроф.

Эскалатор мурлычет и трётся об ноги ступенями.
Пустота под ногами смыкается над головой.
Знаешь, там, наверху, штормовое предупреждение,
Подними капюшон и чем-нибудь горло закрой.

Неизбежный забор, перерыли Садовую улицу.
Из-под ног вылетают осколки цветных миражей.
В спину тычешь зонтом, чтобы я, чёрт возьми, не сутулился.
Мы похожи на диких, неизвестных науке зверей.

За стеклянной рекой, за железобетонными шторами,
Перекинувшись шутками, что и не сразу поймёшь,
Обменяемся асками, пересечёмся на форуме...
Покажи мне дорогу туда, где кончается дождь.

Мария ПОПОВА

Студентка СПб ГУЭФ(ФИНЭК)

Пройдусь с протянутой рукой –
Подайте, люди, солнца лучик!
Мне не достать его. Какой
Подарок для бродяжки лучше?

Его я спрячу на груди,
Рукой от холода прикрою.
Постой, прохожий, погоди!
Ну, поделись теплом со мною!

Ах нет, прости, не поняла
Сначала, что ты тоже нищий.
В глазах – ни искорки тепла,
И (страшно!) взгляд его не ищет.

А может, вместе? Ты да я,
Да две руки сиротской чашей,
Чужие, дальние края.
Но... что за свет над парой нашей?

Уйти в свой мир, где музыка метро
Вплетается в гармони туманных
Раздумий ни о чем, где пара строк
Замена паре слов, простых, желанных?
Увольте, хватит! Больше не боюсь,
Беру свое от всех миров и судеб
И отдаю себя. Не оглянусь
На запирающие в снах стальные прутья.
И лишь когда совсем немогогу
И рвет с лица улыбку встречный ветер,
Я заворачиваюсь в пустоту
И снова вижу сны в неясном свете.

Ошибка! Закладка не определена

Россыпью бисера, ртутными каплями,
Рифмами, мыслями, нотами как бы мне
Не соскользнуть в Бесконечное Малое,
Взглядом нырнув в отраженье усталое.

Мир набегает какими-то пятнами.
Всё по отдельности вроде понятно, но
Вечер мешает все краски и линии,
Выставив смыслы хвостами павлиньими.

Бисер на ниточку, ноты в линеечку.
Но осторожнее – ночи длиннее, чем
Кажется тем, кто укрылся под пледами.
Хватит, чтоб ночью шепнуть о неведомом.

По термометру показывают хоррор,
Под ногами – хлюпающий триллер,
И римейком на прогнозы разговоры –
Знать, с программой где-то там перемудрили.

Может, календарь поднимет тонус
Свеженькой комедией ошибок?
Посмотревший получает бонус –
Пару саркастических улыбок.
Дамы, господа, не ждите драмы!
Жать на off пока не собираюсь, –
Я ж по обе стороны экрана
С вами в мыльной опере снимаюсь.

Нина ПОСТНИКОВА

Участник студии Заповедник

За окошком пурга и пурга,
Почему же все время на север?
Юг любимый, ты снова в бегах,
О, холодный, бесчувственный сервер.
То наверх я взлетаю, то вниз
И парю над ромашковым полем,
Трепещу как березовый лист,
А вверху мне звезда моя вторит.
То погаснет, то снова горит,
Или прячется в тучах проворно,
То опять она светит упорно,
Ударяясь лучом о гранит.

Пришло утро –
Принесло зернышко,
Пришел полдень –
Принес жердочку,
Пришел вечер –
Принес гнездышко.

Селедки в бочке
Спорят об этикете.
Они готовы спорить о нем
Сутки напролет.
Пусть спорят,
Лишь бы хватило на всех соли.

Древние камни ищут покоя,
Нервные волны устали рыдать,
Это они укрываются зноем,
Чтобы в затишье немного поспать.
Древние сосны, древние ели.
Древние ветры по вечерам
Рыщут, а древние колыбельные
Древнее море поет кораблям.

Станислав ПОЧЕБУТ

**Посвящается детям, погибшим в Беслане
в дни теракта с 1-го по 5-ое сентября**

Да хранит Господь ваши души,
Что невинными жертвами пали,
Над страной серые тучи
Лужи крови с асфальта смывали.
Будьте прокляты, пасынки ночи,
На детей поднявшие руку,
Пусть сгорают в огне души волчьи,
Причинившие боль и муку.
Тех детей не вернуть обратно,
Сердце матери рвётся в клочья,
Как под пулями гибли ребята,
И никто был не в силах помочь им,
Как спецназ шёл со смертью в битву,

Как отцы над телами рыдали,
Проводили ночи в молитвах,
Как в детей террористы стреляли....
Да хранит Господь ваши души,
Мы о вас никогда не забудем,
В эту ночь свеча не потухнет,
Это память о павших людях.

Судьба

Нас пустили по полю остывшему,
Да развеяли прах по окраинам,
Кто поможет подняться погибшему?
Кто рискнул бы отпеть душу Каина?

Нас распяли, забыли и бросили,
Повязали глаза черной лентой,
Нас по линии ровно построили
И пальнули в шеренгу бесцветную.

А потом по лицу грязь размазали
И в могилу свалили глубокую,
Умирали не все и не сразу мы,
Покидали мы жизнь одинокую.

Ты за нас помолись, путник старенький,
И за души за наши убогие,
Посиди тут у нас на заваленке,
Ведь сюда к нам заходят немногие.

Господь простит

Мы пели песни безумству храбрых,
Мы с красным флагом шагали в строй,
Распяли веру, с ней государство,
Против себя мы начинали бой.

Омыли кровью мы родную землю,
Прославив дьявола, мы строили свой ад,
Его же поместили в мавзолее,
И охранять поставили солдат.
Клеймо позора отмолить решили,
Не поздно ль спохватились, господи?
Вы не внимали слёзам Матушки-России,
Вы заслужили наказание навсегда.
Прошёл двадцатый век, другое поколение
Доводит до конца дела отцов-убийц,
Куда мы смотрим, в нашем ослеплении,
Но, как всегда, мы говорим: «Господь простит...».

Андрей РОДИОНОВ

когда кукушка замолчит, и перестанут раздаваться
машин и тварей голоса,
тогда в закрытые глаза
вернется фильм ассоциаций
без озвучания, и я
смогу смонтировать как надо
мир нерождаемого чада,
но вряд ли это буду я...

у реки меж кладбищем и храмом
солнце и трава, никуда не спеша,
художники рисуют все тот же самый
день, который душа,
не успев рассмотреть сунула в сумку,
а теперь разглядывает в темноте
концентрированной, что даже руки
не различить, но другое – день...

недобитой собаке сохраняется право на жизнь:
вдоволь крови своей нализаться, тихонько скуля на звезду,
контролировать звуки движения, и – ни души –
значит шанс еще есть рядом с местом в собачьем аду...

Александр САВИЧ

Член Дворянского собрания

Давно ушло цветенье мая,
А с ним и летняя жара,
И вот уж осень золотая
Стоит у нашего двора,
И сорок лет, что неизбежно
Промчались, будто сорок дней,
Озарены чудесной, нежной
Улыбкой солнечной Твоей.
Все бури, грозы и ненастья
Ты отгоняла от дверей,
Ты мне дарила море счастья
И двух красивых дочерей.
Ты каждый день всё в новом свете,
Тебя нельзя познать сполна,
В том, что живу ещё на свете
Повинна только Ты одна.
С Тобой душа от счастья тает,
Стремится к звёздам полететь,
А значит время не хватает
Хандрить, недужить и стареть.

Работа Валерии Смирновой

Юлия САШИНА

Студентка ГФ

Лебеди

Говорят, что у лебедя существует закон:
Умирает любимая – умирает и он.
Сложит крылья – и падает с голубой высоты...
Если сильно полюбишь, так поступишь и ты?

Love you...

Ты мне нравишься, мальчик,
Говорю тебе честно.
Тебя вижу нечасто,
Но с тобой интересно.
Ты смешной и забавный,
А в глазах твоих лето...
Говорю тебе: «Love me»,
Но не слышу ответа.
Где ты, мой симпатяшка?
Без тебя так скучаю!
Все казалось пустячным,
А теперь умираю.
От тоски и от грусти,
Болью сердца щемящей...
Скоро, может, отпустит...
Возвращайся, мой мальчик!

Слеза, прозрачно-чистая,
Как речка голосистая,
Как море...
Душистая, лучистая
И горькая, и быстрая, –
На воле.

Плывет своим течением,
До умопомрачения
Доводит...
Иное облачение –
Путь к самообольщению...
Мы тонем!

Спасемся ли? Не знаем мы:
Ни от сумы, ни от тюрьмы
Зарока нет.
Мы дышим – значит, мы живем,
Мы вместе – значит, не умрем, –
Вот и ответ.

Лилия СИРОТКИНА

Студентка ФЭМ

Портрет

По памяти твой нарисую портрет,
По памяти выведу каждую чёрточку чётко
И буду смотреть, как изменчивый свет
Тенью рисует причудливо тонко.
Сначала глаза нарисую твои,
Тот взгляд, от которого часто,
Куда-то сбегали все мысли мои
Ни одной не оставив напрасно.
Ресницы густые и брови твои,
Нос столь любимый и милый –
Всё нарисую, но только в тени,
Отбросив подальше краски цветные.
Улыбку твою особенно бережно
Я выведу сереньким карандашом
И улыбнусь я особенно нежно,
Вспомню, как было с тобой хорошо...

Пушистый снег на ветке чёрной,
Сверкает солнце в небесах,
И мир сияет вновь влюблённый,
Поёт на птичьих голосах.

Зима холодная шагает,
Но в сердце вновь царит весна.
Меня разлука не пугает,
Она зимой унесена.

Поймешь ли ты меня,
Как понимает ветер?
Узнаешь ли себя,
Когда увидишь в новом свете?
Мы полетим вдвоем,
Как листья или птицы.
Мы будем падать... а потом...

И нервы – словно спицы,

Словно струны на гитаре,
Натянуты: устали,
А нервы чуть не сдали
И мы с тобой не стали...
Не стали ближе,
Не стали понимать...
Я оглянусь, а ты – такой же,
И нечего менять.

Ольга СКРЫНСКАЯ

Студентка ФЭМ

Говорят, чтобы тебя забыть,
Я должна одна прожить
Увеличенное вдвое
Время, что была с тобою.

Два месяца цепляясь за любовь
И откровенно портя себе кровь,
Я поняла, что чувство не вернешь.
И было ль чувство? Не поймешь...

Могу теперь сказать «спасибо»,
Не обзываясь некрасиво
И не плюя тебе в лицо,
Не называя подлецом.

Тебе – спасибо: поняла,
Что стоят иногда слова,
Как произносят слово «нет»,
Как дорог дружеский совет.

Я знаю, как определить,
Быть вместе или же не быть,
И, если бесперспективняк,
То уж не вырулишь никак.

А если двое – мезальянс,
То не найдешь ты здесь баланс.
А в общем-то: прощай, мой друг.
Я возвращаюсь в жизни круг.

Сижу одна, схожу с ума,
Пишу стихи, хоть не умею.
Сейчас бы выпила вина
И спать легла, да не сумею
Заснуть.
Заснуть – тебя забыть.
Какое там. Сижу, мечтаю.
Хочу сидеть, хочу любить,
Хочу с тобой я быть! Летаю...
В мечтах.
В мечтах – с тобой.
Наедине, в толпе, всегда
Твой поцелуй, твои глаза со мной.
Пожалуй, все-таки пора...
Сказать...
Сказать – тебя люблю,
Будь мой, ведь я – твоя.
Сижу и Господа молю:
«Пусть скажет мальчик мой – «моя».

Анастасия СОЛОВЬЕВА

Студентка ВГУ

На зеленые листья
Тихо падают хлопья –
Это был первый снег.
И октябрь безликий
В своем желтом салопе
Прекратил тихий бег.
И кружатся снежинки,
Опадая на землю,
Как слеза за слезой.
Вот рассыпался вечер

Расплетенной косой.
Облака проплывают,
Как чугунные капли
Над моей головой.
За окном ветер плачет,
Словно ищет удачу,
А ее всё же нет.
И промозглая осень,
Будто стала зимою,
Заслоня солнца свет.
Я не знаю, что дальше,
Говорить не желаю:
Мне так грустно одной.
Объяснений не знаю,
Оживу лишь весной.

Анастасия СОКОЛОВА

Студентка ИНЖЭКОН

Запретный плод

За забором у моей у соседки
Растет яблоня-краса, свесив ветки.
Я люблюсь на нее из окошка,
Яблочко многоросло – два лукошка!

Два лукошка – кому много ли мало,
Только мне из них одно не достало.
Приглядела, по весне ненароком
Это яблочко своим синим оком.

И теперь покоя нет, мне бедовой,
Мысли все лишь о весне о медовой.
Говорят запретный плод пуще сладок
И еще хмельней - пьяней с чужих грядок!

...ночь темна одной лишь мне да не спится,
Угораздило ж так воровски влюбиться!
Украду, пускай потом люди судят,
Кто хоть раз любил, меня не осудит!

Пошлю тебе свой поцелуй с ночной звездой
И он снежинкой на губах твоих растает,
Иль обернется чистой каплей дождевой,
Мое дыханье с ветром долетает...
Все для тебя сегодня и всегда,
Пускай Весна придет не раз к нам в души,
Я говорю тебе свое простое «да»,
А ты сумей все это не разрушить...

Дождем прохладным постучалась в окна осень.
Листком кленовым пожелтевшим обожгла.
Ночных туманов полоса – стальная проседь
Нас обнимала, за собой звала.
Нам не вернуть, прости, я знаю, лета,
Жемчужины росы и гомон косарей...
Лишь эхо нежных слов, звучавших без ответа,
В моей душе горит еще сильнее.
И не заменит листопад янтарный
Огней костров на берегу реки...

Юлия СОРОКИНА

Студентка ФПБЭИ

Объята странным, смутным ожиданьем,
Не веря в солнце, в неба синеву,
Как под водой – с задержанным дыханьем,
Я час за часом без тебя живу...

Уж не ищу ни чуткого вниманья,
Ни щедрых ласк, ни строгой доброты...
Мне, чтобы жить, достаточно сознания,
Что где-то в мире существуешь ты...

Помнишь, как в тихом дождливом лесу,
Там, где луна уронила луч света,
Я поклялась, что с тобой убегу
Ночью последнею нашего лета?

Помнишь, кто первым из нас бросил взгляд?
Звёзды нескромно за нами следили...
Я угадала. Ты был очень рад.
Лишь поцелуй они нам подарили...

Помнишь, какой поцелуй это был?
Словно купались мы в солнечном свете...
Я не забыла, и ты не забыл
Нежности вкус и тот ласковый ветер...

Нашего счастья черёд наступил,
Жаль, разлучиться пришлось... бежать прочь...
Но не забыла, и ты не забыл
Нашего лета последнюю ночь.

Тамара СЫРОТИНСКАЯ

Студентка ФКТИ

Однажды,
быть может,
видела счастье...
Оно было тёплым,
зернисто песчаным,
Улыбкой ребёнка
глазами смотрело

И пахло зимою
морского прилива,

И я потянула
усталые руки,
к нему протянула,
хотела прижаться.
Оно отступило,
украдкой,
несмело,
На шаг отступило –
туманом молитвы,
Сказав трелью мамы –
дождливым закатом:

«Ты ищешь напрасно слезу в океане»

Доверяю тебе, возьми душу мою от меня,
Доверяю тебе...
Доверяю.

Ветра музыкой слёзы капаят, шепчут нежные:
«Доверяю»

Я глаза, закрыв, пред тобой стою, да над бездною
Шаг назад ступлю – канув, в высь взлечу белым голубем
Только руку дай или оттолкни...
Доверяю.

Не кори меня, взглядом – лезвием, словом – шёпотом,
Свет мой суженый.

Ты закрой глаза,
На щеке слеза,
И уста дрожат – не принадлежат.
А душа кричит:
«Доверяю»

Варвара ТАЛАКИНА

Студентка БГТУ (Военмех)

По следам после дам

хотела быть для тебя бутылкой Мартини,
быть для тебя каплей дождя
и красным спасательным кругом, простите, зонтиком...
хотела быть для тебя зелёным цветом свитеров и платьев,
медленной музыкой,
и зимой и холодом...
хотела быть для тебя мексиканской художницей с алой
помадой на губах,
в коричневых туфлях и с кинжалом – статуэткой...
хотела быть для тебя родным городом мостовой,
первым трамваем на рассвете,
быть для тебя стихом,
квартирой с высокими потолками...
хотелось быть для тебя с тобой красивой
и ты бы научился ценить женскую красоту...
Сейчас ты идёшь по следам после дам
и удивляешься, почему она вешает трубку
и спрашивает, «что у нас на завтрак?»...
ты думаешь, что всё это правда
и она тебя задевает.
но правда играет с тобой.
Так и знай.
учись.

Манифесты

*«Если встретишь Будду,
не убивай его.
Он мой».*

перепробовав тысячи видов,
разлечусь на множество элементарных частиц
по городу,

по вихрю,
по двору,
оставлю след как комета в поколении
в натяжении мыслей этого мира,
этого мифа, этого медленного тления,
он не печальный,
он так — ключи.

* (о том, что когда счастлив, забываешь, что надо что-то
произносить,
потому что произносится гораздо большее — произносится —
Единство Мира)

слова января долой из избы,
как весь сор!
что ты чувствуешь, а?
луч света вливается в меня небесной бирюзой.
сущность не запятнай, но оставь январь,
только одна дверь — один вариант — то,
что в избе лишнее — сор — словарь.
январь.
искривленные минуты,
пространственные смещения.
жизнь, как вареник разваривается
в воде стихотворения.
бурлит бирюзовое горло сытое.
в теле, как в избе пожар —
любовь лижется.

*

..., потому что

*из глубины вагона метро в час пик
смотрит на меня пьерио — мой бывший двойник.

..., потому что

*новый построим город,
на крыше ветер нас крошит в клочья
и кормит нами голубей как хлебом

..., потому что

*будильник застал нас в книжном магазине

..., потому что

*расписалась бы в паспорте вензелем слезы из третьего глаза,
задушила бы им цепь правительственных трасс,
налепила бы сердца пережеванные, как жевачки на
государственные
унитазы, да
на трибуны думы
плюнула бы... кремль – миллионы зараз...

..., потому что

*построим новый город
и не будет больше резать глаза
и казаться приторно сладкой
или совершенно безвкусной наша карма

..., потому что

*молчание – сухая простынь,
грамотная поступь,
молчание, как в школьном дневнике замечание
о плохом поведении
священной души в душе

..., потому что

*Грязевые ванны понедельника,
чист только водный раствор строки –
пробегающая черная кошка –
маслянистость бестелесной души

..., потому что
полная тишина, как если бы меня тут совсем не было.

Не пробуй описать лампу,
отражающуюся в стекле,
не пробуй! Отражения два в этой зиме.
Каждая зима есть увеличительное стекло,
опыт над человеком,
что ему дано, а чего не дано.
«Сиди тихо, иди дальше, молчи глубоко!»
Поверхность стекла – картинка –
всего лишь поверх тебя самого.

Индийская зима

в какой из орнаментов выстроилась душа,
говорящие ветви деревьев,
женская и мужская сторона типии?
сколько было преодолено оврагов и скал,
храмов и мест подношений духам?
мы смотрели в костер и друг на друга,
овладевали чистотой нашего общего мира.

город, не по размеру,
сними с меня скальп красивый!
накрываюсь дымным пледом.
так больно, будто бы меня схватили в оковы боевых рук,
так тесно, будто бы одежда не по размеру,
город не по размеру.

бубен висящий над огнем,
ветер в такт дыханию,
солнце, осветившее красной полосой скалы,
дорога заледенела ручьями,
шепотом песка песочницы,
формой куличиков
очерчено мое детство,
молчанием деревьев
и земли пением...

если хочешь, давай заберемся
на ту ветку, с которой я
когда-то упала,
если хочешь, давай постоим
на той тропе, по которой я
когда-то бежала! —
вместе!

индейская зима тугая,
изменившая быль и небыль,
остроносое жилище наше
с запахом хлеба с видом на небо,
древо — а не кровотокающая,
водой ручья с нами говорящая.

ночью деревья кажутся братьями,
а земля матерью.

я знаю, секунды всегда тянутся к богу,
а слова всегда идут своей дорогой,
как индейцы нога в ногу,
к солнцу!

Возможно, каждой снежинке хочется лететь над фонарем,
но мы не назовем это «желанием»,
А каждой частице воздуха хочется вальсировать над огнем —
освещаться

И мне хочется, чтобы светиться. Счастье! И в нем все видеть
насквозь,
встретив Будду.
Поговори со мной, чтобы не просто лететь и падать, а светиться
в покое, без тела, без мысли.

«огненный я
смотрел –
распускалась красиво,
как моток ниток,
на тебя
и знал» –

Он женат на своём небе –
У него на безымянном пальце пустота

водопад во мне
мелкие частицы,
выхожу из типи
плыть в какао.....
закрутилось

Александр ТАНКОВ

*Председатель секции поэзии Союза Писателей СПб.
Почетный староста ЛИТО ЛЭТИ*

Это жизни жар и жалость, жар и жалость,
жар и жалость,
Лихорадка марта, судорога, жаркий
поцелуй щемящий, ледяной,
Жизнь неузнаваема, она до точки сжалась,
Как шатер раскрылась надо мной.
Пересохших губ какое жаропонижающее
сможет

Ледяным серебряным ковшом ополоснуть
Горечь? Я хочу, хочу почувствовать всей

кожей,

Всем собой гремучую весну.

Я хочу почувствовать всей жалостью,

всем жаром

Каждый сердца млеющий удар,

То бесценное, что нам дается даром.

Ничего не стоящее. Дар.

В охапке, в ворохе

И нам найдется место.

Нарциссы, примулы, тюльпаны,

ноготки,

Сирень растеряна

И смотрит, как невеста, —

Свежо, испуганно, —

И холод от реки,

И астры поздние,

И георгин жестокий,

И розы мокрые на дачном сквозняке —

Вот здесь, вот здесь они,

Души моей истоки,

Гвоздики, ландыши

И лилии в реке,

Жарки, кувшинки,

Поцелуи первоцвета,

Камелий обморок

И когти красных роз,

И вздох черемухи,

И если нет ответа —

Неважно, главное, что есть

еще вопрос.

Рождество в Лондоне

Здравствуй, здравствуй, дрок,
 пресловутый, надменный
Кавалер Золотой звезды! Я в тебя не верил,
Ты казался мне выдумкой, литературой,
 подменой,
А теперь растешь возле каждой двери
С трезвым братом своим – остролистом,
 сестрой – омелой...
Рождество пахнет Диккенсом, имбирем,
 корицей,
Протестантской моралью, судьбой несмелой,
Что считает грехи, воздаст сторицей,
Тем, кто выжил в пути, одолел преграды,
Не курил гашиш, не роптал до срока,
В эпилоге опять раздадут награды,
Ну, а мне – золотую звездочку дрока.

Анна ТУРКОВА

Студентка ГУ-ВШЭ

Это был не ты...

Одинокaя скамейкa во дворе...
Одинокие качели под дождём...
Одинокaя природа в ноябре...
Одинокие и мы с тобой вдвоём!

Закружились в вечном «Не могу!»,
В «Не сейчас!», в «Прости, давай потом!»
И уже ненужное «Люблю!»
Смыто навсегда глухим дождём...
Нас давно любимый парк забыл...
И засыпал листьями следы...
Ты ещё вчера так близко был!
Или... Может...
Это был не ты?

И ты, и я

*(Девушке-беспризорнице,
ехавшей в вагоне метро посвящается...)*

Она стояла у дверей в вагоне,
Она была... она пыталась жить.
И ты, и я – ей каждый посторонний,
А этот мир ей не за что любить.

И кто с презрением, кто с тревогой глупой
Пройдет и тут же отведет свой взгляд.
А кто-то просто улыбнется скупой,
К чему грустить? Ведь он не виноват...

Но кто в ответе за судьбу такую,
За пустоту и наготу в душе?
И ты, и я хотим себе другую,
А что она – неважно нам уже.

И как теперь мы сможем улыбаться,
Поймав отравленный печалью взгляд?
И ты, и я – нет смысла сомневаться,
В ее судьбе здесь каждый виноват!..

Она стояла с взглядом отстраненным,
Она привыкла к пустоте глухой,
А мир в тот миг был грубо разделенный –
В нем было тесно только ей одной.

Но мне казалось, что она все знает
И слышит наши мысли без труда.
Она была мне будто бы родная,
Я прочитала все по ней тогда.

Она несла с собой частички грусти,
Ее печаль изящно рисовала,
Она уйдет – и мы ее отпустим,
Но не в конец, а все-таки в начало...

Мы разучились сострадать и видеть,
И ты, и я – живем в железном мире.
Мы заперты от всех – нас не обидеть,
Вторую дверь закрой в своей квартире.

Шаг за шагом

Если Родина начинается,
Кто продолжит ее и как?
Шаг за шагом – не спотыкаются,
Если вымерен этот шаг.

Если цели давно поставлены,
Значит, видно куда идти.
Если правила все объявлены,
Значит, мы не свернем с пути.

А в глазах людей все по-прежнему:
И усталость, и злость, и грусть.
Надоело играть с надеждою –
Поиграют другие пусть.

А я вижу детей на улице –
Бледность лиц и голодный взгляд,
Во дворах наркотой торгуются,
Продавая не кайф, а яд.

И ответы уже не ищутся,
А вопросы, как крысы множатся.
И скребется душа, как нищенка,
И в стихи мои мысли сложатся.

Разделилась вдруг наша Родина,
Как в смешной и тупой считалочке.
Нет в ней места бомжу голодному
С упаковкой крабовых палочек.

Ностальгия

Уходя не найти ответ,
Не узнать обо всем, что важно.
Поменять закат на рассвет
И забыть это все однажды.

Уезжая, стереть печаль,
Этот город отставить серый.
Ни себя, ни его не жаль,
Если сможешь – то так и сделай.

Я сама, уезжав не раз,
Часто думала не вернуться,
Но без света любимых глаз,
Ни уснуть нельзя, ни проснуться.

А под тенью домов чужих
Я чужие читала тайны,
И Монмартр уснув, затих,
Улыбаясь во сне печально.

А в Париже другая ночь,
И рассвет другой – не знакомый...
Только мысли все рвались прочь,
И скучали глаза по дому.

Но зачем человеку грусть,
Ностальгия, тоска и память?
И зачем говорить: «Вернусь!»
А, оставшись, смертельно ранить.

Я не думала, как силен
Город наш, на Неве зачатый!
Я узнала, кто здесь рожден,
Тот вернется сюда когда-то!

Силуэты домов знакомых,
В лабиринте родных каналов...
Воздух свежий на вкус – я дома!
Я по ветру тебя узнала.

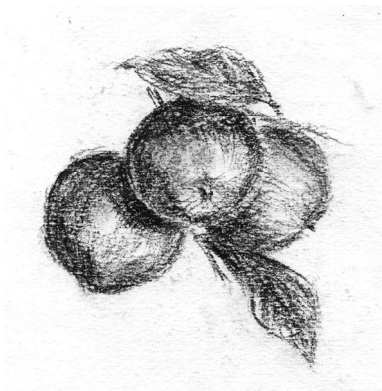
Татьяна УСПЕНСКАЯ

Студентка ФЭМ

Не первый год идешь своей тропой
И ищешь в мире каждое мгновение
Того, кто должен в жизни быть с тобою,
Твоей души живое отражение.

Быть может, рамка чуточку не та,
Иль пониманью помешали блики?
То отражается не пустота.
То отражаются все наши лики.

Ты оглядись внимательней вокруг.
Быть может, и не зеркало ты видишь?
А вдруг и есть тот самый друг,
Которого в толпе ты тайно ищешь?

Работа Марии Парфеновой

Наталья ХАРИТОНОВА

Студентка НИЯК

Словно в мире анимэ

Японские мотивы под соответствующую музыку...

Я, словно в мире анимэ,
Живу, исследуя пределы.
В моём измученном уме
О свете мыслить я посмела.

Заметив сакуру во тьме,
Я аромат её вдохнула,
И каллиграфия во сне
Меня в мир солнца окунула...

Оно восходит при луне,
И от восторга всё трепещет,
Пусть грёзы мира анимэ
Меня в мечтах моих утешат...

Затвори свою дверь

Вот и следы на дороге, товарищ:
Ты их хозяйку носил на руках.
Много она натворила пожарищ
В юных, хотя и горячих сердцах.

Ты, как и мы, на уловки попался:
Взглядом следил за её каблучком,
Мыслям лукавым в душе удивлялся
И был обманут в итоге, потом.

Ты одинок, как и мы, но на время...
Мы обретём то, что ищем, поверь.
Ты для обманщицы точно потерял:
Что ж, перед ней затвори свою дверь.

Пётр ЧАЙКОВСКИЙ

Профессор консерватории

Ландыши

О ландыш, отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры,
Но прелести в них нет таинственной твоей.

В чем тайна чар твоих? Что ты душе вещаешь?
Чем манишь так к себе и сердце веселишь?
Иль радостей былых ты призрак воскрешаешь,
Или блаженство нам грядущее сулишь?

Не знаю. Но меня твое благоуханье,
Как винная струя, и греет, и пьянит,
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.

И счастлив я, пока цветешь ты, ландыш скромный...

Евгений ЧЕГЛАКОВ

Студент ПГУПС

Ты дома сидишь и дрожащей рукой открываешь окно ICQ:
Сейчас ты on-line должен встретиться с той,
Что запала так в душу твою.

Красный цветок бьет прямо в глаза, и понятно – в сети её нет.
Но ждешь всё равно свидания с той,
Без которой пуст Интернет.

Целый час уж прошел и другой начался, а она все еще не пришла. Может, красится долго? – ты ждешь, не спеша.

У нее, как обычно, дела.

И готовишь ты первые в строчке слова, чтобы встретить богиню свою.
Открыл фотографию – как хороша!
Не начать бы с фразы «люблю...».

Вдруг доносится стук из колонок твоих, и ты видишь зеленый цветок,
И теперь всё пространство слилось для двоих –
Для вас, с запада на восток.

И ты радостен, счастлив, ведь долго ждал, ты ей смайлик красивый
 послал,
 А она тебе – грустный. Ты задрожал:
 Может, что-то не то сказал?

«Извини, не могу! Это надо кончать... да не встретимся мы никогда!
Я в реальном мире хочу целовать,
Ведь в реальном приятней всегда.

Мы с тобой уже месяц общаемся так, но ведь мы далеко... далеко,
Миллион километров, как будто пустяк,
Но приехать тебе нелегко.

Мне оставить, конечно, все так, как есть, и хотелось, и тут же нет:
Прибежать домой и... в креслице сесть
И быстрее подключить интернет.

Но пойми, будет лучше обоим сейчас разорвать отношения здесь:
Лучше номер стереть и забыть про сеть.
Ведь в реале любовь тоже есть».

Максим ШВЕЦ

Член правления Союза писателей Лен. обл. и СПб

Портрет

Колючий волчец, полынь, лебеда...

(Николай Гумилев)

Она красива?

Нет...

Она прекрасна?

Да!

Цветут в её стране

полынь и лебеда.

Там камышовых глаз

качает ветер взор,

где холод, серебрясь,

стоит перед грозой

Там облетает снег

деревьев – не листва...

Она красива?

Нет...

Она прекрасна!

Да!!

Она вас любит?

Нет...

Она любима?

Да!

Щёк смугловатый снег

краснеет, как листва.

Неяркий тонкий рот

улыбчивее роз.

Как галочье перо,

блестит огонь волос.

Цветут гвоздик нежней

полынь и лебеда.

Она вас любит?

Нет!

Она прекрасна?

Да!!!

Ты – утреннее солнце в тишине...
Тыходишь неожиданно и нежно,
полупрозрачным платьем прошумев,
в лицо повеяв ласковым и свежим.

Ложишься рядом, прямо на постель,
сияя тонким телом загорелым,
кустом густых волос прошелестев
по наволочке искристой и белой.

Я обнимаю крепко, словно сон,
сжимаю и тепло, и осторожно;
глаза целую, губы, всё лицо,
в соленых серебрящихся дорожках.

Ты – утреннее солнце. Ты – рассвет.
Сквозишь, летишь, сияешь надо мною.
Всё явственнее вижу, всё ясней
лицо твоё, прекрасное, родное...

Легко ли любить?
Если в небе – луна,
как белая роза – в серебряном кубке,
и ваша красавица томно-нежна
вновь топит в бокале капризные губки...
Легко ли любить?
Если кровь горяча,
И смятые простыни липнут к лодыжкам,
и ваша красавица, словно свеча,
в руках ваших тает, и стонет, и дышит...
Легко ли любить?
Если в доме темно,
окно занавешено тополем старым,
а ваша красавица стала женой
заезжего принца со звонкой гитарой...

Мария ШЛЯХТЕНКО

Выпускница СПбГУ и ЕУ в СПб

Из неперменного – так надо до обреченного – так будет
От убежавшего недавно до остающегося после,
Подобно струям водопада, неровным строкам в Книге Судеб
Уходит то, что было главным, давая путь тому, что возле.

Лишь кто-то сладостным касаньем разбудит вечную основу
И благодарная свобода совется с нитями желаний,
А молодая кобылица, на счастье потеряв подкову,
Опять неистово ускачет дорогою воспоминаний.

Не бейте собаку, она умерла,
И дух ее воеет, скитаясь по свалкам.
А люди так много ей сделали зла,
Из них никому ее было не жалко.

Пусть теплым шершавым своим языком
Лизала она ваши грубые руки,
Ее прогоняли мощнейшим пинком
Всего лишь от глупой, бессмысленной скуки.

Пусть ласковым взглядом смотрела она
Во все ваши тусклые мрачные лица,
Вы все отвернулись и снова одна
Скулила собака, не думая злиться.

Пусть часто, наивно виляя хвостом,
Делилась костями, носила игрушки...
Она умерла и лежит под кустом,
В земле, а над ней распевают лягушки.

Эх, люди, ничто вам сегодня не ценно!
И в память о той, что когда-то жила,
Старайтесь добрей быть и стать полноценней...
Не бейте собаку, она умерла...

Руками горячими за плечи уставшие
Обнимешь, прогонишь мое одиночество.
Как жили мы раньше, друг друга не знавшие,
Вы – Ваше Величество, я – Наше Высочество?

Сады королевские, где всё в изобилии,
Плоды предлагали нам с Древа Познания,
И мы принимали их в плотском бессилии,
Такие чужие и пошлые ранее.

Сегодня мы близкие, телами согретые,
Признания шепчем губами дрожащими
Такие всеильные, хоть не одетые,
И верим в одно на двоих Настоящее.

Анастасия ИУКИНА

Студентка ФКТИ

Танец декабрьских душ

Крик Боли. Сплав Отчаяния и Меланхолии, вуаль осени – ее слезы (а может, мои) на лице, осадок горечи на душе и металлический привкус – свинцовый сахар.

Не здесь, не сейчас; никогда. Не я.

Култ Скорби. О моей печали узнает лишь пронзительный ветер и клочья раненых туч. Предсмертный шепот чувств. Мое сердце – глыба алмаза – даже лед можно расплавить.

Цепь... Виток за витком, звено за звеном. Ироничный звон. Причудливый орнамент полузадушенной страсти.

Не здесь, не я, меня нет больше. Ты и сожженный мост. Обломки. Останки.

Улыбка Кармы. Колесо, жизнь — бесконечный бег в колесе, — круги ада.

Унылые реалии. Дефицит адреналина, но водянистая кровь прозрачнее чистейшего горного хрусталя, это примиряет. . .

Болезненные видения. Вымышленное существует — агония фантазии, вопли терзаемой души. Она — живая, почему в ней поселилась боль?

Соленый хрусталь — осколки Любви на ресницах. Никогда. Не ты. Я и моя ненависть.

Оцепенение. Атрофия. Умеренные дозы дистиллированного счастья Одиночества — только я и моя боль.

Реинкарнация — бездушный механизм. Почему мне оставили память, но лишили чувств и свободы? Отдаленно похожий на Истину призрак с моими признаками. Обновление — бесцеремонное обезличивание, опустошение. Зарубцевавшийся послеоперационный шов — на трещинах Души.

Легкая эротика таинственных длинных одежд и взгляда дикого зверя изподлюбя. Паралич мимических мышц — почему моя нежная улыбка, адресованная Тебе, напоминает голодный оскал Смерти?

Ирония шарма. Нисхождение. Свежевыглаженный саван. Размер подходит?

Король умер. Да здравствует король!

Игра вслепую — мощное орудие в неуверенных руках. Задыхающаяся от собственного бессилия ненависть. Истокающая яд ярость.

Превращение энергии. Живая мишень.

Обрывки метаморфоз. Темная зимняя аллея и маковое поле. Экскурсия в бездну.

Исчезающие чернила — любовное письмо в сгоревшей шкатулке. Два часа для медленных ног и мгновение для стремительной мысли.

С глаз долой. . .

Лепестки аристократических роз на серой могильной плите. Последнее ложе в этой жизни, кто его разделит с тобой?

Глухие слова, неестественная деликатность — и уже чужой какой-то голос. Дела прошлой жизни.

Обезьяна и ёж

Любовь причиняет боль, – сказала обезьяна, обнимая ежа...

Условности... Негласные правила. Молчаливое псевдосогласие. Безразличие? Нет. Привычный жест обреченных. Обмен полунамеками. Полуслезы. Боязнь потревожить установленный ритуал. Опаска порвать необдуманном, но выстраданным словом благодатную пуповину союза. Союзников. Или дружных врагов? Игра на грани фола. Ехидные хитрые мысли не в свою пользу – но истина прежде всего!

Или бред фантомов фантазии? Анестезия наслаждения собственными страданиям, любование своими недугами. Корм Кармы. Новый виток спирали. Философия диагноза и новые поиски поисков.

Владимир ЯКОВЛЕВ

Преподаватель каф. ИМ

Неизбыточное

Затяни мне в душу,
Только, чтобы я не знала.
Чем живу, послушай,
Только не тревожь начала.

Разгадай же тайну,
Ту, что я в тиши лелею,
Только не вербально,
Чтобы не грустить, жалея.

Напиши мне строчки,
Только не сейчас, позднее.
И не ставь в них точки,
Чтобы не страдать потерей.

Подойди неслышно,
Только, чтобы я сомлела ...
Загляни мне в душу,
Чтобы отказать не смела

На семинаре –
«Котострофика»

Работа Юлии Медюшко

Поль ВЕРЛЕН

(1844–1896)

Перевод Александра Королева

Женщина и кошка

Она играла с кошкой, это
Пленяло прелестью своей,
В вечернем угасании света
Рука кошачьих лап белей.

Коварна – под митенкой где-то
Скрыть удалось, должно быть, ей
Острой, убийственной стилета,
Агат отточенных ногтей.

А зверь жеманнее ее
Когтей вбирает острие,
Но дьявол время не теряет...

И в спальне смех звенит пока
Воздушный, в полумрак зияют
Четыре фосфорных зрачка.

Павел БЕКЛЕШОВ

Сменяет ночь закатом день.
Выходит месяц вместо Солнца.
Звезд сотни с неба сорвалось.
Бокал вина допит до донца.
Смотрю в ночи на звездопад.
В груди одно желанье бьется –
Пусть улыбнется целый Мир,
Когда Котенок мой проснется.
И что-то закрутилось вдруг –
Моя мечта летит по странам.
Когда откроешь глазки ты,
Придут улыбки
бесконечным караваном.

на фото Ксения Исаева

Дарья БЕРТОВА

Моей кошке Ксюшке посвящается...

Кашель... Мерная ложка,
Рядом в кровати – кошка,
Справа – бутылка с микстурой
И градусник с температурой...
Спросонья зевнув так сладко,
Кошка потянет лапки...
Мягко скользну я в тапки...
Свежо на душе и гладко!
Хрипло мяукнет кошка –
На кухню бежим – эстафета!
Позавтракаем немножко:
Кусочком ветчинки с омлетом...
А за окном – саблезубая вьюга –
Нахально с пути сбивает прохожих...
Но главное, МЫ отыскали друг друга:
Бликих таких – в мире – столь непохожих!

Морис КАРЕМ

(1899–1978)

Перевод Александра Королева

Мой кот глаза открыл –
Явилось солнце в них.
Мой кот глаза закрыл,
Оно осталось в них.
И стоит лишь коту
Глаза открыть слегка
Зияют в темноту
Два солнечных зрачка.

Александр КОРОЛЕВ

Время белого кота

С.А.Голикову

Я иду туда, чтобы
Как всегда, на троих,
Сквозь глухие трущобы
Переулков твоих.

И не то, чтоб с годами
Пробираться трудней,
Замечает снегами
Пустоту прежних дней.

Те же блеклые стены,
Тот же старый подъезд –
Декорации сцены
Для несыгранных пьес.

Работа Ольги Веселовской

Дверь хозяин откроет,
Возвратившись в свой дом,
Где, как прежде, нас трое
В этот час за столом.

Вот и я удостоен
Стопкою коньяка,
В эмигрантском застолье
Непричастный пока.

Звон бокалов и вроде
Больше нету забот.
В это время приходит,
Как всегда, белый кот.

Эту боль испытаний
Пережив на себе,
Зная цену скитаний
В эмигрантской судьбе,

Он блуждать будет вечно
Там, где помнят и пьют,
Пусть, хотя бы на вечер,
Обретая уют.

Вековую истому
За столом не унять.
Нам – вернуться до дому,
Ты же – в Гамбург опять.

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Закатная зарисовка

Лиловый ливень сумерек светлей
Корыстной красоты уверенного утра,
Сжигающего солнцем дымку дней,
Привычно пролетевших мглой минутной.

Алеет алыча горячих губ,
Волной весны туманятся топазы,
Игрой искрится краснорёбрый куб,
Чернеют чисто злобные заразы

Когтистых кошек, прячущих приказ
Упорного убийства быстрых белок,
Огнем острот, голубизною глаз,
Слезой сомнений, болтовней безделок.

Духи дурманят, тишина течет,
Таится тень пестреющей пустыни.
Лисою льстивой зычный звездочет
Являет ясность глубины гордыни.

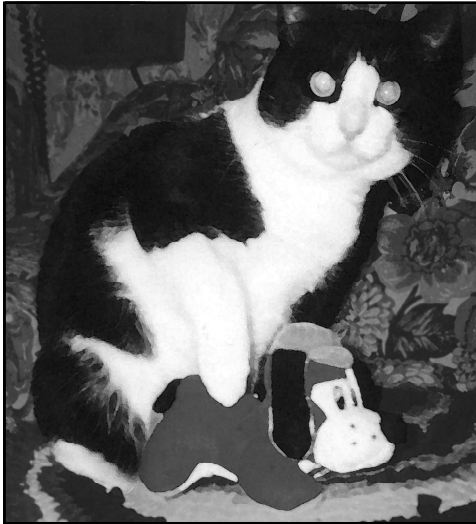

На фото Диана Исаева

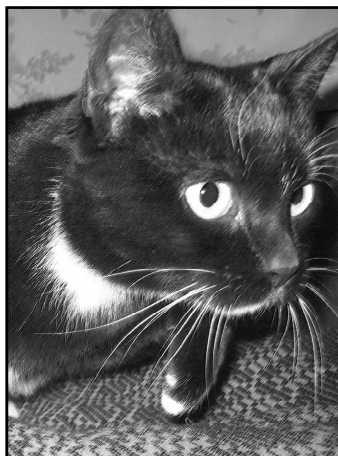
Олег ИЛЬИН

Гроза

Кот Кофиевич Котофевич-Котофшефский любил вскакивать ни свет, ни заря и кричать во все горло слово «Полундра!». Сначала это забавляло, а потом стало порядком надоедать. Аграфена Полуэктовна распорядилась перевести Кота Кофиевича во флигель, но и оттуда каждый раз по утрам не было ни сна, ни покоя. Дмитрий Павлович высказал даже особое предположение, что ситуация может поменяться в корне, если применить методы мистической субъективации ментального пространства наличного бытия в отдельно взятой точке пространственно-временного континуума. Все перешли в гостиную и попросили Машеньку сыграть что-нибудь жизнеутверждающее. «Полундра», – донеслось из флигеля. «Полундра», – повторялось снова и снова, перекрывая бушующие аккорды и грохот рояля. Грянул гром, пошел дождь. Казалось, сам бог грозы начал свое нисхождение на землю в колеснице, запряженной не то диким вепрем, не то тем самым, изгнанным во флигель Котом Кофиевичем Котофевичем-Котофшефским.

На фото Мусуфаил Исаев

На фото Кассандра Исаева

Кассандра ИСАЕВА

Письма римской кошки друзьям И.Бродского

Был я в прошлой жизни мудрым Пифагором,
Ныне – кошка я бедняги Марциала.
Мой хозяин очарован здешним вором,
А меня его правление достало.

Он бездомных псов развел внизу у мыса,
Из-за них теперь гуляю только ночью,
Да взлетаю на верхушку кипариса,
Чтоб не быть тотчас разодранною в клочья.

А бывало, я на солнышке близ понта
Мирно грелась за оградой черных пиний
И рвала когтями свиток Ксенофонта,
Но особенно любезен мне был Плиний.

И теперь, когда хозяин так не в меру
Платит дань всему, что в жизни было мило,
Я прошу его знакомую гетеру,
Чтоб она меня под старость прикормила.

Юрий КОРОЛЁВ

Рыба-Пила

Душа бессмысленно слоняется по телу,
Молчит слезой в глазах, уходит в пятки,
Так хочется из этого безумного апреля,
Сбежать скорее в вечность без оглядки.

Банальное «привет» и «как дела» по аське.
Я отвечаю «превосходно» неохотно,
Но так достали человеческие маски,
Я выпил, закусил, и стало шпротно...

Скрипит сегодня сердце вместо стука,
Но смайлики смеются через строчку,
Инь, Янь и Хрень... И жизнь такая штука...
Еще чуток, и я дойду до точки.

И сложно в этом мире жить счастливо,
Результативней научиться умирать...
Стишок сегодня получился криво,
Не стоило, наверное, принимать...

Скажи-ка тост, мне в одиночку грустно,
Эй, черно-белый кот с рабочего стола!
Вот только рыба выглядит невкусно...
В прошедшей жизни от души пила.

Молчит сегодня бело-черный Феликс⁴,
По алгоритму скачет между окон...
Так хочется сбежать из этого апреля,
Найдя дорогу в вечность ненароком...

⁴ Феликс – заставка на рабочий стол.

Алексей ЛЕБЕДЕВ

Путники заката

Взрыв. Волна. Огонь и пламя.
Не осталось на земле
Никого. И моё знамя
Растворилось все в золе.

Солнца нет за горизонтом,
Что потухло – не разжечь...
Чай остывший с бергамотом
И застывший в ножках меч...

Только девушка и кошка
Знают где искать приют,
Только девушка и кошка
За собой меня ведут...

Я пою им песни лета,
И как старые друзья,
Так и бродим мы по свету:
Кошка, девушка и я.

Работа Ольги Веселовской

Валентина МАКАРОВА

Ты знаешь, я дома одна,
И ландышей белый букет
Стоит на столе, и весна
Льет солнца рассеянный свет.

Ты знаешь, мне лижет плечо
Пушистый усатый зверек,
Прижавшись ко мне горячо,
Он тихо мурлычет у ног.

Ты знаешь, ползет по цветам
Малюсенький рыжий паук...
За эти секунды отдам
Я сердца отчаянный стук.

Александр МАСЛОБОЙНИКОВ

Порой весёлой мая
И кошку за порог
Одну не отпускаю,
Не то... помилуй Бог!

Работа Ольги Веселовской

На фото внушка Кассандры Исаевой

Екатерина МИТИНА

Летний дождь

Жара, уже лето.
И ласковый дождь
Пел мне об этом
Тихо всю ночь.
Он мокрой ладошкой
Гладил котов,
Открытым окошкам
Шептал: «Добрых снов»!
И пальчиком мягким
На стеклах писал,
Как без меня он
Долго скучал.
А утром со сна
Никак не пойму:
Рубашка влажна
На мне почему?
Может, в ночь уходила
Я, по крышам скользя,
И на кожу ловила
Поцелуи дождя.

Александр ПАК

Быть или не быть

Если едет ваша крыша.
А по крыше кот идет,
И нахально в спину дышит,
И за горло вас берет,
Это вам не «ноу проблем»,
Здесь по всем счетам платить
От рождения до гроба.
Как тут быть или не быть.
Если мартовские кошки
На душе у вас скребут.
И ненастно за окошком,
И за дверь ушел уют.
Все опять не «ноу проблем»,
И опять за все платить
От рождения до гроба.
Как тут быть или не быть.
Если вас и дальше гложет
Беспросветная тоска,
И от наважденья кошек
Не избавиться никак,
Заведите вы собаку.
Пусть придется заплатить.
Тут же пес пойдет в атаку
На котов, на вурдалаков,
Заставляя нечисть плакать
И по-волчьи выть и выть.

Анастасия ЩУКИНА

Кошка

Опускается ночь на спящий город, и черная кошка-Тьма выходит на большую охоту. И вот уже первая жертва трепещет в ее когтях!

Ужас в глазах, немой крик...

Дым из труб пушистым хвостом замечает следы.

Окна домов – слепящие желтые ехидные глаза. Мурлыканье ветра, но мягкие бархатные лапки увенчаны смертоносными коготками – безжалостные ветви деревьев ласкают кожу.

Пляска смерти – игра мускулов, изящное движение – и капельки крови разлетаются феерией фонтана с роскошной шубки, их стремительный полет рождает румянец рассвета.

Слева направо Диана и Ксения Исаевы, на заднем плане неизвестный господин.

Ролевая игра «Отцы и дети»

Работа Юрия Королёва

Нина АЛЕКСЕЕВА

Мои ноги гудят
После дальних дорог,
После диких погонь
По цветущим лугам.
Мои ноги звенят,
Как звенят провода,
Предвкушая спокойные,
Тихие сны.
Мои ноги трубят,
Как большие слоны,
Песню близкого дома,
Песню доброй воды.

Любовь ИСАЕВА

Вечер

Я помню тот июльский вечер
И солнца розовый закат.
Я тишине ночной навстречу,
С крыльца спустившись, вышла в сад.

И тихо вспыхивали звезды,
Нас за собою вдаль маня.
В ту ночь казалось все так просто
И для тебя и для меня.

А утром в пламени рассвета,
Клубясь у запертых дверей,
Дымок последней сигареты
Растаял в глубине аллея.

Любимой поэтессе

Вечернего неба бездонная мгла —
Она над полями куполом синим.
Без этого неба ты жить не могла,
И я не смогла бы жить без России.

Заря бесконечно чиста и светла,
Весь пепел надежд развеяло ветром.
Узнав обо мне, ты б меня поняла,
Ведь я родилась из этого пепла.

Кактус

Солнце разлило вечерние краски,
Светлые блики, старые сказки,
Теплую сонную лень.
Скорбные лики, древние фрески,
А на задернутой занавеске
Кактуса мрачная тень.

Вспыхнул закат, как моток фото пленки...
Слышу за дверью весёлый и звонкий
Твой телефонный звонок.
Голосом, дрогнувшим от смущенья,
По-детски наивно ты просишь прощенья
За то, что приехать не смог.

Тени ложатся причудливой сеткой.
Где-то за стенкой старуха-соседка
Двигает мебель, сопя.
Луч на обоях — розовый лакмус,
Этот зеленый взъерошенный кактус
Чем-то похож на тебя.

Юности

Жизнь соткана из мелкого дождя
Размытых грязных стен и серого асфальта.
Мы племя краснокожего вождя,
И наших резерваций нет на этой карте.

Марина МАКАРОВА

Усмехнусь, прикоснусь губами,
Приласкаю рукою волосы.
Что же стало грозой меж нами,
Как дождя осеннего полосы?
Отшумели дожди косые,
Тротуары водой умылись.
Ты уходишь, чужой и сильный.
Не оглянешься? Мы простились.

Херсонес

Из-под вод желтовато-знойных
На берег выплеснут сахар,
Шершавой колонны стройность –
Слегка коснусь языком...
Колонны должны быть гладки,
Величественны, спокойны,
А эти сбежались к морю
И шепчутся с ним – О чем?
Но мрамор горяч и мягок,
Он слаще июльских вишен,
И низенькие колонны уютны, как будто дом
Эллинов медноволосых
Еще теплотою дышит.
Спустились к морю ступени
И шепчутся – Но о ком?

Я встречаю тебя – этот день – колдовство.
Как дела?.. Ты смеешься в ответ – «Ничего»
Ничего? Неужели совсем ничего,
Ничего... Я не верю тебе, ничего...
Лучше пусть заморочит нас бед торжество.
Талый снег на губах. Ничего... Ничего.

Елена СУББОТЕНКО

Ступай и здравствуй. Не позор,
Что ты ведом судьбой,
Да будет мой невольный взор
Не властен над тобой,

Да будет мой неслышим стон,
Чтоб ни полшага вспять,
И ровный день и ясный сон
Да будет у тебя.

Да будет впредь из всех измен
Лишь памяти провал;
А мне – по северной зиме
Несметные права:

В том доме, где очаг хранит
Мои былые сны,
Немного тени, и в тени
Немного тишины.

Новогоднее

Склонился к гриве профиль гордый
И, замирая в полусне,
Устало вытянулся город
На белоснежной простыне.

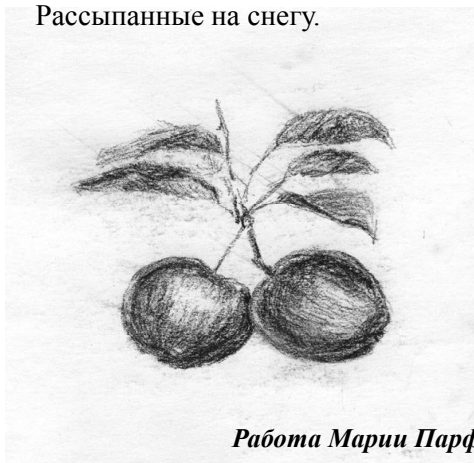
И час пробил. И год иной
Текущим сделался мгновенно,
Нас принимая сокровенно
Со всей обидой и виной,

И прочим. Видишь ли, родной,
Бледнее тень поникшей елки
И фонарей сквозные челки
Мерцают первой сединой...

Что нам – еще одна страница
Судьбы? Известно наперед,
Что все случится в свой черед,
Чему назначено случиться.

И ты отступишь в долгий вечер,
Все понимая, всех любя,
Когда уверенные плечи
Меня закроют от тебя,

И только в памяти закружат
Под близкий шепот чьих-то губ
Осколки елочных игрушек,
Рассыпанные на снегу.

Работа Марии Парфеновой

ЛИТО «Заповедник»

Работа Александры Волковой

Илья АВРУНИН

205 гимназия 3 класс.

Слепой и глухой

Я не слепой, говорит глухой.
Я не глухой, говорит слепой.
А вместе, мы вдвоем с тобой,
Управимся с любой бедой.

**Юля АМОСКОВА, Вероника БУКАЛИНА,
Лиза ДОМАХИНА, Тоня ГОЛЫЖБИНА**

205 гимназия 4 класс.

Каракули-маракули

Рисую я каракули,
Каракули-маракули.
Каракули-маракули похожи на сачок.
Сачком ловлю рыбешку я.
Делюсь рыбешкой с кошкою,
А кошка, с той рыбешкою,
В окошко прыг да скок.

Рисую я каракули.
Каракули-маракули.
Каракули-маракули похожи на крота.
А крот всю землю распахал.
Потом в болото он попал.
И Водяным в болоте стал.
Такая красота!

Рисую я каракули,
Каракули-маракули.
Каракули-маракули похожи на Луну.
Луна в окошко влезла к нам,
А за Луной гиппопотам.
Он подарил компьютер нам!
Ну, просто, ну и ну!

Рисую я каракули.
Каракули-маракули.
Каракули-маракули похожи на портфель.
В портфеле вижу я дневник.
На стол он из портфеля прыг
И показал мне свой язык.
Такая канитель.

Рисую я каракули.
Каракули-маракули.
Каракули-маракули похожи на меня.
Себя я покажу всем вам,
Своим бесчисленным друзьям.
И будет весело всем нам!
И это знаю я!

Александр БОРЕВИЧ

9 класс

Если бы я мог летать

Если бы я мог летать по небу,
Я бы улетел отсюда прочь.
Я слетал бы в Рио-де-Жанейро
И вернулся бы оттуда в ночь.

Летал бы в школу бесшабашно,
Я б за вами сверху наблюдал.
А потом над Эйфелевой башней
Я бы сок холодный попивал.

Я наверно много б смог увидеть,
Но всё это мне не по душе,
Если я один летать умею
И друзья остались на земле.

Мечта

Через реки, океаны,
И озёра, и моря
Плыл корабль очень странный,
Под названием «Мечта».

И большой он и красивый,
И закат за ним всегда.
Он неведомые страны
Проплывает не спеша.

Там где он, там штиль на море.
Там где он, там тишина.
Всё прекрасно, всё спокойно,
Там где он, всегда весна.

И плывёт этот корабль,
Бесконечен его путь.
И к кому он приплывает,
Тот счастливым будет пусть.

Вероника БУКАЛИНА

205 гимназия 4 класс.

Люблю ходить я за грибами.
За ними я хожу ногами.
Ищу в лесу грибы глазами.
А собираю их руками.
Их дома хрумкаю зубами.
Потом опять бегу ногами.
Куда?
Конечно за грибами.

Оксана ВИМБА

364 школа 8 класс.

Неизвестный солдат

Я не знаю, на какой войне,
Где, когда и с кем он воевал.
Я не знаю, как его зовут,
Я не знаю, жив ли он сейчас.
Но вся жизнь его – спасенный мир.

Даша ВОРОБЬЕВА

205 гимназия 5 класс.

Лимереки

В одной прекрасной стране из конфет
Родился поэт по фамилии Фет.
Он стихи сочинял.
Много ел, сладко спал
В одной прекрасной стране из конфет.

Разговорчивой даме из Луги
Приносили подарочки слуги.
Она молча кивала
И всех слуг поощряла
Эта дама из города Луги.

Вика ЕГОРОВА

школа № 464 4 класс.

Непогода

Дождик льет.
Гроза не умолкает.
Гром гремит
И молния сверкает.
Открываю зонтик под дождем.
Не страшны ни молния, ни гром.

Настя ЗАХАРОВА

205 гимназия 3 класс.

Колыбельная для солнца

Солнце жаркое устало
Нам дарить свое тепло.
Желтым лучиком мигало,
Говорило вслух оно:
Ненадолго я уйду
В домик свой за тучкой.
И немного подремлю
Чтоб светиться лучше.

Только солнышко легло
И глаза закрыло –
Стало холодно, темно,
Пасмурно и сыро.

А за низким горизонтом
Песня зазвучала.
Тихо, жалобно, протяжно
Словно усыпляла.

Это осень золотая
Колыбельную поет.
Чтобы солнце крепче спало
И ждало весны приход.

Аня ЗУБАНОВА

205 гимназия 2 класс.

Лошади

Лошади живут на воле
И гуляют в чистом поле.
В поле лошади играют
И друг друга догоняют.

Антон КАЛИНКИН

школа № 305 4 класс.

Предлетье

Весенние цветы цветут.
Все очень сильно лета ждут.
Вот первый гром.
Гроза грядет.
К нам дождь идет.
К нам дождь идет.
Пусть дождь прольется в первый раз
Весенней радостью для нас.
Уйдет весенняя вода.
Начнется летняя страда.

Даша САДОВНИКОВА, Карина КАПИТОНОВА

205 гимназия 3 класс.

Ежик в тумане

Как-то раз по утрам ежик пошел гулять. Вышел на полянку,
видит белое облако
И говорит: «Мы с вами где-то встречались? Кто вы?»
– Достал! Мы с тобой каждый день видимся! Если не за-
помнить, что я туман, то я на тебя сейчас сяду!
Село облако на ежика и лопнуло! И наступил антициклон.

Сергей КАРПОВ

205 гимназия 10 класс.

Цветок

Плыви, цветок мой, бездну украшая.
Скажи мне, в воду бросил кто тебя.
Цветок мой роза, роза молодая,
Скажи, зачем тобой люблюсь я?

Плывешь под небом, тихо увядая.
В речной воде наступит смерть твоя.
От смерти я спасения не знаю.
Скажи, зачем тобой люблюсь я?

Плыви. Твое прозрачное свечение
В моей душе как лепестки огня.
А жизнь похожа на реки течение.
Скажи, зачем тобой люблюсь я?

Алена КИРИЛЛОВЫХ

205 гимназия 2 класс.

Роза

Роза ясная.
Роза красная.
Роза как жизнь прекрасная.
Роза танцует,
Роза поет,
Роза радость всем несет.

Катя КЛИМЕНКО

школа № 213 4 класс.

Пегас

Как-то я стоял, мечтал,
Или что-то сочинял,
Вдруг увидел я коня!
Он стоял себе на Невском,
Будто поджидал меня.
Оседлал Пегаса я.
И помчался чудный транспорт,
Разбежался и взлетел...
Он летел, летел, летел,
Я во все глаза смотрел.

И увидел город-сказку!
Этот город вот какой:
Башни чудной высоты.
Над рекой висят мосты...
Но проснулся я с утра.
В школу мне идти пора.

Маша КОВАЛЕВА

школа № 160 3 класс.

Песенка про лето

Ах ты, лето, мое лето,
Как же ты красиво.
Летом очень много света,
Жарко и лениво.
Зеленые поля.
Теплая земля.
Речка золотая,
Куда течет, не знаю.

На любимой речке ждут
Веселые глаза.
На плечо мне села
Певунья стрекоза.
В воде и шум, и гам.
Смех и тут, и там.
Вдоль и поперек
Мельканье рук и ног.

Ах ты, лето, мое лето,
Как же ты красиво.
Ты пройдешь, но будут сниться,
Словно диво
Зеленые поля.
Теплая земля.
Речка золотая,
Куда течет, не знаю.

Ира ЛЕБЕДКИНА

205 гимназия 3 класс.

Каким бывает утро

Утро черное бывает, если ты зимой встаешь.
Утро красное бывает, если ты весной встаешь.
Утро белое бывает, если летом ты встаешь.
Утро желтое бывает, если осенью встаешь.

Утро черное бывает, если страшный сон не кстати.
Утро красное бывает, если лень вставать с кровати.
Утро белое бывает, если в облаках дремал.
Утро желтое бывает, если в школу ты проспал.

Айли СМИРНОВА Таня МАГАЛИЕВА

212 школа 6 класс.

Снежинки

Тихо падают снежинки.
Под ногами снег скрипит.
Хрусталем сверкают льдинки.
В окнах свет уже горит.
Может быть из ниоткуда
Я по улице иду.
И снежинки, словно чудо,
Слов рисуют череду.
А слова играют в прятки,
Улетая далеко.
Задают они загадки.
Разгадать их не легко.

Оля МУРАДЯН

школа № 305 4 класс.

Песня о весне

Под солнцем весенним
Звенели ручьи.
Под птичьей трели
Цветы расцвели.

Деревья оделись
В зеленый наряд.
На ветках
Пернатые гости галдят

Заморские страны
Забыли они.
Наполнились песнями
Ночи и дни.

Наташа НАРЫШКИНА

205 гимназия 3 класс.

Сердце

Сердце ночью спит во мне.
Сердце ночью снится мне.
Сердце красное и прекрасное.
Сердце с завитушками,
Ножками и ушками.
Сердце с бороною,
С умной головою.
Сердце все на свете знает.
И во мне оно играет.

Катя НИГАЙ

205 гимназия 3 класс.

Про кота

Однажды кот пошел гулять.
И стал на улице мечтать.
И перешел на красный свет.
А тут ГАИ ему: «Привет!»

– Но, что случилось, сэр, скажите!
И ради Бога не томите!
– Ты перешел на красный свет!
Скажи-ка сколько тебе лет?
– Мой уважаемый ГАИ,
Мне года два, а может три.
И что такое светофор,
Не представляю до сих пор.

– Тогда тебе пора домой!
И чтоб из дома ни ногой!

И, хочешь, верь, хочешь, не верь,
Но кот теперь домашний зверь.

Саша СПИРИДОНОВА

205 гимназия 3 класс.

Наш класс

У нас в классе все дети превратились в животных.
Первая колонка в собачек, вторая в кошек, а третья
в мышек. Какой-то кошмар!
Вот суматоха! Собаки гоняются за кошками!
Кошки за мышками! А мышки прячутся от кошек
под парты. И всем ставят двойки по поведению.
В том числе и мне. За то, что я об этом пишу на уроках.

Даша ТКАЧУК

205 гимназия 2 класс.

Луна

Луна – кораблик в небе,
А звезды – маячки.
Они ей освещают
Дорогу в темноте.

Саша УЗЮМОВА

205 гимназия 2 класс.

Что нам надо

Чтобы весело нам жить,
Надо хорошо дружить.
Чтобы хорошо дружить,
Надо всех уметь любить.
Чтобы всех уметь любить,
Надо утром просыпаться
И водою обливаться,
Одеваться, улыбаться,
Добрый и веселым быть.

Миша ФЕДОРОВ

205 гимназия 2 класс.

Мотоцикл

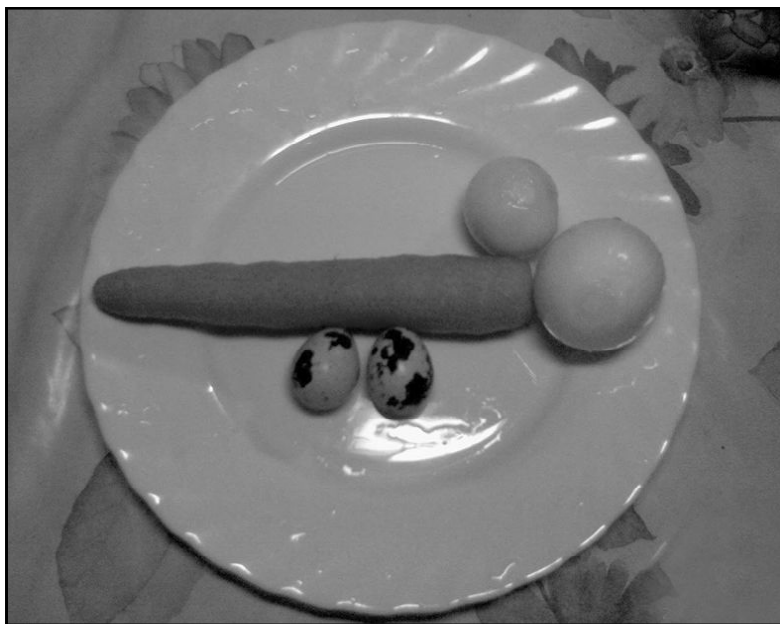
На мотоцикле можно кататься.
Можно пугаться,
Можно смеяться,
Можно гоняться,
Можно взрываться,
Можно чудом в живых остаться.

Саша ЧЕТВЕРТУХИН

школа № 305 4 класс.

Если хочешь

Если хочешь рано встать –
Надо раньше лечь в кровать.
Если хочешь сильным стать –
Надо тело укреплять.
Если хочешь лучше жить –
Надо каждою минутой
Очень, очень дорожить.

Работа Марины Антоновой

Лекции по социальной антропологии

Работа Марии Парфёновой

Алексей КОРОЛЕВ

«Нежная Сафо, святая Сафо!»
(Алкей)

Ты мне так сказала при нашей встрече:
– Я за то люблю тебя, друг мой юный,
Что во мне ты вовсе не ищешь страсти
Гнусной Пандемос.

Проклят будь богами, коварный демос!
Ненависть к Питтаку всех нас связала,
Эвпатридов духа, клятвой священной,
Как ты, о Псапфа!

Тяжко мне скрываться в зеленых чашах,
Всюду за Алкеем убийцы рыщут,
Даже в праздник прячусь за ширмой в стое,
Лишь созерцаю.

О позволь мне, друг, любоваться тайно
Красотой твоей среди других наставниц.
Темнокожа ты, словно дочь Кефея,
О каллипига!

«Быстролетна юность, – ты так их учишь, –
Сам жестокий Хронос сомнет мгновенно
И цветы кудрей, и персей цветущих
Нежные розы».

Так среди цветенья лесбосских лилий
Ты добру и правде их наставляешь.
Именем твоим воссияет Лесбос
Нежною страстью.

Лада КОРОЛЕВА

Гроза

Сперва – железом об железо,
И рвущихся материй треск.
На половинки небо режет
По темной туче яркий блеск.
Листочки яблонь бьют тревогу,
И вот... исклевана дорога –
Дождь вдруг заговорил взахлеб.
Все будет терпеливо слушать
Его земля и лишь вздохнет,
Кивнув ему в ответ послушно.

Дрозды застигнуты дождем
В облитых жемчугом кустах.
Клюют иргу, купаясь в нем,
И мокнет щебет на устах.
Набег на сад им не оставить.
Кустарник вздыблен мокрой стаей,
И сам он будто крыльев взмах,
Стреноженный грозой до срока,
Взметнувшись серебром впотьмах
Внутри внезапного потока.

Окно и стены – не преграда
Дрожанью вертикальных струн.
В свечении их – сквозная радость,
А дробь тугих и быстрых струй,
Стаканя в стекла, дразнит ухо.
Хоть на полу и будет сухо –
К нам на ходулях входит дождь,
Как гость, которого не ждали,
Неся с собою капель гроздь,
Как ягоды из дальней дали.

Жан МОРЕАС

(1856-1910)

Перевод Александра Королева

Суний, Суний родной, край земли величавый
Под лазурью небес.
Здесь души колыбель и сознания, и славы,
И могила их здесь!

И когда, молодой, я прекрасной порою
Край родной покидал,
Образ твой поразил мое сердце стрелой
Навсегда, навсегда.

Ах! Как сердце щемит! Пусть хранит мое зреньё
Непрестанно во мне
Искалеченный храм и его повторенье
В набежавшей волне.

О свет, небосвод голубой наводнивший,
Заливов вдали ослепительный блеск
И дым неподвижный над ветхою крышей,
И ряд кипарисов на фоне небес,

Оливы Кифийсосу, от дуновенья
Ветров дух Софокла в листе говорит;
Развалины храма, средь всех оскорблений
Их мрамор хранит свет грядущей зари;

Имитос, Парнон, гордо ваши вершины
Отбросили тень на полуденный склон;
Деревья и горы, луга и руины,
Увидел однажды и в вас я влюблен.

Максим ШВЕЦ

Облачко розовое
купается в синем небе,
как милая девушка –
в синем озере,
совсем без одежды,
распутав кустом
краснокарие волосы,
мягко и нежно
плывёт,
и расступаются ласково волны.
Девушка – окунь
окунается в прозрачное молоко,
отдалённо напоминающее воду,
смеётся, тихонько ойкает,
и плывёт легко и свободно.
Обнажённые груди
с затвердевшими от воды сосками,
красными, словно плавники причудливые,
озёрную озорную гладь рассекают.
Девушка плывет мелодично
и медлительно,
её обвивают шаловливые струйки воды,
а в янтарных глазах –
невинность и восхитительность...
Девушка – облачко
превращается в загорелую цзяожэнь⁵.

⁵ русалка

Песок, как ветвь, и платье, как песок,
шуршит и льётся, падает волнисто.
Уходит время, быстрое, как сон,
сквозь лёгкие тропические листья.

Плывёт, бежит, летит, и не догнать
ни пешему, ни конному, ни мысли.
Стрела сверкает впереди коня
сквозь узкие тропические листья.

Песок спадает тонкий, словно свет;
спугнёшь дыханьем, взглядом потревожишь.
И платье, опускаясь, словно ветвь,
лучам прозрачным открывает кожу.

Ручьём сбегает, лентой мельтеша,
клубится пылью, встряхиваясь, морщась,
к коленям, к бёдрам, струйками дождя,
лучам прозрачным открывая кожу.

Работа Валерии Смирновой

Филлал ЛУТО ЛЭТИ в Де-Кастри

Работа Ксении Погорельской

На берегу Татарского пролива «за белой оградой» сопка спряталась бухта Де-Кастри и одноименное селение. Бухту эту открыли, изучили и нанесли на карту в июне 1787 года французские мореплаватели экспедиции Ла-Перуза. С тех пор на картах появилось название Де-Кастри – в честь морского министра Франции эпохи Людовика XVI. С XIX-го до середины XX-го века в Де-Кастри стоял российский военный гарнизон. В этом краю отбыл некогда ссылку Иван Ювачёв, отец поэта Даниила Хармса. Сейчас в Де-Кастри многое меняется в связи со строительством нефтеналивного терминала, которое ведет компания Еххон, что далеко не в лучшую сторону влияет на уникальную природу края. Но живут в Де-Кастри люди с «искрой Божьей» в душе. Их стихи собрала и опубликовала малым тиражом жительница тех мест Лидия Сергеевна Титова, учительница музыки, краевед, защитница природы, деятельный организатор музея местной истории.

Валерия Шадрова

Г. ГОРЬЕВА

Осень в Де-Кастри

Разбрелись по сопкам облака,
Улеглись на хмурые вершины,
В заревах уснувшая река
Выгнула свою литую спину.
Прошумел неторопливо ветер.
В колыбель таёжных великанов,
Выпри тихо шепчут: «Вечер...вечер...»
Море укрывается туманом.
Одинокая берёзка на утёсе
Пролетевшей стае лебедей
Кланяется в пояс, словно просит:
«Возвращайтесь, лебеди, скорей!»

Ю. КУНИЦЫНА

Письмо Де-Кастри

Посёлок мой, Де-Кастри дорогой!
Пишу тебе. Я знаю, ты услышишь!
И в дождь, и в снег, и в слякоть, и в мороз, —
Я знаю, ты всегда живёшь и дышишь!
Посёлок мой, угасли огоньки,
Но в сердце ты моём всегда сияешь.
Посёлок мой, Де-Кастри дорогой!
Пишу тебе. И ты об этом знаешь!

В. СУКАЧЁВ

Двое

На пороге тепла и холода
Повстречались случайно они,
И летели осенним золотом
Убелённые инеем дни.
Каждый вздох был особо отмечен,
И запомнился каждый взгляд.
На пороге разлуки и встречи
Затаились, умолкли, стоят...

И. ХОХЛУШИНА

Война, война, опять война!
И друга моего призвали.
Чечня, Чечня, опять Чечня!
Вот и его туда забрали.
Рыдала мать, рыдал отец,
Девчонка слёзы утирала.
Ждала, надеялась, ждала,
Но похоронка им пришла!
Гроб цинковый везут домой
Вернулся всё-таки, родной...

Г. ЩЕРБАКОВА

Что такое Россия?

Что такое Россия?
Всё, что любо до слёз.
Это – ливни косые,
Это – россыпи рос.
Соловьиные трели,
Запах трав на заре.
Ледоходы в апреле
И мороз в январе.

Что такое Россия?
Это ленты дорог.
Над рекой сине – синей
Милый сердцу порог.
Деревеньки, погосты.
Шёпот ив над рекой,
Что зовут меня в гости
В свой простор и покой.
Что такое Россия?
Это марши и туш.
Это – бодрость и сила
Человеческих душ.
Как рассветы красивы
На родной стороне,
А в разлуке с Россией
Мы тоскуем вдвойне.

Четвёртый день в посёлке непогода,
Как будто ветер встал не с той ноги.
И так у нас в любое время года.
Но мы привыкли. Жители тайги...

Снега. Снега. Ни кустика, ни тропки.
Гудит по бездорожью вездеход.
Седой мглой укутанные сопки...
В Де-Кастри непогода круглый год.

Дожди, туманы, изморось и слякоть.
Но край таёжный любим всей душой.
И нам ли с вами горевать да плакать?
Нам круглый год в Де-Кастри хорошо!

Методичка по иностранному языку

Работа Ксении Казаковой

Переводы Александра КОРОЛЁВА

Морис МЕТЕРЛИНК

(1862–1949)

Листва души

Моей печали чистый свод
Прозрачней синего кристалла,
Нежнее боль былая стала
И понемногу боль замрет:

Произрастает символ странный,
Кувшинка тусклая страстей,
Истома пальмовых ветвей,
Прохлада мхов, изгиб лианы.

И только лилия одна,
Бледна, нежна непостижимо,
В своем стремлении незримом
Листвой своей обрамлена,

Свет бледный, в воздухе разлитый,
Как от луны кругом падет,
И понемногу в небосвод
Восходит таинством молитвы.

Стюарт МЕРРИЛЛЬ

(1863–1915)

Ноктюрн

Смятения пожар в пруду зажжен луной,
Как зеркало былой, не проходящей славы.
Все замерло вокруг. Лишь соловей ночной
Мелодию свою выводит величаво.

Не задрожат ветра таинственно в ветвях.
Умолкнут под луной все голоса ночные:
Но среди больших деревьев, на траурных листьях
Оставят поцелуй светила голубые.

Душа вещей заснет на берегу пруда,
В смертельные она во сне впадает грезы.
Едва заметна дрожь деревьев и тогда
Свершает тайно лес свои метаморфозы.

Окутает туман грань каждого листа.
Расшита гладь пруда торжественно цветами
И, падая с небес, ночной росы кристалл
Кувшинок лепестки украсит жемчугами.

Не различим в ночи ни голос, ни полет,
Но гул издалека доносится внезапно:
Там по камням струит ручей потоки вод
И эхом шум его умножен многократно.

Эфраим МИКАЭЛЬ **(1866—1890)**

Сиянья

В тот праздничный вечер спокойный
Внизу, где темнеет Париж,
Виднеется шпиль колокольни,
Изгибы чернеющих крыш.

Сгущается мгла, на соборе
Последние гаснут кресты.
Когда — то, мечтая над морем,
Я даль созерцал с высоты.

Париж спит в сиянии лунном,
Лишь отблески где-то видны
И в ночь уходящие шхуны
свои зажигают огни.

Колышутся зыбкие тени,
Объята душа тишиной,
И ряд неизбывных видений
Опять предстаёт предо мной.

Всё тонет в глубоком тумане.
Корабль на дрожащей волне
Мечтательный взгляд мой обманет
Сияньем неверных огней.

Жан ЛОРРЕН **(1855–1906)**

Зимний сад

О жизнь моя, в ней голубиный
Полет кружил, как снегопад.
Теперь на кладбище старинном
Расселись совы вдоль оград.

На кипарисах за оградой
Среди вечерней темноты
Оплачут, ставшие утратой,
Мои вчерашние мечты.

Их крики горестные эти
Оплачут ранний мой уход,
Мои мечты подхватит ветер
И вдаль несёт, и вдаль несёт.

Останки их падут на травы
Среди желтеющих аллей,
Печаль восходит величаво
С пустынных, сумрачных полей.

Закат окрасится багряно,
Наперекор шальным ветрам.
Старик весь в черном постоянно
Сюда бредёт по вечерам.

Он, флейту набожно целуя,
Играет трепетно и вот
Вдруг раздаётся аллилуйя,
Затем стремительный гавот.

А на стене у старой рощи
Под этот простенький мотив
Сова перо своё топорщит,
Глаза кровавые смежив.

От желтизны закатной ярче
Вечерний кажется наряд,
Старик играет, флейта плачет
И совы траурные спят.

Старик танцует и фиалки
Растут у старца под ногой,
Шумят деревья в старом парке
Сильней от музыки его.

Старик тот – молодость былая,
Любовь моих прошедших дней,
Меня как прежде ждёт, играя
На флейте ласковой своей.

Жан МОРЕАС **(1856-1910)**

Вернется осень и сухие листья
Покроют пруд. От мельницы теперь
Одни руины. Ветер устремится
Сквозь пустотой зияющую дверь.

Хочу прийти туда без сожаленья,
Где лишь стена, увитая плющом,
Глядеться в пруд, в котором отраженье
Мое исчезнет с солнечным лучом.

О облака, не знаете вы сами,
Куда над полем мчитесь день-деньской.
Вы грезитесь мне часто парусами
В лазури над безбрежностью морской.

В мгновение все может измениться, —
Грозою будут небеса дышать...
За вами вслед куда-то устремится
Такая непонятная душа.

Шарль ВАН ЛЕРБЕРГ
(1861–1907)

В лесу спящей красавицы

Немного счастья и тепла,
Немного солнечного света,
Венок из лилий вокруг чела,
Как мимолетно было это.

Истома смертная нежна,
Когда шумят листва и реки,
Но не умрет, заснет она,
Едва смежив устало веки.

Она заснула в глубине
Души моей и опочили
В недвижной этой тишине
Бутоны роз и нежных лилий.

Дрожат муаровые волны
В дремотной, сумрачной ночи,
Волны глубокой отблеск черный,
Луны прозрачные лучи.

Из вод глубоких под луною
Восходят бледные цветы,
Они томятся над волною
В сиянье странной красоты.

Хранит их тайное рожденье
Беды предчувствие, они
На глади, в лунном отраженьи
Колышут белые огни.

Казалось, в этот час туманный,
Из жизни дальней, неземной,
Незримый кто-то, бледный, странный
Следил внимательно за мной.

Поль ВАЛЕРИ **(1871–1945)**

Шаги

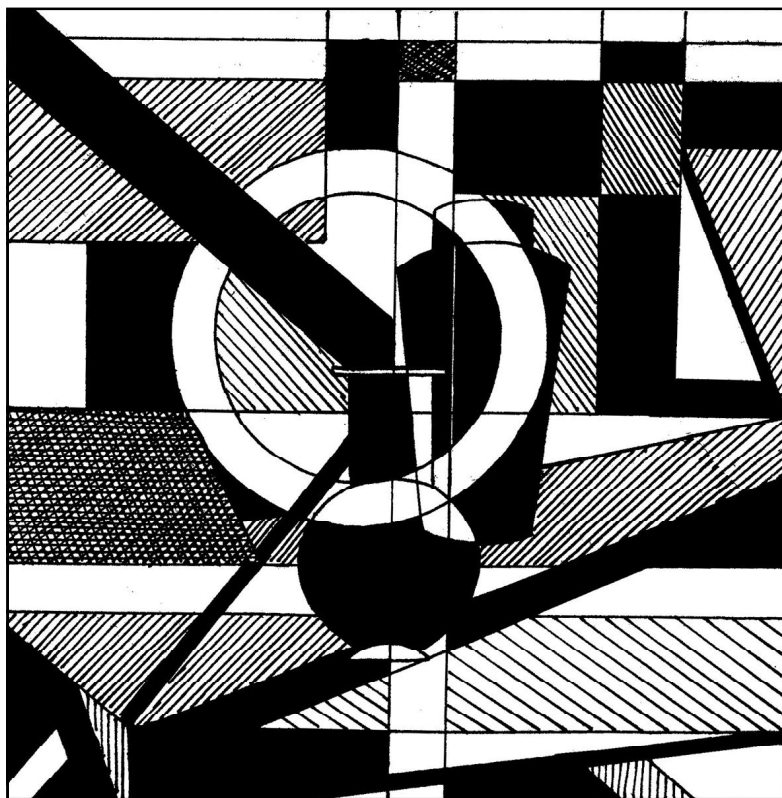
Твои шаги, вы тишиною,
Моим молчаньем рождены,
Ко мне бессонницей ночью
В полночный час устремлены.

Божествен лик ее и светел,
Шагов мелодия нежна!
Господь!.. милей всего на свете
С ногами босыми она!

Губами влажными однажды
К губам приблизиться спешит,
Насытить поцелуя жажду
Моей тоскующей души.

Не торопись вослед желанью,
Грань бытия незрима так,
Ведь сердце бьется в ожиданье,
Твоим шагам стучится в такт.

Факультатив по культурологии

Работа Валерии Смирновой

Мы хотим заключить третий выпуск альманаха кратким изложением факультативного курса о поэзии Серебряного века, который планируется в пятом модуле (май-июнь) в ГУ-ВШЭ. Мы широко используем, как и подобает в лекционном курсе, большие фрагменты из произведений классиков и современных филологов и философов, цитируя или пересказывая их точку зрения и лишь изредка позволяя себе высказывать и свое некомпетентное мнение. При этом мы нисколько не скрывали своего преклонения перед русским символизмом и русским акмеизмом, которые считаем наиболее зрелым (на сегодня) выражением романтической школы. Что же касается нагнетаемого в советском литературоведении противопоставления символизма и акмеизма, то нам оно противно. Мы считаем, что противоречия между двумя направлениями не острее, чем между течениями внутри самого символизма. Недаром творчество самых великих наших акмеистов – А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама – исследователи относили не только к акмеизму, но и к символизму. Кроме того, символизм – не только литературное явление, но прежде всего движение мысли. Акмеизм для нас – это не только «простой» и «вещный» стиль «преодолевших символизм», но и «темный» и «книжный», как назвал М. Л. Гаспаров, стиль поздней А. А. Ахматовой, чья последняя теософская поэма, согласно В. М. Жирмунскому, – есть «исполнение мечты символистов».

Занятие №1. ВВЕДЕНИЕ. О ЛИТЕРАТУРНЫХ СТИЛЯХ

Как пишет Ефим Курганов¹, все существующие истории литературы строятся по условным схемам. В основе любой такой схемы лежит марксова модель общественно-экономических формаций, последовательно сменяющих друг друга. Эта модель «представляет собой переработку той идеи Гегеля, что в ходе своего развертывания Дух проходит ряд стадий, каждая из которых есть именно ступень его самореализации. Маркс применил подход Гегеля ко всей сфере социально-политической истории, что привело к тотальной схематизации,

а заодно и искажению реального исторического процесса. Гегель, полученный из вторых рук, Гегель, преобразованный Марксом, поставленный им с ног на голову, Гегель, из сферы чистой идеи опущенный на землю и приспособленный к социально-политической истории, был механически введен в историю литературы, как ее обязательный фундамент. Маркса теперь нещадно ругают или хотя бы игнорируют (в России, во всяком случае), но с апробированным им методом фазового построения истории, методом сведения всей истории человечества к нескольким супергигантским блокам на деле расстаться не могут. Как только эти пути будут разорваны окончательно, в области филологии настанет пора для научного поиска».

«Чем же все-таки так плох принцип стадийного построения истории литературы?», – спрашивает Курганов, и сам же отвечает: «Да, прежде всего нереалистичностью своей. Этот принцип ведь игнорирует довольно частую на самом деле ситуацию, когда различные стадии перепутываются, совмещаются, вклиниваются друг в друга. Стадийный принцип предполагает некое однолинейное и необратимое развитие, а это есть чистейшая фантазия. Сколько раз происходило и происходит движение в сторону и движение назад.

Но есть, конечно, и стадии изначально выдуманные, например, реализм. Всякое художественное произведение реалистично в той мере, в какой отражает реальность мира автора, и одновременно оно условно. Так что тексты, относимые к любой из стадий, реалистичны и в то же время нереалистичны, хотя, конечно, в разной степени. Особой же реалистической стадии литературного развития не было и нет. Вообще назвать писателя реалистом – значит, унифицировать его, обезличить и забыть о самой природе художественного творчества²».

Неизменно борясь за свободу искусства, А.А.Фет писал: «Художественные истины имеют весьма мало – чтобы не сказать, не имеют ничего – общего с другими истинами³».

«Если бы желающие во что бы то ни стало осудить нас как поэта сказали, что наши стихотворения гроша не стоят, потому что в них одна неправда, ибо мы не способны ни взлететь раке-

той на воздух, ни уносить кого-либо на ковре-самолете и т.д., то против такой истины мы не нашли бы ни малейшего возражения, но привели бы в свое оправдание нечто совершенно другое. Для передачи своих мыслей разум человеческий довольствуется разговорною и быстрою речью, причем всякое пение является уже излишним украшением, овладевающим под конец делом взаимного общения до того, что, упраздняя первобытный центр тяжести, состоявший в передаче мысли, создает новый центр для передачи чувств. Эта волшебная, но настоящая замена одного другим происходит непрестанно в жизни не только человека, но даже певчих птиц... Реальность песни заключается не в истине высказываемых мыслей, а в истине выражаемого чувства. Если песня бьет по сердечной струне слушателя, то она истинна и права. В противном случае она ненужная парадная форма будничной мысли⁴».

Современники отмечали любовь Фета к резким и парадоксальным выражениям, которыми «постоянно блестел его разговор⁵», и которыми он реагировал «на вечные обвинения его поэзии на всем протяжении ее развития в непонятности, неопределенности, запутанности, отрывочности, причудливости, бессвязности, бессмысленности⁶». «Красота сама по себе до того лучезарна и привлекательна, что ни в какой святости не нуждается», наставляет Фет своего августейшего ученика – замечательного русского поэта вел. кн. К. К. Романова⁷. Фет понимал, что истина, добро и красота – понятия неразделимые – чтобы не сказать – тождественные. Недаром, он, кажется, первым из русских поэтов, и вообще среди поэтов, называет свою Музу «доброй» и обращается к ней с такими словами:

Дай руку, сядь, зажги свой факел вдохновенный.
Пой, Добрая, в тиши признаю голос твой
И стану трепетный, коленопреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волнение,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновение
И вечно девственным речам твоим внимать.

(А. А. Фет. Музе)

Критерии добра и зла необходимы в жизни, но чужды искусству:

Пари всезрящий и всеильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет.

(А. А. Фет. Добро и зло)

Добро и нравственность должны быть не в уме, а в сердце. Провозглашенные две тысячи лет назад в Нагорной проповеди, абсолютные нравственные начала прочно вошли в сознание людей, но до сердец, как было завещано, доходят медленно и трудно. Тот, кто этого не понял, кто воспринимает Нагорную проповедь как творение человека, обычно отрицает объективность социального прогресса, говоря примерно следующее: «Все самое высокое уже сказано две тысячи лет назад и с тех пор ничего нового и лучшего не было да и не будет, следовательно, социальный прогресс, т. е. развитие человечности в человеке, отсутствует». При этом упускается главное. Было сказано, но отнюдь не человеком, человек же принял сказанное главным образом разумом, но не сердцем. А до сердца человека высказанные две тысячи лет назад истины доходят мучительно тяжело, но и здесь прогресс, достигнутый за две тысячи лет просто ошеломляет колоссальностью пройденного пути. Помочь пройти этот путь от ума до сердца могут не рассуждения о добре и зле, а лишь эмоциональное воздействие искусства:

Пленительные сны лелея наяву
Своей божественною властью,
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.

(А. А. Фет. Муза)

П. И. Чайковский в письме к К. Р. 26 августа 1888 г. дал такой отзыв о Фете: «Считаю его поэтом безусловно гениальным, хотя есть в этой гениальности какая-то неполнота, неравновесие, причиняющее то странное явление, что Фет писал иногда совершенно слабые, непостижимо плохие вещи... и рядом с ними такие пьесы, от которых волосы дыбом становятся. Фет есть явление совершенно исключительное; нет никакой возможности сравнивать его с другими первоклассными или иностранными поэтами.... Скорее можно сказать, что Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена, но никогда Пушкина, Гете или Байрона, или Мюссе. Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворения вроде «Уноси мое сердце в звенящую даль...» есть бессмыслица. Для человека ограниченного и в особенности немзыкального, пожалуй, это и бессмыслица, — но ведь недаром же Фет, несмотря на свою несомненную для меня гениальность, вовсе не популярен»⁸. К. Р. процитировал этот отзыв в письме к Фету. В ответном письме к К. Р. Фет пишет о Чайковском: «Он как бы подсмотрел художественное направление, по которому меня постоянно тянуло и про которое покойный Тургенев говаривал, что ждет от меня стихотворения, в котором окончательный куплет надо будет передавать безмолвным шевелением губ. Чайковский тысячу раз прав, так как меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих»⁹.

«На самом деле, – считает крупнейший фетовед второй половины XX-го века Б. Я. Бухштаб¹⁰, – выйти «из области слов» никакой поэт не может, и в лучших стихах Фета «звук» обогащает, а не ослабляет смысл». Категоричность и прямота отдельных утверждений Б. Я. Бухштаба о Фете иногда поражает не меньше, чем утонченность и глубокая, недоступная многим, психологическая правда других его высказываний о Фете. «Никакой поэт не может!» Откуда ему это известно? Слушая стихи Фета, человек с удивлением замечает то, что обычно бывает при исполнении музыкальных произведений. Стихи написаны об одном, а их звучание вызывает совсем другие картины, о которых в стихах ничего не говорится. Однако четверостишие Фета:

«Поделись живыми снами
Говори душе моей:
Что не выразишь словами,
Звуком на душу навей».

Б. Я. Бухштаб всегда приводил в статьях о Фете вместе с многочисленными другими свидетельствами того факта, что через все творчество Фета красной нитью проходит тема бедности слова, постоянные попытки выразить то, что нельзя выразить словами, а можно лишь навеять на душу читателя. Б. Я. Бухштаб также предостерегал от вульгарной трактовки высказываний Фета о звуке и смысле его стихов, из которых как будто можно сделать аляповатый вывод, что Фет в искусстве будто бы ценит художественную форму выше содержания. Для опровержения такого взгляда Б. Я. Бухштаб¹¹ ссылается на первый и наиболее развернутый поэтический трактат Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева». В данном трактате Фет писал: «Художественность формы – прямое следствие полноты содержания. Самый вылощенный стих, выливающийся под пером стихотворца – не поэта, даже в отношении внешности не выдерживает и отдаленного сравнения с самым, на первый взгляд, неуклюжим стихом истинного поэта¹²». И далее в том же

трактате: «...Говоря о поэтической зоркости, даже забываю, что существует перо. Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане». «Поэт – тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи другой не увидит¹³».

Е. Курганов продолжает¹⁴: «Реализм – чистейшая фикция. Особенно это хорошо видно на примере Пушкина и вот почему. То, что, например, принято называть реализмом Пушкина, есть на самом деле классицизм, но только преобразованный за счет включения в него элементов романтического мироощущения, классицизм, но только освобожденный от жесткой жанровой иерархичности.

Реализм Пушкину был приписан впоследствии, когда покойник ничего уже не мог возразить, и теперь все настолько свыклись с тем, что Пушкин – реалист, что какой-либо иной подход стал представляться просто невозможным. И даже смелые попытки преодоления насквозь искусственной схемы, как правило, заканчиваются возвращением к ней. Так, например, Л. Я. Гинзбург в статье «Пушкин и проблема реализма»¹⁵ заострила внимание на классицистической основе поэтики Пушкина и на той классицистической закваске, которую получил он как личность. Однако и Л. Я. Гинзбург не решилась оставить инерционный путь: просто теперь к традиционной схеме добавилось еще одно звено – Пушкин перешел не прямо от романтизма к реализму, а от классицизма к романтизму и уж потом к реализму.

Мало того, что Пушкин не был реалистом: чутко реагируя на определяющее для классицизма требование правдоподобия, он создал необыкновенно динамичную и гибкую систему, добившись внутри ее уникальной свободы внутренних переходов, которые в классицизме были невозможны. Снять иерархизм внутренних перегородок помог романтизм. Но, строго говоря, Пушкин не был и чистым романтиком, ведь в его поэтике романтические тенденции неизменно возникали на явно классицистической основе. Но особенно опасно даже не это забвение классицистической основы у Пушкина, а самая схема, когда что-то хорошее (романтизм, превосходящий односто-

ронный и рационалистический классицизм) заменяется еще лучшим (реализмом). Эта эффектная Гегелева-Марксова модель движения от хорошего к лучшему, от низших форм к высшим абсолютно не исторична. Концепция эта ведь касается не только Пушкина, но всей русской литературы, ибо Пушкин давно уже признан создателем реалистического метода.

Если Тынянов в «Архаистах и новаторах» игнорировал концепцию перехода Пушкина от романтизма к реализму, убедительно показывая, что можно вполне обходиться и без нее, действуя так, как будто этой концепции не было вовсе, то Роман Якобсон в заметке «Пушкин в свете реализма» декларировал, что у Пушкина не происходило такого перехода, ибо он никогда не был реалистом: «Считается, что Пушкин – родоначальник современного реализма, и догма реализма сегодняшнего едва ли приложима к Пушкину. Ведь не учитывается то обстоятельство, что Пушкин упорно отрекался от реализма¹⁶».

Точно так же, как и реализм, фиктивен модернизм, выдвигаемый как основная альтернатива реализму. Модернизма как особой стадии литературного развития нет. А уж новомодные концепции постмодернизма в целом представляют собой рабское копирование схемы «критический реализм – социалистический реализм», которая в свою очередь возникла из Марксова представления о двуступенчатом построении последней общественной формации (коммунистической), делящейся на социалистический и собственно коммунистический этапы. Собственно, если в советском литературоведении постулировалось представление о романтизме как о подножии, а о реализме как о вершине (при этом социалистический реализм выступал как самый пик, как самая крайняя точка вершины), то теперь ретивые теоретики показывают реализм как подножие, а вершиной оказывается модернизм, пиком которого оказывается постмодернизм.

Иначе говоря, постмодернизм выступает как аналог социалистического реализма. Это означает, что теория постмодернизма, складывающаяся на наших глазах, по методологии

своей имеет самое прямое отношение к марксистскому литературоведению, с той лишь разницей, что теперь реалистическая фаза из хорошей и даже завершающей переведена в рабочую и подготавливающую, а модернизм из плохой фазы переведен в хорошую и даже вершинную, посажен на царское место – король умер, да здравствует король. Впрочем, реализм не умер: его просто нет, как и не было; как и модернизма нет и не было как особой стадии литературного развития. В царстве теней продолжается упорная игра в жизнь.

Если отбросить традиционные, но фиктивные стадии (вроде реализма и модернизма), то можно сказать, что литературный процесс всегда представляет собой (различие только в пропорциях, интенсивности и темпах) переплетение классической, романтической и барочной стадий¹⁷». Курганов приводит по этому поводу четверостишие В. С. Высоцкого:

Ученые, конечно, не наврали,
Но ведь страна искусств – страна чудес:
Развитие там идет не по спирали,
А вкривь и вкось, вразрез – наперерез.

Далее Е. Курганов приводит большую выдержку из статьи О. Э. Мандельштама «О природе слова»¹⁸. Мы однако приведем большую часть статьи О. Мандельштама¹⁹.

«Наука, построенная на принципе связи, а не причинности, избавляет нас от дурной бесконечности эволюционной теории, не говоря уж о ее вульгарном прихвостне – теории прогресса. Движение бесконечной цепи явлений без начала и конца есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи, усыпляющая научную мысль легким и доступным эволюционизмом, дающим, правда, видимость научного обобщения, но ценою отказа от всякого синтеза и внутреннего строя.

Для литературы эволюционная теория особенно опасна, а теория прогресса прямо-таки убийственна. Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюцио-

низма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя, а вовсе не о том, как выполнить свое жизненное дело, или же что все они участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит.

Теория прогресса в литературе – самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества. Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей. Никого «лучше», никакого прогресса в литературе быть не может хотя бы потому, что нет никакой литературной машины и нет старта куда нужно скорее других доскакать.

Даже к манере и форме отдельных писателей неприменима эта бессмысленная теория улучшения, – здесь каждое приобретение также сопровождается утратой и потерей. Где у Толстого, усвоившего в «Анне Карениной» психологическую мощь и конструктивность флюберовского романа, звериное чутье и физиологическая интуиция «Войны и мира»? Где у автора «Войны и мира» прозрачность формы, «кларизм» «Детства и отрочества»? Автор «Бориса Годунова», если бы и хотел, не мог повторить лицейских стихов, совершенно так же, как теперь никто не напишет державинской оды. А кому что больше нравится – дело другое. Подобно тому, как существуют две геометрии – Эвклида и Лобачевского, возможны две истории литературы, написанные в двух ключах: одна, говорящая только о приобретениях, другая – только об утратах, и обе будут говорить об одном и том же.

Возвращаясь к вопросу о том, едина ли русская литература, и если да, то каков принцип ее непрерывности, мы с самого начала отбрасываем теорию улучшения; будем говорить только о внутренней связи явлений и прежде всего попробуем отыскать критерий возможного единства, стержень, позволяющий развернуть во времени разнообразные и разбросанные явления литературы. Таким критерием единства литературы данного народа, единства условного, может быть признан только язык народа, ибо все остальные признаки сами условны, преходящи и производны.

Когда прозвучала живая и образная речь «Слова о полку Игореве», насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, – началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература «Слова о полку Игореве».

Русский язык – язык эллинистический. По целому ряду исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и недолго загащиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью.

В русской поэзии чаще, чем в какой-либо другой, повторяется тема старого сомнения в способности слова к выражению чувств:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?

Так язык предохраняет себя от бесцеремонных покушений... Скорость развития языка несоизмерима с развитием самой жизни. Всякая попытка механически приспособить язык к потребностям жизни заранее обречена на неудачу. Это насильственное, механическое приспособление, недоверие к языку, который одновременно и скороход, и черепаха.

Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие. Между тем представители московской метафорической школы, именовавшие себя имажинистами, выбивавшиеся из сил, чтобы приспособить язык к современности, остались далеко позади языка, и их судьба быть выметенными, как бумажный сор²⁰ ».

В заключение приведем наиболее известное высказывание В. Э. Мейерхольда, произнесенное им с трибуны партийного съезда и, как известно, стоившее ему жизни: «Так называемый социалистический реализм не имеет ничего общего с искусством».

Занятие №2. О ДУХОВНОЙ АТМОСФЕРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. СИНТЕЗ

Незадолго до смерти в 1988 г. великий русский философ, свидетель и участник, а точнее, последний титан Русского Духовного Ренессанса А. Ф. Лосев сказал: «Я тоже за социализм, да, да, только не за этот грубый социализм, вытекающий из ничтожных, материалистических концепций, а за настоящий». Тогда же он рассказывал о сборнике «Вехи», названном В. Ульяновым «Энциклопедией либерального ренегатства», и о печальной участи его авторов. На наш взгляд, именно этот великий философ, богослов, филолог, музыковед и поэт, едва ли не самый глубокий платоник всех времен и народов, про которого С. Л. Франк писал, что «со времени «Феноменологии духа» Гегеля почти не появлялось трудов с такой глубокой диалектикой, как «Философия имени» Лосева»²¹, сохранил и донес незапятнанным до наших дней знамя Русского Духовного Ренессанса, называемого в просторечии «Серебряным веком» (при таком названии – «Серебряный век», – правда, основное явление эпохи грубо сужается до только одного и, к тому же, самого поверхностного и поэтому самого заметного для обывателя проявления – в области литературы). «Пророческая глубина «Вех» не нашла сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий. Вскоре и название книги, эксплуатированное другою группою авторов («Смена вех») узко политических интересов и невысокого уровня, стало смешиваться, тускнеть и вовсе исчезать из памяти новых русских образованных поколений, тем более – сама книга из казенных советских библиотек. Но и за 60 лет не померкли ее свидетельства: «Вехи» и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего. И только то радует, что через 60 лет кажется утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать»²².

Что же такое Русский Ренессанс? И что такое Ренессанс вообще?

Общепринятое понимание слова «Ренессанс» – это прежде всего возрождение на новом витке самореализации абсолютно-го начала бытия, или, если угодно, исторического развития общества, идей платонизма и христианской религии, этой вечной питательной почвы любой культуры. В этом значении употребляется обычно термин «Ренессанс», о каком бы Возрождении ни шла речь. В таком же смысле понимали «Русский духовный ренессанс» В. С. Соловьев, авторы сборников «Проблемы идеализма», «Вехи», писатели круга «Новый путь» и т. д. Термины «русский культурный ренессанс» и «русский духовный ренессанс» широко употребляли Н. А. Бердяев и другие великие мыслители, последователи В. Соловьева. Кроме того, «Русский ренессанс» многие поэты 1900 – 1910-х годов видели также в возвращении на новом этапе развития к классическим, пушкинским традициям; другие полагали использовать неисчерпаемый ресурс греко-римской античности, как И. Анненский или Вяч. Иванов; третьи настаивали на обращении к корням национального языка, к его «природному», допетровскому строю, или «ладу», как А. Ремизов²³.

Рассматриваемая эпоха (конец XIX – начало XX вв.) характеризовалась резкой поляризацией в духовной сфере. «С одной стороны, в эти предреволюционные годы произошел характерный взрыв атеистических умонастроений, и активно пропагандировалась (в основном в марксистской литературе) материалистическая картина мироздания. С другой стороны, это годы взлета разнообразных религиозных исканий. В основном это теософия, антропософия, гностицизм, толстовство и т. п. формы «богоискательства», еретические с точки зрения православно-христианской церкви.

Святой Иоанн Кронштадтский с его общими исповеданиями, страстной проповеднической деятельностью, провидческими предсказаниями и чудесными исцелениями – явление серебряного века»²⁴. В его некрологе современник писал: «Отец Иоанн Кронштадтский был на грани двух

столетий, XIX и XX, самым популярным человеком в России. Его от России не отделят и с ним народная память не расстанется»²⁵. По словам В. В. Розанова, «Иоанну Кронштадтскому дарована была высшая сила христианина – дар помогающей, исцеляющей молитвы, тот дар, о котором глухие легенды дошли до нас из далекого прошлого христианства и кого Россия конца XIX века была очевидцем-свидетелем. Без сомнения, в непродолжительном времени будут собраны все факты этого чудного дара; но мы... можем сказать, ... что этих фактов было слишком много и что они вполне достоверны»²⁶. Иоанн Кронштадтский (1829—1906) был почти ровесником другого прославленного деятеля культуры этого времени – Льва Толстого (1828—1910). И как он предавал анафеме за еретизм собственных непрощенных «последователей» – «иоаннитов», так обличал он «толстовцев» и самого Толстого. Духовное противостояние двух великих старцев – это тоже явление серебряного века.

«Это время, когда еще работает Менделеев и уже работает Эйнштейн, время К. Юнга и К. Э. Циолковского. Это время, когда, подобно пушкинской эпохе, рождается много «синкретических» дарований – творческих личностей, сочетающих в себе поэта и прозаика, писателя и ученого, поэта и живописца и т.д. (А. Белый, Вяч. Иванов, М. Волошин и др.). Примером может послужить и К. Жаков – профессиональный философ, математик и писатель, создавший немало художественных произведений «синтетического» облика (различные варианты скрещивания стиха и прозы).

Мистические искания вообще чрезвычайно пестры в серебряный век. Антропософия (в особенности русские последователи Р. Штейнера, среди них – А. Белый), также тесно сближавшиеся с антропософами теософы, гностицизм (несмотря на свою древность в это время переживавший своего рода ренессанс) – все это увлекало многих людей искусства, для которых профессионально характерна тяга к эффектным, многообещающим, дающим простор личной фантазии идеям и теориям»²⁷.

Основы религиозно-философского Ренессанса, которым отмечен «Серебряный век» русской культуры, были заложены В. С. Соловьевым – создателем одной из самых гуманистических философских систем в истории человечества. Его система – опыт синтеза религии, философии и науки, «причем не христианская доктрина обогащается у него за счет философии, а наоборот, в философию он вносит христианские идеи и ими обогащает и оплодотворяет философскую мысль» (В. В. Зеньковский). Будучи великим писателем и поэтом, он сделал философские проблемы доступными широким кругам русского общества, более того, он вывел русскую мысль на общечеловеческие просторы.

Этот период, отмеченный целым созвездием блестящих мыслителей – Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Д. С. Мережковский, Вяч. И. Иванов, Г. П. Федотов, П. А. Флоренский и другие – во многом определил направление развития культуры, философии, этики не только России, но и на Западе.

«В начале XX в. в русской философской и общественно-политической мысли господствовали два главных направления: первое было связано с позитивизмом и материализмом; второе, окрепшее за два последних десятилетия XIX в., было представлено академической философией идеалистического направления (в основном кантианского типа). На этом фоне в самые первые годы нового столетия ярко выступило третье направление, которое подхватило и развило традицию, заданную Достоевским и Соловьевым и не нашедшую себе достойного места в двух отмеченных направлениях.

Как особое идейное течение это направление оформилось в 1901 г., когда в Санкт-Петербурге стали проводиться религиозно-философские собрания, инициатором которых выступили Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов и В. Розанов. Собрания из-за их громадной популярности в Петербургском обществе были запрещены обер-прокурором Победоносцевым в 1903 г., но в 1907 г. были возобновлены, уже в качестве заседаний новообразованного Религиозно-философского общества, в котором принимали активное участие многие известнейшие

деятели русской культуры. В своей деятельности участники собраний вдохновлялись идеей «нового религиозного сознания», формирование которого в обществе позволило бы, с одной стороны, преодолеть имевшие место, по мнению организаторов общества, недостатки традиционного церковного православия и, с другой – противостоять материализму и атеизму, возродить подлинное значение религии и религиозного чувства в культуре. В движении к «новому религиозному сознанию» ясно проявилась тенденция, которая всегда присутствовала в русской философии, но редко выступала в столь откровенной форме, – тенденция к возрождению истинного смысла христианства. Безусловным лидером этого движения был Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941)²⁸».

А. В. Мень в ст. «К проблематике «осевого времени»» писал: «Творчество Вл. Соловьева вдохновило целую плеяду выдающихся русских мыслителей XX века. Всем им в той или иной мере была дорога мысль о призвании русской культуры как способной соединить разобщенные начала Востока и Запада (мысль, неоднократно выраженная Соловьевым и его предшественником П. Я. Чаадаевым). Поэтому проблема духовного наследия прошлого и его связи с современностью имела для С. Булгакова и П. Флоренского, С. Франка и Е. Трубецкого, Д. Мережковского и Вяч. Иванова исключительно важное значение. Но самое большое место эта историко-философская тема занимает в миросозерцании Николая Бердяева (1874–1948)».

На страницах «Весов» и «Золотого руна» неизменно упоминались имена наиболее почитаемых символистами философов прошлого, с одной стороны, И. Канта, с другой – А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. При этом следует отметить, что из Шопенгауэра символизм принимает главным образом его эстетические воззрения. Еще А. А. Фет, крестником которого по части поэзии объявлял себя почти каждый поэт-символист, писал, что с Шопенгауэром его роднит в основном презрение к интеллектуальной черни. Вместе с тем, «Метафизику любви» Шопенгауэра, убедительно разгромленную и осмеянную В. С. Соловье-

вым в его «Смысле любви», символисты – последовательные платоники – конечно же, всегда отвергали и отвергают. А. Белый писал: «...Мы – символисты – считаем себя через Шопенгауэра и Ницше законными детьми великого Кенигсбергского философа». О самом Канте он тут же говорит: «12 февр. 1804 года умер Кант. Он подвел философию к тому рубежу, за которым начинается ее быстрое и плодотворное перерождение. Если в настоящую минуту возможно говорить об освобождении духа от вековых кошмаров, то, конечно, этим мы обязаны Канту. Установлен рубеж между бесконечными проявлениями догматизма и истинным мистицизмом. Открыта дорога к золотому горизонту счастья... Критицизм – рубеж между догматизмом и символизмом, этим внешним выражением всякого серьезного мистицизма... Кант – создал философский критицизм... Вот почему только после «Критики чистого разума» возможна речь о ступенях сознания, рисующих целую шкалу в нашей душе»²⁹. Столь же восторженного отношения справедливо удостоивается Кант и со стороны другого крыла символизма: «Если после трудов Кенигсбергского философа мы оставили надежду на познание трансцендентного путем интеллектуального усилия, то с этого же времени мы обратились к иному источнику познания, находящемуся вне нашего интеллекта. Кант раз навсегда поставил крест над старой метафизикой или, вернее, указал ей надлежащее место. Зато тот же Кант доказал нам феноменальность вещного мира и пробудил в нас (сам того не желая и не подозревая) жажду нуменов»³⁰.

Событием колоссальной важности был выход в 1909 году на русском языке «Критики чистого разума» в высокопрофессиональном переводе Н. Лосского, в результате чего идеи немецкого философа еще более плотно соприкоснулись с культурой серебряного века.

Удивительно современно звучит сделанное И. Брызгаловым в 1903 г. наблюдение: «Многие никогда не рискнули бы взять на себя смелость сделать заявление, которым поражает выдающийся из современных астрономов, художников и математиков – Фламарийон. Последний заявляет, что «удовлетворя-

ются материалистическими теориями одни рабские умы, заспанные и ленивые; люди же разумные не должны допускать, что вне человечества нет мудрости в мире»³¹. Именно серебряный век, в лице П. Н. Сакулина, заново открыл для нашей культуры мыслителя-философа, знатока алхимических и астрологических текстов В. Ф. Одоевского в монографии «Из истории русского идеализма»³².

Художественный синтез принадлежит к числу общих, универсальных тенденций конца XIX – начала XX вв.

«Имеется множество наблюдений над произведениями символистов, воплотившими в себе бесспорный контакт литературного начала с музыкальным (работы Д. Е. Максимова, З. Г. Минц и др. о творчестве А. Блока, работы А. В. Лаврова, Л. К. Долгополова и др. о творчестве А. Белого). Внимание специалистов из области теории жанра привлекали «симфонии» А. Белого как литературные произведения, которым автор придал традиционно музыкальное жанровое обозначение.

Художественный синтез был не частной чертой, а одной из немногих основных «опор» в поэтике символистов (а через их посредство и вообще серебряного века)»³³. «Синтеза возжаждали мы прежде всего», – писал Вяч. Иванов³⁴. Е. Б. Мурина обращает внимание на опыты синтеза искусств в творчестве Р. Вагнера, на его теоретические работы по проблемам синтеза³⁵.

«Под синтезом в самом общем смысле, – пишет И. Г. Минералова, – понимается соединение разнохарактерных сторон и элементов в качественно новое единое целое. Но для деятелей серебряного века важна была гегелевская вариация этого осмысления, когда синтез является членом известной триады (тезис – антитезис – синтез), высшим и объединяющим в себе другие два члена, слитые в новое качество». «Верхарн создал новые «роды» и «виды» в поэзии. Никто до него не подозревал, что роман можно сжать до лирического стихотворения»³⁶. В других случаях внимание русских художников, обратившихся к творческому синтезу, привлекал опыт западноевропейского искусства»³⁷. «Рихард Штраус дал начало музыкальному роману, музыкальной прозе»³⁸.

«Когда на Западе живопись импрессионистов, а также импрессионистская музыка стали оказывать влияние на словесно-художественное творчество, на поэзию, это тоже было живым примером творческого синтеза для русских культурных деятелей серебряного века.

Художники-символисты проявляли тенденции к синтезу с экспериментальной настойчивостью и поистине «лабораторной» интенсивностью. Так, именно в рамках символизма была высказана идея «нового синтеза», синтеза на религиозно-мистической основе»³⁹.

Сами «соловьевцы» пробовали «делиться» на два течения – «мистического» и «реалистического» символизма. А. Белый так характеризует это различие: «Жизненное кружево, сотканное из отдельных мгновений, исчезает, когда мы найдем выход к тому, что прежде сквозило за жизнью... Таков мистический символизм, обратный реалистическому символизму, передающему потустороннее в терминах окружающей всех действительности»⁴⁰ (такой «реалистический» символизм А. Белый начинает с... А.П. Чехова, а его представителем в современности считает самого себя, в частности). «В своих эстетических исследованиях о символе, мифе, хоровой драме В. Иванов везде проводит идею реалистического символизма, «реалиоризма»⁴¹. Такой символизм не «созерцательный», а «деятельный»: «В нем обнаруживается новая красота, несхожая с красотой созерцания, красота творчества, преображения жизни...»⁴².

«Итак, в поэтике символизма помимо такого широко известного компонента, как художественный символ (давшего название всему литературному направлению), обнаруживается другой компонент, причем сопоставимый с ним по важности, – художественный синтез»⁴³. Вяч. Иванов написал в статье «Мысли о символизме» следующие известные слова:

«Еще недавно за символизм принимали многие прием поэтической изобразительности, родственный импрессионизму, формально же могущий быть занесенным в раздел стилистики о тропях и фигурах...

Далеко ушли мы и от символизма поэтических ребусов, того литературного приема (опять-таки лишь приема!), что состоял в искусстве вызвать ряд представлений, способных возбудить ассоциации, совокупность которых заставляет угадать и с особенною силою воспринять предмет или переживание, преднамеренно умолченные, не выраженные прямым обозначением, но долженствующие быть отгаданными».

Подчеркивая, таким образом, что само по себе употребление символов еще не есть символизм, Иванов также говорит в той же работе:

«Итак, я не символист, если не бужу неуловимым намеком или влиянием в сердце слушателя ощущений непередаваемых, похожих порой на изначальные воспоминания... порой на далекое смутное предчувствие...

Я не символист, если мои слова не вызывают в слушателе чувства связи вещей, эмпирически разделенных, если мои слова не убеждают его непосредственно в существовании скрытой жизни там, где разум его не подозревал жизни... <...>

Я не символист, если слова мои равны себе, если они – не эхо иных звуков...». Немного ранее Иванов говорит еще загадочнее:

«Символизм кажется воспоминанием поэзии о ее первоначальных, исконных задачах и средствах»⁴⁴. Иными словами, до-символистская поэзия – поэзия, не располагавшая некими средствами вследствие их утраты, «забывшая» некие «первоначальные» свои, «исконные» задачи.

Таким образом, символы для символиста вовсе не специфический излюбленный прием техники и стиля, а нечто совсем иное. А. Белый говорит о том же более категорично:

«Символизм в искусстве не касается техники письма. И потому-то борьба художественных школ вовсе не касается проблем символизма», – добавляя, что «выводы символизма предопределяют единственно верный путь искусству и религии»⁴⁵. «Впрочем, и эта неожиданность – внешняя, тем более что слова Белого частично пересекаются с мыслями Иванова о «существовании скрытой жизни» (обычный для эпохи серебряного

века эвфемизм, подразумевающий жизнь запредельную, потустороннюю)»⁴⁶. «В символах, обставших дух «как лес», была найдена вселенская правда. Они раскрылись, как забытый язык утраченного богослужения. Символ ожил и заговорил о неличных, об изначальных тайнах»⁴⁷. «Современный абстрактный индивидуализм превратил символ из живой силы, из фокуса наших психических энергий, в мертвую мумию, иератический знак, тяготеющий над жизнью. И лишь тогда, когда символу будет возвращено его прежнее жизненное значение, когда он из трансцендентного понятия делается жизненной силой, тогда настанут великие откровения»⁴⁸.

А. Ф. Лосев подчеркивал, что «символисты конца XIX – начала XX века отличались от художественного реализма не употреблением символов (эти символы не меньше употребляются и во всяком реализме), но чисто идеологическими особенностями»⁴⁹. «И если идеология символизма усматривала в символе нечто особенное, новое, то и «новый синтез», провозглашенный именно символистами, органически входил в систему этой упоминаемой А. Ф. Лосевым уникальной символистской идеологии.

В журналах, альманахах и книгах теоретиков символизма слово «синтез» (применительно к художественному творчеству) встречается регулярно. Художественный синтез в серебряном веке рассматривался (в особенности у символистов) не просто как плодотворный технический и стилистический прием художественного творчества. В теоретической программе символизма 1900-х годов ему было придано уникальное значение средства для разрешения масштабных религиозно-мистических, выходящих за рамки художественного творчества, задач.

...деятели серебряного века в синтезе видели один из важнейших путей постижения и разрешения вселенских, «надмирных», мистических и эсхатологических вопросов»⁵⁰.

Одним из первых о синтезе как насущной глобальной задаче наступающей культурной эпохи заговорил В. С. Соловьев. На целые годы опережая творческую практику серебряного века,

он пишет, что «тот великий синтез, к которому идет человечество, – осуществление положительного всеединства в жизни, знании и творчестве – совершится, конечно, не в области философских теорий и не усилиями отдельных умов человеческих, но сознан в своей истине этот синтез должен быть, разумеется, отдельными умами, сознание же наше имеет и способность и обязанность не только следовать за фактами, но и предвирать их»⁵¹. В синтез, таким образом, по Соловьеву, должны вовлекаться не только сфера творчества, но и вообще явления жизни, а также философское и научное их познание. Философии, – указывает Соловьев, – следует «стремиться к внутреннему соединению» с «теологией и положительной наукой», поскольку целью синтеза является «осуществление полной, цельной истины», а «осуществление такого синтеза и есть высшая умственная задача наступающей эпохи»⁵². Вл. Соловьевым этот синтез определяется как «тройственный акт» веры, воображения и творчества:

«Этот великий синтез не есть чья-нибудь субъективная личная потребность: недостаточность эмпирической науки и бесплодность отвлеченной философии с одной стороны, а с другой стороны невозможность возвратиться к теологической системе в ее прежней исключительности, необходимость развить и восполнить мистическое начало элементами рациональными и природными – реализовать его как всеединое, – все это сознано умом человечества как результат его отрицательного развития»⁵³.

Вяч. Иванов в 1905 году говорит о своих единомышленниках:

«Среди искателей нового и именно религиозного синтеза всех явлений жизни, из этих синтетиков – особенное внимание привлекает Д. С. Мережковский». «Это – пророк, восхотевший священствовать... Вначале его искания формулировались в проблеме синтеза двух противоположных полюсов европейской культуры: христианского и языческого. Но, ярко развив антитезу, он отчаялся в возможности этого синтеза. Вопрос переместился для него в иную плоскость. И он решительно склонился

в пользу одностороннего христианства...»⁵⁴. «Для Иванова оба компонента, оба условия синтеза (универсальная всеохватность в сочетании с религиозностью) обязательны, и его позиция сохраняется на протяжении всего серебряного века»⁵⁵. Так, уже на исходе данного культурного периода Иванов повторит, например, что истинное эстетическое наслаждение, катарсис, возможен «лишь на почве религиозного синтеза трагических противоречий жизни»⁵⁶.

На религиозную основу желаемого и подготавливаемого художественно-творческого синтеза указывают и другие авторы:

«И еще теснее делаются узы, соединяющие религиозное сознание с художественным. Образ некоторой Единой Сущности, синтезирующей первооснову искусства с Первопричиной Религии, — начинает духовно создаваться и сознаваться»⁵⁷. «Все более увлекаясь дерзновенной красотой своей идеи, в символистских кругах начинают понимать художественное слово как инструмент магического воздействия на физический мир. Слово-символ — могучее средство преображения человека и преобразования всего сущего. Такое слово, кроме того, — средство общения с потусторонним миром и получения из него энергий для воздействия в желаемом направлении на «этот» несовершенный мир. Синтез необходим, чтобы символ достиг такой фантастической силы — оба феномена в сознании символистов жестко взаимосвязаны»⁵⁸.

«Формы искусства наподобие видов животного царства, развиваясь, могут переходить друг в друга»; «Некоторые формы искусства явно переходные (драма, барельеф); «Поэзия — форма переходная между временной формой (музыкой) и пространственными»⁵⁹. Однако «формы искусства» могут продолжить свое взаимное сближение и давать слияние более тесное, чем в этих естественных «переходных» формах:

«Разнообразные формы искусства сливаются друг с другом, но стремление к синтезу выражается отнюдь не в уничтожении граней, разъединяющих две смежные формы искусства; стремление к синтезу выражается в попытках расположить эти формы вокруг одной из форм, принятой за центр. Так возникает преобладание музыки над другими искусствами»⁶⁰.

Однако представления на этот счет все же не были едиными, так, А. В. Амброс пальму первенства отдавал поэзии, как и К. Жаков: «Ведь главное содержание искусства есть внутренний мир человека в его движении к лучшему, будущему... причем пластические искусства изображают движение его чувств, страстей и инстинктов в связи с изменениями его тела, а тонические (музыка) передают нам язык души без телесной оболочки. Поэзия же захватывает все виды искусства, она – синтез форм творчества»⁶¹. При этом Жаков указывал на то, что поэзия по природе своей уже содержит в себе тот «синтез форм творчества», о котором другие авторы серебряного века говорят лишь как о предполагаемой возможности.

«Мир исполнен соучастия. Природа – нерасторжимое всеединство. Звездные дороги Вселенной слагают одну поэму, жизнь есть многосложное слитное видение»; «Огонь есть свечение и Огонь есть звучание»; «Эльф среди людей, Скрябин обладал цветным слухом...»; «Сочетание света именно с музыкой Скрябина неизбежно, ибо вся его музыка световая»; «Дух, вещество, душа и мысль суть один нераздельный светозвук»; «Воля правит Вселенной. Мир есть музыка»⁶².

«Главнейшею же заслугою декадентства, как искусства интимного, в пределах поэзии было то, что новейшие поэты разлучили поэзию с «литературой» (памятуя Верлэново: «*de la musique avant toute la chose*») и приобщили ее снова, как равноправного члена и сестру, к хороводу искусств: музыки, живописи, скульптуры, пляски... Поэзия вернула, как свое древнее состояние, значительную часть владений, отнятых у нее письменностью»⁶³.

«...Лучшее свое Человек отдает своему Богу... В богослужении вдохновенно и дружно сплелись Музы в согласный хор, и с незапамятных времен того «синкретического действа», в котором Александр Веселовский усматривал колыбель искусств, впоследствии разделившихся: драмы, лирики, эпоса, оркестрики и музыки, – естественно и вольно осуществляется искомый нами с такою рационалистическою надуманностью синтез.

Что этот синтез может быть только литургическим, понимали и творец действия о Парсифале и Скрябин. Бросим взгляд и на отправляемое поныне богослужение. Все искусства представлены в нем...»⁶⁴.

У Амброса говорится: «Общее произведение искусства, в котором, как в стройном аккорде, каждое искусство составляет отдельный звук и которое Вагнер называет «произведение будущего» (*das Kunstwerk der Zukunft*), окажется уже давно существующим, если только мы будем искать его не в театре, а в церкви. В своем торжественно-священном великолепии церковной службы католическая церковь уже много столетий владеет подобным общим произведением искусства».

«Вот три двери в иконостас – три двери трагической сцены эллинов. Вот солея – проскенион, и архиерейское место – фимела оркестры. А вокруг строятся два полухория древнего хора, и антифонно звучат строфа и антистрофа, и оркестрически движутся в драгоценных столах священнослужители, и звучит в речитативах и пении все гимническое великолепие эллинской поэзии; и фрески мерцают сквозь эфирную ткань голубого фимиама... А зодчество – в чем, как не в создании домов Божиих расцветало прекраснейшим своим цветом зодчество? В богослужении, и только в богослужении находят системы искусств свою естественную ось, причем каждое вращается на своей естественной оси и описывает свою естественную орбиту.

Но наше время – время сдвига всех осей; оттого зашаталось в нем и каждое отдельное искусство. Поэтому ближайшая задача художника вправить каждое в сферу его закономерного вращения вокруг неподвижной оси. Проблема же синтеза искусств, творчески отвечающая внутренне обновленному соборному сознанию, есть задача далекая и преследующая единственную, но высочайшую для художества цель, имя которой – Мистерия»⁶⁵.

Занятие №3. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. СИМВОЛИЗМ

«Серебряный век, или Русский Ренессанс, – феномен, далеко выходящий за пределы собственно поэтической культуры⁶⁶». По мнению многих исследователей, это была «самая серьезная попытка России приобщиться к европейской цивилизации, увы, пресеченная большевистским путчем 1917 года»⁶⁷. Бурю и натиск» символизма, – писал О. Мандельштам, – следует рассматривать как явление бурного и пламенного приобщения русской литературы к поэзии европейской и мировой. <...> Ранний русский символизм был сильнейшим сквозняком с Запада».

Культура серебряного века опиралась на историко-философскую и эстетическую концепции символизма и акмеизма – двух крупнейших литературных течений русского модернизма.

«Символизм – первое течение модернизма, возникшее на русской почве. Поэтика русского символизма была явлением, во многом пионерским в рамках общеевропейского литературного и, шире, культурного процесса. Им ставились уникальные задачи теургического воздействия средствами искусства на предметный мир с целью его пересоздания.

Символизм (от греч. *symbolon* – символ) – литературно-художественное направление в европейском искусстве конца XIX – начала XX в., проникнутое мистицизмом, таинственностью, стремлением постичь новые высшие ценности с помощью символов, иносказаний, обобщений, особой ассоциативности. Стремление к поиску чистой красоты и чистого эстетизма сделало символизм продолжением линии романтизма и «искусства для искусства» (т.е. «парнасцев»).

Теоретические корни символизма восходят к философии А. Шопенгауэра с его представлением о мире как «эстетическом феномене» («Мир как воля и представление») и Э. Гартмана («Философия подсознательного»), к творчеству Р. Вагнера с его синтезом искусств, Вагнер говорит о необходимости слияния (т.е. синтеза) музыки, поэтического слова и элементов сценического действия, т.е. о создании музыкальной драмы («Опера и драма»).

Русские символисты в своем понимании личности и философском осмыслении мира опирались на философию В. С. Соловьева («Смысл любви», «Оправдание добра», «Три разговора» и т. д.) а также труды русских экзистенциалистов, таких как П. Бердяев, Л. Шестов и др.

Эстетика символизма сложилась в творчестве французских поэтов Поля Верлена, Артюра Рембо, Стефана Малларме и Шарля Бодлера, сборник которого «Цветы Зла» (1857) был первым художественным произведением нового стиля⁶⁸.

Именно французский символизм, ставший, по словам Н. Гумилева, родоначальником «всего символизма как школы»⁶⁹, имел наибольшую значимость в развитии русского символизма (особенно в 1890-е годы, в период становления).

«Питательной средой для французского символизма послужил философский и эстетический идеализм: прерафаэлиты, английские и немецкие романтики – Кольридж, Карлейль, Новалис и т. д. Николай Гумилев считал французский символизм плодом германского духа – символической слиянности всех образов и вещей, изменчивости их облика, германской философичности, чуждой вульгарности натурализма. Именно Ницше символизм обязан переоценкой и иерархией ценностей, причастностью к мировому ритму и неконформистской смелостью. Своим острием французский символизм был направлен против философского позитивизма и эстетики натурализма и реализма. Вещь, причинность, закон отодвигались на второй план «ценностью», «идеалом», «душой», «бесконечностью», «множественностью», «невыразимостью», т. е. всем тем, чем жил немецкий романтизм, духовно-эстетическое родство с которым обнаружил русский символизм в своем зрелом эстетическом выражении, в 1900-е годы⁷⁰».

«Для французского символизма, в отличие от несколько позднее сформировавшихся немецкого и русского, были важны в первую очередь не философские, а чисто художественные принципы. Унаследовав от романтического искусства представление об индивидуалистическом бунтарстве художественной личности, символисты перевели это бунтарство в чисто эстетичес-

кую сферу: если романтик противопоставлял себя всему миру, то символист ограничивался тем, что противопоставлял свой внутренний мир и свои художественные вкусы вкусам и художественным представлениям обывателей. Основным недостатком предшествовавшего им искусства XIX в. (как романтического, так и реалистического) французские символисты считали неспособность подняться над чувственными восприятиями; они называли это искусство обывательским и буржуазным. Индивидуальный внутренний мир художника не может получить адекватного отражения при помощи традиционных рационалистических художественных средств (образов, метафор, сравнений и т. п.). Для этого нужны новые средства, и в качестве такового был предложен символ. Символисты исходили из того, что в художественном произведении все значимо, все символично: символичны цвета картины, символичны звуки музыки и звучание стиха и т. п. Создать такие символы и постичь их значение можно лишь интуитивно, рациональные методы здесь бессильны. В основе символического искусства лежит представление о том, что весь мир пронизывает система соответствий. Так, в известном сонете Артюра Рембо «Гласные» описывается система соответствий между гласными звуками и цветами.

Перевод, приписываемый матери А. А. Блока, А. А. Кублицкой-Пиоттук.

А — черный; белый — Е; И — красный; У — зеленый.

О — синий; тайну их скажу я в свой черед.

А — бархатный корсет на теле насекомых,

Которые жужжат над смрадом нечистот.

Е — белизна холстов, палаток и тумана,

Блеск горных ледников и хрупких опав.

И — пурпурная кровь, сочащаяся рана

Иль алые уста средь гнева и похвал.

У — трепетная рябь зеленых вод широких,

Спокойные луга, покой морщин глубоких

На трудовом челе алхимиков седых.

О — звонкий рев трубы, пронзительный и странный,
Полеты ангелов в тиши небес пространной,
О — дивных глаз ее лиловые лучи.
(Оригинал опубликован в 1883 г.; перевод — в 1894 г.)

Французские символисты уделяли особое внимание мелодичности, музыкальности стиха. Музыка была для них самым важным из искусств. «Музыка – прежде всего», – призывал Поль Верлен. Символисты видели музыкальность стиха в плавности ритма, звуковых повторах, напевной интонации. Они разработали много новых форм организации стихотворного текста. Так, они ввели в европейскую поэзию свободный стих (*vers libre*), ритм которого определяется не каким-то заранее известным стихотворным размером, а как бы сам «вырастает» из живого движения текста, не связанный никакими внешними условиями и ограничениями.

Обилие символов, индивидуальных ассоциаций, сложных смысловых и звуковых связей делает поэзию символистов значительно более трудной для восприятия, чем творчество поэтов предшествующих направлений. Символистская поэзия требовала от читателей большей напряженности мысли и чувства, более активного и творческого взаимодействия с текстом. Читатель становится как бы соавтором, а восприятие стихотворения – творческим процессом. Писатель, в свою очередь, вовсе и не стремится облегчить читателю путь к постижению своего произведения, более того, он как бы оберегает его сокровенный (скрытый, тайный) смысл от «непосвященных», профанов, «зашифровывает» его. Текст превращается в своего рода загадку. Такой загадочный, зашифрованный текст стали называть герметичным.

Символизм, зародившийся во Франции, начал быстро распространяться по другим европейским странам. Символистские группировки появились в Англии, в Скандинавских странах, в Германии и т. д., вплоть до Грузии, где в 1910-х гг. возникло символистское литературное объединение «Голубые роги». В ряде стран символистская эстетика соединя-

лась с идеями национального возрождения; таковы, например, были литературные группировки «Молодая Польша», «Молодая Финляндия» и «Молодая Эстония»⁷¹».

«Те же «соответствия» чувств, звуков и цветов, что и у А.Рембо, находим и у русских символистов – А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта. В стихотворении «Ларец» К. Бальмонта:

Сквозь черную сетку стволов и ветвей,
И редкое кружево веток зеленых,
Я вижу, как серый поет соловей,
И вижу я песню в чуть зримых уклонах.

<...>

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вместе с Л во влюбленье,
Сливались <... >

По мнению символистов, «темная земная душа человека ... истончается и восходит по нескончаемой лестнице (лестнице Иакова)»⁷² совершенств в обители, навеки недостижимые и вовеки вожаденные⁷³»:

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
(Федор Сологуб)

«Лестница – древнейший символ связи между верхом и низом, между небом и землей, олицетворение постепенного подъема вверх. По лестнице Иакова поднимались и опускались ангелы⁷⁴. Некоторые Отцы Церкви видели в ней божественное провидение, осуществляющееся на земле через службу ангелов. Согласно другим, она как бы предваряет принятие словом человеческого образа в качестве моста между небом и землей.

Понятия «декаденство» и «символизм» можно считать синонимичными, а само декаденство, вслед за Ф. Сологубом, можно рассматривать как первую фазу символизма.

Можно сказать, что декаданс – это особый тип сознания, определенная форма умонастроения. Это неприятие окружающего мира, подчеркнутый индивидуализм, рафинированная утонченность, осознание себя носителем высокой, но вырождающейся и гибнущей культуры. Декаданс – не литературное направление и не категория стиля, это определенный взгляд на мир и на человека.

Для декадентов (как и для символистов) характерно экзистенциальное чувство «заброшенности» – одиночества, опустошенности и безнадежности, абсурда человеческого существования, тоски по духовным ценностям. Отсюда столь частая в декадентских по настроению произведениях эстетизация угасания и гибели⁷⁵».

«Любование процессом умирания жизни порождает болезненные и хрупкие образы, чаще всего – образы цветов, – пишет Н. Г. Чекалина, и приводит отрывок:

Полувядавших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет»

из З.Н. Гиппиус и разбор одного из лучших ее стихотворений – «Цветы ночи» (1894):

«О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

<...>

И я жду от цветов измены, –
Ненавидят цветы меня.

<...>

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листы...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые, цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер ...

<...>

Шелестят, шевелится, дышат,
Как враги, за много следят.
Все, что думаю, – знают, слышат
И меня отравить хотят.

Словесные образы цветов в приведенных отрывках представлены лексемами лилии, цветы, а также метафорами и эпитетами, характеризующими лексемы семантического поля «цветы» (аромат, туманит, злые цветы, ядовитый арум). Это цветы, измены («я жду от цветов измены»), цветы ненависти («ненавидят цветы меня»), ассоциирующиеся с кровавым шелком, врагами, которые «следят» и «отравить хотят».

Цветы – воплощение всего самого прекрасного на земле, сама Красота. Поэтому вполне правомерно трактовать название «Цветы Зла» как «Красота Зла», т.е. Зло тоже может быть прекрасно. Но название «Цветы Зла» («Les Fleurs du Mal») таит и другой, более точный и более тонкий смысл. Mal в переводе с французского – не только зло, но и боль, страдание. (Иное дело, что боль – тоже зло!) Вспомним, кроме того, как он формулировал посвящение: «чародею французской словесности», т.е. Теофилю Готье, посвящаются эти болезненные цветы (ces fleurs malades). Таким образом, лейтмотивом бодлеровской книги становится не злое, а болевое начало, которое, в свою очередь, является и лейтмотивом большинства произведений самых разных поэтов серебряного века, независимо от их принадлежности к какому бы то ни было литературному направлению»⁷⁶.

Осмысливая эволюцию и роль декадентства в России, Д. С. Мережковский писал: «Декадентство в России имело значение едва ли не большее, чем где-либо в Западной Европе». Там оно было, явлением по преимуществу эстетическим, а у нас – глубоко жизненным. Поэты-декаденты были «первые европейцы», свободные от «рабства» западников и славянофилов. Новые поэты, уйдя «из общественности», погрузились в «подполье» последнего одиночества. Пережив это испытание, они обрели «самозародившееся чувство мистики», а затем от «бессознательной мистики» обратились к поискам «нового религиозного сознания»⁷⁷.

«Иными словами, декаденты исходили из убеждения в возможности и необходимости творчески действенной реализации, воплощения высших, небесных начал на земле через искусство, что стало одним из краеугольных камней поэтики русского символизма.

Символизм быстро стал общеевропейским направлением в искусстве, но именно в России он обрел глубокий философский смысл. Школа «новых поэтов» возникла во многом благодаря вышедшему в 1892 г. сборнику стихов Д. Мережковского под определяющим названием «Символы».

Толчком к теоретическому самоопределению новых течений стала лекция, прочитанная Д. Мережковским в 1892 г. и переработанная в книгу, выпущенную вскоре под названием «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». В качестве программы радикального обновления отечественной словесности выдвигались три эстетических требования:

расширение художественной впечатлительности,
утверждение символов как доминанты поэтической выразительности в искусстве и

обращение к мистическому содержанию – скрытому духу русской литературы, представленному ее великими образцами в прошлом и требующему продолжения в будущем.

Другими словами, это была программа поэзии «трансцендентальной», проникающей за видимую оболочку вещей к их сокровенной и вечной сущности⁷⁸». Немецкий романтик Новалис так определял мистическое и его близость к поэтическому искусству:

«Чувство поэзии имеет много общего с чувством мистического. Это чувство особенного, личностного, неизведанного, сокровенного, должного раскрыться, необходимо-случайного. Оно представляет непредставимое, зрит незримое, чувствует неосязаемое и т.д.». Новалис утверждал, что поэт «постигает природу лучше, нежели разум ученого⁷⁹». «Для В. Брюсова искусство есть «постижение мира иными, не рассудочными путями». Познать, рационально осмыслить можно лишь явления, подчиненные закону причинности. Но причинности подчинены лишь низшие формы жизни, эмпирическая реальность, быт – в конечном счете, мир видимостей, фантомов. Высшие же сферы жизни – область абсолютных идей в терминах Платона, или область «мировой души», по В. С. Соловьеву, – не подвластны рациональному познанию. Именно словесное искусство способно запечатлеть моменты вдохновенных прозрений, уловить импульсы высшей реальности. Поэтому творчество в понимании символистов – подсознательно-интуитивное созерцание тайных смыслов, доступных лишь художнику-творцу: как известно, кроме зафиксированных словарями значений, слова могут нести имплицитные смыслы, которые обнаруживаются только в поэтическом контексте. В этом плане показательным стихотворением Ф. Сологуба «Я люблю всегда далекое ...» (1895):

Я люблю всегда далекое,
Мне желанно невозможное,
Призываю я жестокое,
Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,
Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно
Взоры молний, потухающих ...
Мне желанно, что невиданно, –
Не хочу я расцветающих.

Это стихотворение характерно образным строем, в котором фигурирует почти весь набор символистских лексем и образов: видения, мгновения, туманные, непостоянные, мотив далекого, желанно невозможного и невиданного как символов иной реальности, «тайны».

Рационально передать созерцаемые «тайны» не возможно; по словам Вяч.Иванова, поэзия есть «тайнопись неизреченного». Ценность стихотворной речи – в «недосказанности», «утаенности смысла». Главное средство передать созерцаемые тайные смыслы – символ. Символ и становится одной из центральных эстетических категорий нового течения⁸⁰ ».

Символ (от греч. Symbolon – условный знак) – предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления с определенной точки зрения, которая и определяет самый характер, качество символа – революционного, реакционного, религиозного и др⁸¹ .

Символ – одно из основополагающих понятий различных областей знания (эстетики, философии, филологии, мифопоэтики и т. д.) – требует не столько «кропотливого исследования», как считал А. Ф. Лосев, сколько непрерывного наращивания содержания, плюрализации смыслов. В трактате «Эмблематика смысла» (1909) А. Белый перечислил 23 понимания термина «символ», далеко не исчерпывающих «словарь» одного термина.

Согласно теоретическим воззрениям символистов, прежде всего, А. Белого и Вяч. Иванова, символ – это образ знаковой природы, условный в основе, в котором видимое, конкретное, событийное выступают лишь неким иероглифом, иероглифом лежащей за ним тайны, знаком «иного». Важнейшим творческим смыслом символа, целью создания художественного символического образа должны были стать «уловление связей, соотношение этого и иного миров, в конечном итоге их единство и целостность как воплощение целостности мироздания»⁸² .

Помимо знаковости, в гуманитарной традиции акцентируются такие свойства символа, как образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания и равноправие значений

в нем, имманентная многозначность и расплывчатость границ значений, архетипичность, универсальность в отдельно взятой культуре и перекрест в культурах разных времен и народов, встроенность в структуру мифологии, литературы, искусства⁸³.

Имманентная многозначность символа означает наличие у него «смысловой перспективы, цепочек значения, все более абстрактных по мере удаления от исходного значения, а также невозможность постичь его последний, главный смысл». Эта идея берет начало в идеалистической религиозной традиции с ее «трансцендентальностью религиозного символа»⁸⁴. И. Кант, Ф. В. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, И. В. Гете высказывались о символе как способе познания истинного, божественного смысла. У теоретиков символизма имманентная многозначность воплотилась в суждениях о мистичности, эзотеричности символа.

«Согласно взглядам символистов, символ – средоточие абсолютного в единичном; он в свернутом виде отражает в себе идею единства жизни. Ф. Сологуб считал, что символизм как литературное течение характеризует стремление отобразить жизнь в целом, не с внешней стороны, а образным путем символов – по существу то, что, кроясь за случайными, разрозненными явлениями, образует связь с Вечностью, со вселенским, мировым процессом.

Словесный символ, или, символ в словесном выражении, – это троп, т.е. употребление слова в переносном (не прямом) его значении для характеристики какого-либо явления при помощи вторичных смысловых оттенков, присущих, этому слову и уже непосредственно не связанных с его основным значением⁸⁵.

Соотнесение прямого и переносного значений основывается на сходстве сопоставляемых явлений или на контрасте, или на смежности их, – отсюда возникают различные виды тропов. Основные виды тропов – это метафора, основанная на сходстве или контрасте явления, метонимия, основанная на смежности, и синекдоха, основанная на соотношении части и целого. По существу к тропам относятся как различные виды перенесения значения эпитет, сравнение, гипербола и др⁸⁶.

Троп представляет собой общее явление языка, чрезвычайно расширяющее границы употребления слова – во множестве его вторичных оттенков. Благодаря им усиливается эмоциональная, оценочная окраска речи, индивидуализируется характеристика явлений и в конечном счете углубляется представление об этих явлениях. Эти функции тропа (эмоциональная, индивидуализирующая и познавательная) придают ему особенное значение в художественно-литературном творчестве. И поскольку в любом сравнении, метафоре, даже подчас эпитете таится известная символичность, то символ оказывается одной из разновидностей тропа, средством художественного иносказания.

Главное отличие символа от других видов тропа, прежде всего, от метафоры, состоит в том, что в языковой метафоре образ обычно не приобретает семиотической функции, т. е. не может стать означающим некоторый смысл. В метафоре устойчиво значение. Оно прямо ассоциируется со словом как со своим означающим. Так, звезды напоминают своим сиянием и блеском драгоценные камни (алмазы, жемчуга), отсюда – столь распространенные в поэзии, в том числе и символистской, метафоры типа «алмазные звезды», «жемчужные звезды», звезды – «алмазы», «жемчужины».

Например, у В. Брюсова:

Не встречаются звезд алмазных
Утомленные мечты.

На нитях Серебристо-тонких
Жемчужные звезды повисли ...

Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь страной ...

А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.

Если в метафоре устойчиво значение, то в символе устойчив образ, выполняющий функцию означающего⁸⁷». В. М. Жирмунский называет символом в поэзии «особый тип метафоры – предмет или действие внешнего мира, обозначающее явление мира духовного или душевного по принципу сходства⁸⁸». «Так, если в метафорическом плане жемчуг (жемчужины) обозначают звезды, то в плане символическом жемчуг – это слезы (отсюда распространенное поверье «жемчуг – к слезам»), традиционно ассоциирующиеся с вызывающими их физической или, чаще, душевной болью, глубокими внутренними переживаниями. Таким образом, жемчуг становится символом горя, страдания вообще. Вместе с тем страдание всегда так или иначе связано с нравственным очищением – катарсисом (сразу же вспоминается знаменитое «необходимо пострадать» Достоевского), с мудростью, наделенной чертами вечности, – отсюда превращение слез в жемчуга, придание эмоциям вневременных черт; иными словами, превращение земной человеческой природы в сверхприроду – искусство, в том числе и словесное. В произведении словесного искусства жемчужины слез поэта превращаются в поэтические жемчужины – совсем как у И. Анненского:

И в чистый жемчуг перелил
Поэт свои немые слезы.

Н. Гумилев, поэт, принципиально противопоставивший себя символизму, дает одному из своих первых сборников весьма символистское название – «Жемчуга» (1910), поясняя при этом: Жемчугами» заканчивается большой цикл моих переживаний».

Еще одно существенное отличие символа от метафоры состоит в том, что символ может быть не только назван, но и изображен. Так, одним из простейших изображений является крест, представляющий собой две перекрещивающиеся линии, – древнейший религиозный, охранительный символ почти во всех культурах мира. Значение символа не имеет четких контуров: так, существует огромное количество трактовок символа креста – с учетом символики его формы, материала, из которого он сделан, цвета.

Но в первую очередь крест – это символ Христа, его распятия и его славы, и, таким образом, христианской веры и Церкви. Наиболее распространенным христианским символом является латинский крест (сгux imissa): горизонтальная ось в нем относится к вертикальной как один к трем. Крест представляет собой образ человека с распrostертыми руками – прямой образ Страстей Христовых.

Символика креста-Распятия (изображения мученической смерти Христа) – важнейшая составляющая поэзии символизма.

Особенно показательна поэзия З. Гиппиус, по своему стилю бывшая не только «религиозной», но и неоклассицистической – в плане выверенности, строгости форм, «трезвости», чуть ли не документальности поэтической мысли и философской, метафизической ее углубленности⁸⁹». Основные мотивы поэзии З. Гиппиус – свет, источником которого является Бог⁹⁰, истина, смерть и, конечно же, Любовь – та, что дана Духом Святым, одно из центральных, наряду с верой и надеждой, понятий в христианстве, Любовь, образцом которой становится Христос, отдавший свою жизнь за людей. Таким образом, важнейший исток возможной и желанной целостности мировосприятия человека, да и самой его жизни, видится в христианской вере, безусловным символом которой является крест.

В переносном значении крест — это «испытания, страдания, выпавшие на чью-либо долю».

В стихотворении «Брачное кольцо» (1905), построенном в форме внутреннего диалога с Богом, лирический герой Гиппиус (стихотворение, как и многие у нее, написано от мужского лица) признается:

Над темнотью лампы незажженной
Я увидел сияющий ответ.

Желанья были мне всего дороже ...
Но их, себя, святую боль мою,
Молитвы, упования, – все, о Боже,
В Твою Любовь с любовью отдаю.

Я к близкому протягиваю руки,
Тебе, Живому, я смотрю в Лицо,
И, в светлости преображенной муки,
Мне легок крест, как брачное кольцо.

Итак, в лирике З. Гиппиус запечатлены новые для русской литературы умонастроения, характерный для серебряного века антиномизм переживаний (ср.: «радость и мученье крестное»). Ей принадлежит заслуга в развитии некоторых приемов и лирических жанров (например, такого как «молитва», превращенная в ее стихах в диалог с Богом). Поэзия З. Гиппиус обозначила религиозно-философскую линию в движении русского символизма. Одно из первых мест в этой поэзии, безусловно, занимает символика креста.

Символ оказывается одной из разновидностей тропа, средством художественного иносказания. Между тем символисты считали, что символ принципиально противостоит тропу, он лишен оттенка «переносности смысла». Когда в образе нужно разгадывать заданный художником второй план, мы имеем, дело с ложносимволическим образом. Осознать эту особенность символа можно, сопоставив его с аллегорией. В аллегории образ действительно играет подчиненную роль, выступает как иллюстрация, персонификация, олицетворение некой идеи или абстрактного понятия. Аллегорический образ – своего рода маска, за которой угадывается суть. Аллегория предназначена для рациональной расшифровки: для читателя не составит труда опознать, кто или что скрывается за аллегорическими образами басен И. Крылова. Волк и Ловчий в басне «Волк на псарне» легко дешифруются, оборачиваясь Наполеоном и Кутузовым. Стрекоза и Муравей из другой басни – всего лишь образные «псевдонимы» бездельницы, и труженика.

Аллегория требует однозначного понимания. Символ же многозначен, содержит в себе перспективу бесконечного развертывания смыслов. И. Анненский писал о многозначности слова: «Мне вовсе не надо обязательности одного общего понимания. Напротив, я считаю достоинством пьесы, если ее можно по-

нять двумя или более способами или, недопоняв, лишь почувствовать ее и потом доделывать мысленно самому». «Символ только тогда истинный символ, – считал Вяч. Иванов, – когда он неисчерпаем в своем значении». «Символ – окно в бесконечность», – вторил ему Ф. Сологуб⁹¹.

Другое важнейшее отличие символа – полноценная значимость предметного плана, образного уровня. Символ – полноценный образ и помимо потенциальной неисчерпаемости своего смысла. Можно использовать следующее сопоставление: не зная точного значения иероглифов, мы не сможем прочесть сообщение, составленное при помощи этих знаков; напротив, даже не догадываясь, не подозревая о символическом потенциале того или иного образа-символа, мы в состоянии прочесть текст.

Блоковская «Незнакомка» может быть прочитана как рассказ в стихах о встрече с обворожительной женщиной: предметный план образа Незнакомки ощутим и воспринимаем, помимо содержащихся в нем символических возможностей.

Можно объяснить появление Незнакомки как приход в ресторан запоздалой посетительницы, но символический объем, отталкиваясь от своего буквального, предметного плана, всегда выходит за собственные пределы, соотносится с жизнью в целом⁹². Вот почему Незнакомка – это и авторская тревога о судьбах красоты в мире земной пошлости, и мечта о мирах иных, и разуверение в возможности чудесного преображения жизни, и глубокое постижение нераздельности «грязи» и «чистоты» в этом мире, и бесконечная цепь иных смысловых возможностей. Бесконечная потому, что «Незнакомка» – это авторское видение всего мира, универсума.

И еще один важный аспект понимания природы символики: не возможно составить какой-либо словарь или каталог символов. Дело в том, что слово или образ не рождается символом, но может им стать в соответствующем контексте. Этот контекст, активизирующий символический потенциал слова, создается сознательной авторской установкой на недоговоренность, рациональную непроясненность высказывания;

акцентом на ассоциативной, а не логической связи между образами; использованием музыкальной потенции слова⁹³.

З. Г. Минц так объясняет на простом примере различие между обычными видами тропов с одной стороны и аллегорией и символом – с другой, а также отличие символа от аллегии:

«Символ следует отличать от аллегии, хотя во многом они очень близки. Аллегория, как и символ, «строится» из слов «естественного языка», но слова эти получают в тексте какие-то новые значения. При этом (в отличие от сравнений и метафор) из самого текста мы часто не можем прямо и точно узнать, каково это новое значение слова. Когда русский поэт XIX в. Апухтин пишет:

Черные думы, как мухи –
то самым стихотворением он внушает нам, что его «думы» подобны мухам, они, как мухи, черны и от них, как от мух, нет спасения. Когда мы читаем у Лермонтова:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана –
то в метафорах «тучка золотая», «на груди утеса», «утеса-великана» нет прямого указания на то, что поэт сравнивает один предмет с другим («утес как великан», «склон утеса похож на грудь великана»). Но зато в метафоре, как и в сравнении, сразу видно, что с чем в этом стихотворении сопоставляется (утес – с великаном, склон утеса – с грудью и т. д.).

Иначе обстоит дело с символом и с аллегорией. В стихотворении Блока «Ветер принес издалёка...»:

Ветер принес издалёка
Песни весенней намека.
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок и т. д. –

мы можем только догадаться, что слова «ветер», «песня» и другие имеют еще какой-то смысл, кроме хорошо известного нам языкового. Но что значат эти слова, символами чего они являются, из текста стихотворения не вытекает. Мы можем приблизиться к пониманию этих символов, лишь прочитав весь первый сборник А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1901).

В аллегориях тоже ближайшие слова – «соседи» – прямо не указывают на «второе» значение аллегорического слова (хотя, конечно, понять аллессию легче, чем символ). В басне Крылова «Ворона и лисица» нигде прямо не сказано, что ворона – аллегория глупости, а лисица – хитрости. Это понятно только из басни в целом (или из других басен, где аллегорическое значение слова «лиса» тоже связано с хитростью).

Однако между символом и аллегорией есть и важные отличия. У аллегорического слова – только два значения: «первое», или прямое (общезыковое), и «второе», или переносное (аллегорическое). Лиса у Крылова – 1) животное, 2) хитрец.

У символа значений всегда много; как правило, мы улавливаем лишь некоторые из них. ...Вячеслав Иванов писал о том, что символ не только «многолик, многосмыслен», но еще и «всегда темен в последней глубине»⁹⁴, то есть сколько бы значений символического слова мы ни назвали, в нем всегда останется «еще что-то» (и может быть, самое важное!).

Прочтем стихотворение «учителя» русских символистов В. С. Соловьева «*L'onda dal mar' divisa*» (в переводе с итальянского – «Волна в разлуке с морем...»).

Волна в разлуке с морем
Не ведает покою,
Ключом ли бьет кипучим
Иль катится рекою, –
Все ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном синем море.

Стихотворение может быть осмыслено в «первом», общезыковом значении. Тогда это пейзажная лирика. «Волна» здесь = волна, «море» = море и т. д. (Заметим, что в этом стихотворении, как и в лирике Блока, общезыковые значения слов тоже очень важны. Понимая стихотворение как описание морских или речных волн, мы можем считать его законченным лирическим текстом.)

Но за пейзажным смыслом раскрывается другой – любовный, интимный. Здесь «море» – стихия любви, страсти, а «волна» – любящий (любящая), разлученный со своей «бездонной» любовью и тоскующий о ней. Так понимал свое произведение и сам В. Соловьев: стихотворение «Волна в разлуке с морем...» написано в годы трагического чувства поэта-философа к его близкому другу Софье Петровне Хитрово, замужней женщине, матери многочисленного семейства. Так понимали стихотворение и те современники и современницы В. С. Соловьева, которые видели в его произведении романс. Воспринимая «Волна в разлуке с морем...» как интимную лирику, мы глубже поймем стихотворение, почувствуем отраженное в нем человеческое волнение, грусть разлуки. Но стихотворение может быть рассмотрено еще в одном «ключе» – философской (или философско-религиозной) лирики. ... Он <В. С. Соловьев> постоянно думает об отношении человека к Богу, личности – к космосу, к истории. Эти мысли могут быть обобщены как поиски отношения части («волна») к целому («море»). Часть не может быть без целого – такой смысл тоже входит в символику стихотворения. Но «часть» («волна») может быть понята и как отдельный человек, индивидуум, и как отдельная культура, нация (и т. д. и т. п.). Соответственно и символ «море» наполняется новым содержанием. Смысл символа оказывается бесконечным.

Символы – спутники всей человеческой культуры. Тем не менее они имеют свою историю. Каждое новое литературное направление по-своему относится к символу, имеет свои символы»⁹⁵.

«Для судеб европейского модернизма особое значение имело развитие идей и творческого метода символизма в Германии и России. В Германии развитие модернизма оказалось связанным с творческими поисками выдающегося композитора Рихарда Вагнера и идеями философской публицистики Фридриха Ницше. Музыкальность, игравшая важную роль и в эстетических взглядах французских символистов, в Германии приобрела мистический оттенок: музыка – это основа мира, Душа

мира. Музыка – первооснова искусства. Одно из первых эссе Ф. Ницше, написанное еще в 1872 г., имело характерное заглавие «Рождение трагедии из духа музыки». Таким образом, под музыкальностью немецкие символисты понимали уже не просто мелодичность звучания того или иного стихотворения, а отражение в нем наиболее глубоких тайн жизни и бытия. Музыкальность для них – категория не формальная, а содержательная. Музыка может выразить те тайны жизни, которые в принципе не выразимы ни словом, ни цветом, ни контуром⁹⁶».

«Категория музыки - вторая по значимости (после символа) в эстетике символизма. Она использовалась символистами в двух разных аспектах – общемировоззренческом и техническом. В первом, философском значении, музыка – не система звуков, а универсальная метафизическая сила, воплощающая стихию «чистого движения», своего рода первооснова всякого творчества. Вслед за Ф.Ницше и французскими символистами русские сторонники «нового искусства» считали музыку высшей формой творчества, потому что именно она дает максимальную свободу самовыражения творцу и максимальную свободу восприятия – слушателю. Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки» противопоставил «дионисийское» музыкальное начало человеческого духа упорядоченному «аполлоновскому» началу, знаменующему рассудочность. Именно «дионисийский» дух музыки, стихийный и внелогичный, составляет существо искусства.

Во втором значении категория музыки значима для символистов как словесно-музыкальная фактура стиха, как максимальное использование звуковых и ритмических возможностей поэзии. Поэтому для многих из них актуальным оказался девиз их французского коллеги П. Верлена: «Музыка прежде всего...». Стихотворения многих символистов строятся как завораживающий поток словесно-музыкальных созвучий и перекличек, нередко ассоциирующихся с собственно музыкальными произведениями. То есть доминируют музыка, ритм и настроение.

Рассмотрим стихотворение К.Бальмонта «Тоска степей» с очень значимым вторым названием Полонянка степей Половецких, вызывающим мгновенные ассоциации не столько с литературным («Слово о полку Игореве»), сколько с музыкальным произведением – оперой А.Бородина «Князь Игорь»:

Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит,
Звон стеблей, ковыль поет, поет, поет,
Серп времен горит, сквозь сон, горит, горит,
Слезный стон растет, растет, растет, растет.

Даль степей, не миг, не час, не день, не год,
Ширь степей, но нет, но нет, но нет путей,
Тьма ночей, немой, немой тот звездный свод,
Ровность дней, в них зов, но чей, но чей, но чей?

Мать, отец, где все, где все – семьи моей?
Сон весны блеснул, но спит, но спит, но спит,
Даль зовет, за ней, зовет, за ней, за ней,
Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит.

Видимо, не случайно Бальмонт употребляет именно слово «полонянка», маркированное как устар. и нар.-поэт.⁹⁷ (вместо нормативного «пленница»), которое и фонетически звучит более музыкально. Эта музыкальность подкреплена и анафорическим повтором: Полонянка степей Половецких. Возникает своеобразный стилизационно-музыкальный прием.

Песенность, музыкальность этого стихотворения определяются, в первую очередь, самой стиховой композицией. Главными компонентами здесь, конечно же, являются интонационно-ритмическая организация речи (стих напевный, легко ложающийся на музыку) и специфически стиховой синтаксис, прежде всего – организованная система повторов: рефрены, эпифоры и кольцевое (обрамляющее) строение, целого, стихотворения, т.е. повторение в конце стихотворения первой, строчки: «Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит». Повторы

различных типов имеют огромное значение в строфической композиции стихотворений, в особенности напевной интонации. Это постоянный признак лирической поэзии, уходящий корнями вглубь народно-поэтического творчества.

При кольцевой композиции не только усиливается экспрессия, как при обычном повторе, но и уточняется, а иногда даже и меняется семантика. Так, если бы отсутствовало определяющее заглавие – «Тоска степей» – с уточняющим подзаголовком «Полонянка степей Половецких», из строчки «Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит» было бы еще неясно, печалью или радостью он отмечен; звук зурны можно услышать и во время праздника, и семейного торжества – ср. у Лермонтова в «Демоне»: «Звучит зурна, и льются вины – // Гудал сосватал дочь свою». Повторенный в конце стих вбирает в себя семантику всего стихотворения: безысходная, бесконечная тоска пленницы, которая, возможно, уже никогда не увидит своего родного дома⁹⁸». В. Е. Холщевников пишет: «... при повторении содержание вещественное <...> не меняется, зато заметно усиливается экспрессия, даже нейтральные слова становятся эмоциональными. Начав читать, мы еще не знаем, какое слово или словосочетание повторится, потому повторение эмоционально сильнее первого; при повторном чтении мы уже ждем этого эффекта. Поэтому повторенное слово всегда экспрессивно сильнее предыдущего, создает эффект градации, эмоционального нагнетения, столь важный в композиции как целого лирического стихотворения, так и его частей⁹⁹».

Коснувшись кратко основных категорий символизма – синтеза и символа, мы вынуждены предложить тем, кому это, может быть, интересно, перенести дальнейшее обсуждение поэтики символизма, в пределы планируемого на пятый модуль (май – июнь) в СПб филиале ГУ-ВШЭ факультативного курса по поэтике Серебряного века, в частности, следующих тем:

1) синтеза поэзии и музыки в творчестве символистов, начатое в данном введении;

2) созданный К. Д. Бальмонтом особый жанр символической пейзажной лирики, в которой сквозь детали земного ландшафта

проступает неземная символическая красота; (Сборник «В безбрежности» (1895)).

3) развитие младосимволистами, т. е. «соловьевцами» – А. А. Блоком («Стихи о Прекрасной Даме» (1901)), А. Белым, С. Соловьевым-младшим – идей В. С. Соловьева о Вечной Женственности, или *das Ewig Weiblichkeit*, Душа Мира, Божественная София – Премудрость Божия, – и о трех свиданиях с Нею, о которых сам Владимир Сергеевич написал в поэме «Три свидания» с тем обычным для него юмором светского рассказчика, с которым он так часто говорит о самых серьезных и глубоких вещах.;

4) о теургии и заодно о тех впечатляющих, хотя и страшных, примерах воспитательного воздействия искусства, которые приводил А. В. Мень;

5) о стремлении символистов пересоздавать жизнь и о принятии ими (и даже участии) двух первых революций;

6) о новом понимании символистами взаимоотношений поэта и читателя;

7) об открытиях символистов в сфере поэтической фонетики и т. д.

Занятие №4. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. АКМЕИЗМ

Литературное течение акмеизма, возникшее в начале 1910-х годов, генетически связано с символизмом.

Акмеизм (греч. акме – высшая степень чего-либо, цветущая сила) – литературное течение в русской поэзии, сторонники которого противопоставили мистическим устремлениям символизма к «непознаваемому» «стихию естества», декларировали предпочтение реальной земной жизни и возвращение слову его изначального, а не символического смысла¹⁰⁰. Творческие принципы акмеизма были впервые сформулированы в статье М. Кузмина «О прекрасной ясности» (1910). Взгляды М. Кузмина, не являвшегося, собственно акмеистом, оказали воздействие на формирующуюся программу нового течения. Эта статья декларировала стилевые принципы «прекрасной ясности».

ти»: логичность художественного замысла, стройность композиции, рациональную организацию всех элементов художественной формы. «Кларизм» (этим термином автор обобщил свои эстетические принципы) по существу стал призывом к большей нормативности творчества, он реабилитировал эстетику разума и гармонии и противостоял мировоззренческому глобализму символистов.

В программной статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913) Н. Гумилев называл символизм «достойным отцом», но подчеркивал, что новое поколение выработало иной «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь¹⁰¹» (так называемый адамизм). Акмеизм, по мысли Гумилева, есть попытка заново открыть ценность человеческой жизни; действительность самоценна и не нуждается в метафизических оправданиях. Поддерживая Н. Гумилева, еще более категорично высказался С. Городецкий: «Борьба между акмеизмом и символизмом <...> есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время <...>. После всяких «неприятностей» мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий¹⁰²». Взгляды нового течения С. Городецкий иллюстрировал стихотворением «Адам» (1913):

Прости, пленительная влага
И первоздания туман!
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

Просторен мир и многозвучен,
И многоцветней радуг он,
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн, и ветхой мглы.
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Живой земле пропеть хвалы.

«Это стихотворение можно считать своеобразной философско-эстетической программой акмеизма: пора перестать заигрывать с трансцендентным (непознаваемым): простой вещный, предметный мир должен быть реабилитирован, он значителен сам по себе, а не тем, что являет высшие сущности. В этой связи ведущая роль в поэзии отводится художественному освоению многообразного и яркого мира, который «просторен», «многозвучен» и многоцветен («и многоцветней радуг он»). Главное для поэтов нового течения – это признание самоценности слова (имени): мир поручен «Адаму ... изобретателю имен», слово должно быть свободно от плена трансцендентных идей – символистских «тайн», которые Городецкий не без иронии называет «праздными», и символистской же «мглы», более не актуальной в условиях нового времени, безнадежно устаревшей, «ветхой».

Адам предстает новым создателем-художником, первый творческий подвиг которого – назвать, узнать, сорвать покровы «тайн» и «мглы». «Новый Адам не был бы самим собой и изменил бы своей задаче – опять назвать имена мира и тем самым вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух¹⁰³ ...». Новый же, главный, подвиг – это «пропеть хвалы» живой земле, а не миру заоблачных, туманных видений, как диктовала эстетика и художественно-речевая практика символизма.

«В противоположность символизму, проникнутому «духом музыки», акмеизм ориентирован на пространственные искусства – прежде всего, архитектуру, скульптуру, живопись.

Высшее место в иерархии акмеистических ценностей занимала культура. Недаром новое течение О. Мандельштам назвал «тоской по мировой культуре». Если символисты оправдывали культуру внешними по отношению к ней целями (культура для них – средство преображения жизни), то для акмеистов культура – сама себе цель. В эпоху футуристического бунта против традиций акмеизм (рука об руку с символизмом) выступил как хранитель культурных ценностей; культура для него тождественна общечеловеческой памяти.

Определяя абрис поэтической системы И. Анненского, поэта, реально заложившего «акмеистический фундамент» русской поэтической культуры, Л. Гинзбург отмечает два момента. Первый: «Обещание счастья изменяет соотношение лирического субъекта с действительностью». И второй – ситуационно отражающий акмеистическую картину мира – «... человек, тянущийся к миру, который ему не дается». Ощущение «мира, который не дается» человеку, присущее Анненскому, переходит в стойкое качество всех «гиперборейцев».

Жирмунский связывал акмеизм с классическим стилем, что в русской традиции всегда влекло за собой осознание культуры этого стиля как «высокой» и совершенной.

В традициях акмеизма действовало одно непререкаемое условие: каждый текст, написанный поэтом, осознавался как включенный в «мировой поэтический текст» – некий верховный абсолют культуры, противостоящий своей гармонией и прекрасной архитектурой миру хаоса. В акмеистическом тексте осуществлялась установка на самооткрытие, ибо его специфика в том, что он структурно может воспроизводить свой генезис. Это главное качество акмеистического текста приводило к изменению роли лирического субъекта: он переставал быть, как в «романтической» лирике символизма, медиумом надмирных сил и превращался в своеобразную театрализованную «персону», сознательно «эпизирующую» (по иной трактовке – «прозаизирующую») то, что раньше называлось «лирическим тематизмом»¹⁰⁴.

В ахматовских дольниках В. Жирмунский отмечал: «... признаки разговорного стиха Ахматовой, сближающие в каком-то смысле стиховую форму с прозаической, не означают отказа от «музыкальности»: они свидетельствуют только о преодолении более элементарной и монотонной в своей регулярности музыкальности, господствовавшей в напевном стихе эпохи символизма. Мелодичность песни, иногда напоминающая романс, заменяется при этом более

сложной гармонией современной музыки с ее синкопированными изменчивыми ритмами и не разрешенными диссонансами¹⁰⁵». Дольники, в связи с этим, по мнению В. Жирмунского, имели для раннего творчества А. Ахматовой ведущее функциональное значение.

Определяя сама свое поэтическое мироощущение, свою «арбитражную позицию», Ахматова употребляет понятия «отражение в зеркалах», «чей-то сон», «бред», всячески подчеркивая идею «выморочности», иллюзорности и шаткости, «непрочности» жизни, существования в своеобразном Зазеркалье, наполненном образами «персон» – двойников¹⁰⁶».

«Мыслимым пространством для лирического сюжета служит только сознание поэта, его внутренний опыт, независимо от того, идет ли речь о личном переживании или о делах и предметах внешнего мира¹⁰⁷».

«Акмеизм стал синтетическим направлением, «финальной» школой, «последним словом модернизма», преодолевшим, односторонность реализма и символизма. Однако при всех различиях символизма и акмеизма мы бы не стали поляризовать их эстетически, при их тесной связи друг с другом – и не только наследственной¹⁰⁸». «Нам близко введенное В. Вейдле, – пишет И. И. Гарин, – понятие «петербургской поэтики», не различающее групповой принадлежности и включающее в себя «культурную преемственность, широко и недогматически воспринятые европеизм и пушкинскую традицию, «целомудрие» поэтического слова, чувство меры и классической простоты, строгость и точность формы¹⁰⁹».

«Эта культурная преемственность, или культурная традиция, становится существеннейшим элементом архитектоники не только акмеистического текста, но и всей культурно-поэтической парадигмы языка поэзии серебряного века¹¹⁰».

Занятие №5. ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАНИФЕСТЫ

В книге Д. С. Мережковского 1893 г. «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (одноименная лекция была прочитана в 1892 г.) русское декадентство впервые осознало себя как определенное идейно-художественное направление. Книга стала одним из первых теоретических обоснований нового прекрасного течения, а затем и теоретической программой русского символизма.

Из книги Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы».

Характеризуя эпоху, Д. С. Мережковский пишет: «Преобладающий вкус толпы до сих пор реалистический. Художественный материализм соответствует научному и нравственному материализму... Пошлая сторона отрицания, отсутствие высшей идеальной культуры, цивилизованное варварство среди грандиозных изобретений техники – все это наложило своеобразную печать на отношение современной толпы к искусству.

Недавно Э. Золя сказал следующие весьма характерные <для человека толпы> слова о молодых поэтах Франции, так называемых *символистах*... : «Что они предлагают, чтобы нас заменить? Как на противовес огромной позитивной работе последних пятидесяти лет, указывают на неопределенный этикет «символизм», прикрывающий бездарные вирши. Чтобы завершить изумительный конец этого громадного века, чтобы выразить всеобщую горечь сомнения, тревогу умов, жаждущих чего-нибудь незыблемого, нам предлагают неясное щебетание, грошовой вздорные песенки, сочиненные трактирными завсегдатаями! Все эти *молодые* люди, которым, кстати сказать, за тридцать, за сорок лет, занятые, в столь важный момент исторической эволюции идей, подобными глупостями, подобным ребячеством, кажутся мне ореховыми скорлупками, пляшущими на водопаде Ниагары».

Мережковский отвечает Золя: «Непростительная ошибка думать, что художественный идеализм – какое-то вчерашнее изобретение парижской моды. Это возвращение к древнему, вечному, никогда не умиравшему». И далее:

«Вот чем страшны, должно быть, для Золя эти молодые литературные мятежники... В сущности, все поколение конца XIX века носит в душе своей то же возмущение против удушающего мертвенного позитивизма, который камнем лежит на нашем сердце. Очень может быть, что они погибнут, что им ничего не удастся сделать. Но придут другие и все-таки будут продолжать их дело, потому это дело – *живое*».

«Да, скоро и с великой жаждой взыщутся люди за вполне изгнанным на время чистым и благородным». Вот что предрек автор «*Фауста*» 60 лет тому назад, и мы теперь замечаем, что слова его начинают исполняться. «И что такое реальность сама по себе? Нам доставляет удовольствие ее правдивое изображение, которое может дать нам более отчетливое знание о некоторых вещах; но собственно польза для высшего, что в нас есть, заключается в идеале, который исходит из сердца поэта». Потом Гёте формулировал эту мысль еще более сильно: «*Чем несоизмеримее и для ума недостижимее данное поэтическое произведение, тем оно прекраснее*» (из «Разговоров Гете с Эккерманом»). Золя не мешало бы вспомнить, что эти слова принадлежат не своевольным мечтателям-символистам, жалким ореховым скорлупам, пляшущим на Ниагаре, а величайшему поэту-натуралисту XIX века.

Тот же Гете говорил, что поэтическое произведение должно быть *символично*. Что такое символ?

В Акрополе над архитравом Парфенона до наших дней сохранились немногие следы барельефа, изображающего самую обыденную и, по-видимому, незначительную сцену: нагие, стройные юноши ведут молодых коней и спокойно, и радостно мускулистыми руками они укрощают их. Все это исполнено с большим реализмом, если хотите, даже натурализмом, – знанием человеческого тела и природы. Но ведь едва ли не больший натурализм – в египетских фресках. И однако они совсем иначе действуют на зрителя. Вы смотрите на них, как на любопытный этнографический документ, так же, как на страницу современного экспериментального романа. Что-то совсем другое привлекает вас к барельефу Парфенона.

Вы чувствуете в нем веяние *идеальной* человеческой культуры, *символ* свободного эллинского духа. Человек укрощает зверя. Это – не только сцена из будничной жизни, но вместе с тем целое откровение божественной стороны нашего духа. Вот почему такое неистребимое величие, такое спокойствие и полнота жизни в искаленном обломке мрамора, над которым пролетели тысячелетия. Подобный символизм проникает все создания греческого искусства. Разве Аלקестис Эврипида, умирающая, чтобы спасти мужа, – не символ материнской жалости, которая одухотворяет любовь мужчины и женщины? Разве Антигона Софокла – не символ религиозно-девственной красоты женских характеров, которая впоследствии отразилась в средневековых Мадоннах?

У Ибсена в «*Норе*» есть характерная подробность: во время важного для всей драмы диалога двух действующих лиц входит служанка и вносит лампу. Сразу в освещенной комнате тон разговора меняется. Черта, достойная физиолога-натуралиста. Смена физической темноты и света действует на наш внутренний мир. Под реалистической подробностью скрывается художественный символ. Трудно сказать почему, но вы долго не забудете этого многозначительного соответствия между переменной разговора и лампой, которая озаряет туманные вечерние сумерки.

Символы должны естественно и невольно выливаться из глупины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются в мертвые аллегории, которые ничего, кроме отвращения, как все мертвое, не могут возбудить. Последние минуты агонии мадам Бовари, сопровождаемые пошленькой песенкой шарманщика о любви, сцена сумасшествия в первых лучах восходящего солнца после трагической ночи в “Despenster” написаны с более беспощадным психологическим натурализмом, с большим проникновением в действительность, чем самые смелые человеческие документы позитивного романа. Но у Ибсена и Флобера, рядом с течением выраженных словами мыслей, вы невольно чувствуете другое, более глубокое течение.

«Мысль изреченная есть ложь». В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя».

Символами могут быть и характеры. Санчо Панса и Фауст, Дон-Кихот и Гамлет, Дон-Жуан и Фальстаф, по выражению Гете – *Schwankende Gestalten*.

Сновидения, которые преследуют человечество, иногда повторяются из века в век, от поколения к поколению, сопутствуют ему. Идею таких *символических характеров* никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли.

Вместе с тем мы не можем довольствоваться грубоватой фотографической точностью экспериментальных снимков. Мы требуем и предчувствуем, по намекам Флобера, Мопассана, Тургенева, Ибсена, новые, еще не открытые миры впечатлительности. Эта жадность к неиспытанному, погоня за неуловимыми оттенками, за темным и бессознательным в нашей чувствительности – характерная черта грядущей идеальной поэзии. Еще Бодлер и Эдгар По говорили, что прекрасное должно несколько *удивлять*, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту *импрессионизмом*.

Таковы три главных элемента нового искусства: *мистическое содержание, символы* и расширение художественной впечатлительности...» (1893)

В том же (когда была прочитана лекция) 1892 г. Д. С. Мережковским была выпущена книга стихов «Символы» с эпиграфом из Гете «Все преходящее есть только Символ». В статье о Кальдероне Мережковский впервые дает следующее определение символа: «...Все религии, вся поэзия, все искусство народов кажется нам только рядом символов, одним безнадежным из века в век, из рода в род повторяющимся воплем че-

ловечества о недостижимом, о красоте и о Боге». Начиная с «Символов» вокруг Мережковского складывается атмосфера непонимания, которую В. В. Розанов метафорически определил как атмосферу «иноязычных». Сам Мережковский пишет в «Причинах упадка...»: «Публика наша до сих пор с недоумением внимает философскому языку.... Самая глубокая и страстная поэзия мысли ей почти недоступна. Наши критики не умеют отличить рассудочной риторики от выстраданной и вдохновенной идеи поэта-философа». «Но была и другая причина поэтических неудач Мережковского. Несмотря на остроту и новизну размышлений, ему не удалось претворить их в оригинальную и неповторимую поэтическую форму: новизна мысли не предрешала новизну поэтики. Нет в ней тех новаций, которые поэт, безусловно, заметил в новой французской поэзии (импрессионизм, музыкальность, необычная образность, особая лексика и ритмика). И несмотря на все эти недостатки, самые чуткие читатели отзывались на новые темы книги – подчеркнутый идеализм, религиозный мистицизм и эзотеризм. Их было немного, но для них сборник стал событием.... Для истории символистского движения особенно значима реакция гимназиста Валерия Брюсова.... По его собственному признанию, к началу 1890-ых годов имя это <Мережковского> становится ему особенно дорого, а книга «Символы» делается его настольной книгой.... И здесь важнейшее место занимает помещенный в сборнике перевод «Ворона» Эдгара По. Текст этот старшие символисты вслед за Мережковским расценили как прообраз новой поэзии»¹¹¹. Таким образом, несмотря на обширную деятельность философа, создателя нового религиозного мышления, Мережковский как идеолог нового литературного течения оставался какое-то время «полководцем без армии». Положение спасает В. Я. Брюсов, выпустивший в 1894–1895 гг. три сборника «Русские символисты», составленные преимущественно из его собственных произведений, напечатанных под разными псевдонимами. Теоретическое обоснование символизма Брюсов дает в статьях «Ключи тайн» и «Священная жертва».

Из работы В. Брюсова «Ключи тайн»

«...Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства – это приотворенные двери в Вечность.

Явления мира, как они открываются нам во вселенной – растянутые в пространстве, текущие во времени, подчиненные закону причинности – подлежат изучению методами науки, рассудком. Но это изучение, основанное на показаниях наших внешних чувств, дает нам лишь приблизительное знание. Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звенящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи. Мысль, а, следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь. Больше, что они могли сделать, это указать на нее, выявить ее неизбежность. Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, делая возможным, облегчая их узнавание, но не познание.

Но мы не замкнуты безнадежно в этой «голубой тюрьме», пользуясь образом Фета. Из нее есть выходы на волю, есть просветы. Эти просветы – те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину. Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные, тайные чувствования. Где нет этого уяснения, нет художественного творчества. Где нет этой тайности в чувстве, нет искусства. Для кого все в мире просто, понятно, постижимо, тот не может быть художником. Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю Стихии чуждой, запредельной.

...Во все века своего существования, бессознательно, но неизменно, художники выполняли свою миссию: уясняя себе открывавшиеся им тайны, тем самым искали иных, более совершенных способов познания мироздания. ...

Но в течение долгих столетий искусство не отдавало себе явного и определенного отчета в своем назначении. Различные эстетические теории сбивали художников. И они воздвигали себе кумиров, вместо того чтобы молиться истинному Богу. История нового искусства есть прежде всего история его освобождения. Романтизм, реализм и символизм – это три стадии в борьбе художников за свободу. Они свергли наконец цепи рабствования разным случайным целям. Ныне искусство наконец свободно.

Теперь оно сознательно предается своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности. Не мешайте же новому искусству в его, как иной раз может показаться, бесполезной и чуждой современных нужд, задаче. Вы мерите пользу и современность слишком малыми мерами. Польза человечества вместе с тем и наша личная польза. Все мы живем в вечности. Те вопросы бытия, разрешить которые может искусство, никогда не перестают быть злободневными. Искусство, может быть, величайшая сила, которой владеет человечество. В то время, как все ломы науки, все топоры общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, – искусство таит в себе страшный динамит, который сокрушит эти стены, более того – оно есть тот сезам, от которого эти двери растворятся сами. Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его «голубой тюрьмы» к вечной свободе». (1904)

Из работы Андрея Белого «Символизм как миропонимание».

«Еще недавно думали – мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Простиралась великая плоскость. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы.

Все обесценилось. Но не исчезло стремление к дальнему в сердцах. Захотелось перспективы. Опять запросило сердце вечных ценностей...

Не событиями захвачено все существо человека, а *символами* *иною*. Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому

всегда музыкален. Перевал от критицизма к символизму неминуемо сопровождается пробуждением духа музыки. Дух музыки – показатель перевала сознания. Не к драме, ко всей культуре обращен возглас Ницше: «Увенчайте плющом чело ваше, возьмите в руки тирсы и не дивитесь, если тигры и пантеры, лапаясь, лягут у ваших ног... Вы должны сопровождать дионисийское торжественное шествие от Инда»... Современное человечество взволновано приближением внутренней музыки к поверхности сознания. Оно захвачено не событием, а *символом иного*. Пока *иное* не воплотится, не прояснятся волнующие нас символы современного творчества. Только близорукие в вопросах духа ищут ясности в символах. Душа не звучит их – не узнают они ничего.

К тому, что было прежде времен, к тому, что будет, обращен символ. Из символа брызжет музыка. Она минует сознание. Кто немзыкален, тот ничего не поймет.

Символ пробуждает музыку души. Когда мир придет в нашу душу, всегда она зазвучит. Когда душа станет миром, она будет вне мира. Если возможно влияние на расстоянии, если возможна магия, мы знаем, что ведет к ней. Усилившееся до непомерного музыкальное звучание души – вот магия. Чарует душа, музыкально настроенная. В музыке чары. Музыка – окно, из которого льются в нас очаровательные потоки Вечности и брызжет магия..

Искусство есть гениальное познание. Гениальное познание расширяет его формы. В символизме, как методе, соединяющем *вечное* с его пространственными и временными проявлениями, встречаемся с познанием Платоновых идей. Искусство должно выражать идеи. Всякое искусство по существу символично. Всякое символическое познание идейно. Задача искусства, как особого рода познания, неизменна во все времена. Меняются способы выражения. Развитие философского познания доказательством от противного ставит его в зависимость от познания откровением познания символического. С изменением теории познания меняется отношение к искусству. Оно

уж больше не самодовлеющая форма; оно и не может быть призвано на подмогу утилитаризму. Оно становится путем к наиболее существенному познанию – познанию религиозному. Религия есть *система последовательно развертываемых символов*. Таково ее первоначальное внешнее определение. Совершающемуся перевалу в сознании соответствует изменение способа выражения символов искусства. Важно бросить взгляд на характер этого изменения.

... Гете и Ницше часто об одном. ... Гениальные классические произведения имеют две стороны: лицевую, в которой дается его доступная форма, и внутреннюю; о последней существуют лишь намеки, понятные избранным. Толпа, довольная понятным для нее феноменализмом событий, рисовки, психологии, не подозревает внутренних черт, которые служат фоном описываемых явлений; эти черты доступны немногим. Таков аристократизм лучших образцов классического искусства, спасающегося под личиной обыденности от вторжения толпы в его сокровенные глубины. Такие образцы суть источники и глубины, и плоскости одновременно. Здесь удовлетворяется и масса, и избранные. Такая двойственность неизбежно вытекает из самой двойственности критицизма; она образуется также от нежелания гениев, чтобы их символы служили предметом догматических кривотолков рационализма, утилитаризма и т. д. Здесь и презрение к *«малым сим»*, и аристократическая ирония над слепыми, которые хотя и не видят, но хвалят, и кокетство перед избранниками духа. «Фауст» понятен всем. Все единогласно называют «Фауста» гениальным произведением искусства; между тем теософские бездны «Фауста» часто скрыты от современных любителей всевозможных бездн – поклонников нового искусства. И, однако, эти поклонники понимают вторжение бездн в Заратустре, ломающее внешние очертания образов и отчетливость мысли. В этом отношении новое искусство, являясь посредником между глубинным пониманием немногих и плоским пониманием толпы, скорее демократично. Задача нового искусства – не в гармонии форм, а в наглядном уяснении глубин духа, вследствие чего оно кричит, заявляет,

приглашает задуматься там, где классическое искусство повертывало спину *«малым сим»*. Такое изменение способа выражения стоит в связи с изменением теории познания, согласно которому *познание во временном вечного перестает казаться невозможным*. Если это так, искусство должно учить видеть Вечное; сорвана, разбита безукоризненная окаменелая маска классического искусства. По линиям разлома выползают отовсюду глубинные созерцания, насыщают образы, ломают их, так как сознана относительность образов. Образы превращаются в метод познания, а не в нечто самодовлеющее. Назначение их – не вызвать чувство красоты, а развить способность самому видеть в явлениях жизни их преобразовательный смысл. Когда эта цель достигнута, эти образы уже не имеют никакого значения; отсюда понятен демократический смысл нового искусства, которому, несомненно, принадлежит близкое будущее. Но когда это будущее станет настоящим, искусство, приготовив человечество к тому, что за ним, должно исчезнуть. Новое искусство менее искусство. Оно – знамение, предтеча.

Изменение способа выражения искусства совершается постепенно. Современное искусство при таком изменении часто шло ощупью. Многие спотыкались на этом пути. Артезианские воды, пробиваясь наружу, бьют грязью. Только потом солнце зажигает чистоту водного хрусталя миллионами рубинов. Не следует быть жестоким по отношению к тем, кто шел впереди. Ведь по их израненным телам мы идем. Благодарение и жалость! Да замолчит всякая хула! Ведь Ницше между ними...

Следует доверчиво взглянуть на покойника, чтобы пантеры превратились в кротких кошек. А образ его так задумчиво грустно взирает на нас из бессмертных далей. О детском счастье говорит нам его детский взор – о белом острове детей, омытом лазурью.

Тише! Это – священная могила...

Соединение вершин символизма как искусства с мистикой Владимир Соловьев определял особым термином. Термин этот – теургия. «Вселюсь в них и буду ходить в них, и буду их Богом», – говорит Господь. Теургия – вот что воздвигает пророков, вкладывает в уста их слово, дробящее скалы.

Мудрость Ницше на более углубленной, сравнительно с трагизмом, стадии понимания можно определить как стремление к теургии. И отдельные места этой мудрости явно сквозят теургизмом. Если в символизме мы имеем первую попытку показать во временном вечное, в теургии – начало конца символизма. Здесь уже идет речь о воплощении Вечности путем преобразования воскресшей личности. Личность – храм Божий, в который вселяется Господь: «Вселюсь в них и буду ходить в них» (Левит, XXVI, 12).

Догматика христианства отвергнута Шопенгауэром. Житейская техника – Ницше. Утверждая личность, как сосуд, вмещающий божество, а догмат, как внешне очерченный круг, замыкающий путь, бесконечно продолженный, не разрывая связи с вершинами ницшеанства, но стараясь изнутри преодолеть их, как Ницше преодолел Шопенгауэра, – христиане-теурги надеются на близость *новой* благой вести, указание на которую встречается в Писании. Разрешение вековых загадок бытия переносится по ту сторону ницшеанства. Под мину подводится контрмина. Но и ужас здесь. Дух захватывает. Ведь за Ницше обрыв. Ведь это так. И вот, сознавая безнадежность стояния над обрывом и невозможность возврата в низины мысли, надеются на чудо полета. Когда летательные машины еще не усовершенствованы, полеты вообще опасная вещь. Недавно погиб Лилиенталь – воздухоплаватель. Недавно мы видели неудачный, в глазах многих, полет и гибель другого воздухоплавателя – Ницше, Лилиенталья всей культуры. ... Задача теургов сложна. Они должны идти там, где остановился Ницше, – идти по воздуху. Вместе с тем они должны считаться с теософским освещением вопросов бытия и не идти вразрез с исторической церковью. Тогда, быть может, приблизятся горизонты ницшевских видений, которых сам он не мог достигнуть...

Уплыл ли Ницше в голубом море? Нет его на нашем горизонте. Наша связь с ним оборвана. Но и мы на берегу, а забытая ладья еще плещется у ног. Мы должны сесть в нее и уплыть. Мы должны плыть и тонуть в лазури.

Одни из нас обращены к прошлому, где старинное золото сжигается во имя солнечных потоков. В их очах убегающее солнце, и о сожженном золоте, быть может, они плачут:

...Встали груди утесов
Средь трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
Полон крик альбатросов:
Дети Солнца! Вновь холод бесстрастья:
Закатилось оно —
Золотое, старинное счастье,
Золотое руно.
Бесконечно веря в чудо полета, другие могут ответить им:
Зовут аргонавты
На солнечный пир,
Трубя в золотеющий мир.
Внимайте, внимайте:
Довольно страданий.
Броню надевайте
Из солнечной ткани!
Все небо в рубинах...»
(«Мир искусства», 1904, № 5).

«В формировавшемся тогда русском символизме почти одновременно обозначились две тенденции: брюсовская, эстетико-психологическая, и заявленная Мережковским эстетико-религиозная. Приверженцы обеих тенденций стремились обновить искусство слова, первые — в целях лучшего самовыражения творящего «я», вторые — чтобы убедительней высказать новую мистическую правду о мире. Говоря словами пушкинской формулы, первые считали себя рожденными «для звуков сладких», вторые — для «молитв». В 90-е годы к собственно художническому типу символизма тяготели В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, Ю. К. Балтрушайтис (1873—1944), отчасти И. И. Коневской (Ореус, 1877—1901) и М. А. Лохвицкая (1869—1905), а также И. Ф. Анненский (1855—1909). Понимание символизма как эстетико-религиозной доктрины и выражающего ее искусства разделяли Д. С. Мережковский (1866—1941), Н. М. Минский (1855—1937), З. Н. Гиппиус (1869—1945).

Новый этап мистического символизма обозначился с начала 900-х годов в выступлениях и поэзии Андрея Белого (Б. Н. Булгаева), Вяч. И. Иванова, А. А. Блока, С. М. Соловьева, Эллиса (Л. Л. Кобылинского). Однако непроницаемой преграды между двумя потоками в символистском течении не было. Показателен пример поэта Александра Михайловича Добролюбова (1876—1944?). «Крайний эстет», по слову Брюсова, индивидуалист и декадент в стихах сборника «*Natura naturans. Natura naturata*» («Природа творящая. Природа сотворенная», 1895), Добролюбов вскоре ушел в народ богомольцем, искателем религиозной истины сблизился с сектантами.

Впоследствии Белый скажет, что символистов разного толка объединяло прежде всего их «нет». И брюсовцы, и сторонники Мережковского, как и «младшие» символисты, сходились в неприязни к материалистическому мировоззрению, к утилитаризму в эстетике. Единодушно осуждали они «ненужную правду» натурализма с его «удвоением действительности» (Брюсов о Художественном театре), которую усматривали и во многих явлениях современного реалистического творчества. В условиях возраставшей специализации науки и философского кризиса естествознания перед лицом его же великих открытий рубежа веков романтическое недоверие к рационализму, сциентизму получало новые аргументы. Преодоление застоя буржуазной философии и культуры, скованных «мертвенным позитивизмом» (Мережковский), виделось в «возвращении русской мысли к идеализму». Это пророчил философ-мистик и поэт Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900), властитель дум многих символистов. Несовершенному рационально-логическому познанию, способному дать лишь «бледнейший первообраз» сущего (А. Белый), противопоставлялось – в духе Шопенгауэра – интуитивное постижение мира в творческом акте. Символисты любили повторять строки Фета: «Можно ли трезвой то высказать силой ума, // Что опьяненному муза прошепчет сама?»

Среди искусств в духе романтической эстетики особенно почиталась музыка, наименее «рассудочный» и тем самым наиболее «провидческий» тип творчества, проникающий в «тайну бытия» (А. Белый). Воздействие произведения объяснялось не только и

не столько его содержанием, сколько суггестивной силой, «магичностью» (Брюсов). Роль художника виделась как пророческая и ведущая к «преображению вселенной» (Вяч. Иванов).

Символисты были многим обязаны объективному идеализму Платона с его антитезой горней сферы «вечных» идей и земного круга их «преходящих» воплощений. Проводником платонизма были лирико-философские медитации Вл. Соловьева, звавшего находить «под грубою корою вещества» «нетленную порфиру» высшего начала:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

В сфере социологии и эстетики многие символисты, «старшие» (Мережковский, Минский, З. Гиппиус) и «младшие» (А. Белый, Вяч. Иванов), разделяли христиански-социалистические представления Достоевского и Вл. Соловьева, их убежденность в том, что «Красота спасет мир», что она – «первая сила» в борьбе со злом и вместе с Добром и Истиной залог грядущего «всеединства», мировой гармонии. Слова Гоголя «В душе ключ всего» понимались расширительно; панацея духовно-нравственного преобразования человека как пути к обновлению общества принималась во множестве вариантов (масоны, «любомудры», славянофилы, Достоевский, Л. Толстой). В то же

время культура символизма впитала и влияния Шопенгауэра, Ницше, Уайльда, Эдгара По, а также французских и бельгийских поэтов 50–90-х годов XIX в. (Бодлер, Верлен, Малларме, Метерлинк, Верхарн). Весьма существенным был опыт отечественной поэзии – Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, а также Полонского, Фофанова, Случевского.

Среди разнонаправленных духовных исканий времени русские символисты обеих групп оказались на линии «борьбы за идеализм», усилившейся в конце века в противовес распространению материализма. Они разделяли идеи Вл. Соловьева о том, что капиталистический строй дробит личность, сеет «атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в культуре» и что материализм есть порождение буржуазного сознания. Символистов привлекала та критика материалистической философии и эстетики, в частности идей русских революционных демократов, которую развернул в 90-е годы А. Волынский в журнале «Северный вестник». Аналогичный смысл имела война с поздним передвижничеством в первом журнале русских модернистов «Мир искусства» (1899–1904), организованном С. Дягилевым и А. Бенуа¹¹².

Зимой 1912—1913 гг. несколько молодых поэтов бодро отделились от символизма как литературной школы; при этом, как пишет В. М. Жирмунский в ст. «Преодолевшие символизм», они не очень удачно «назвали свое новое направление туманным и невыразительным именем акмеизма. Вскоре после этого акмеистами был основан маленький стихотворный журнал и при нем издательство «Гиперборей». О философских и художественных причинах расхождений этой молодежи с символистами поведали миру акмеистические манифесты Н. Гумилева и С. Городецкого».

Из работы Н.С.Гумилева «Наследие символизма и акмеизм».

«Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает. И то, что символические произведения уже почти не появляются, а если и появляются, то крайне слабые, даже с точки зрения символизма, и

то, что все чаще и чаще раздаются голоса в пользу пересмотра еще так недавно бесспорных ценностей и репутаций, и то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом.

На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, — акмеизм ли (от слова *akme* — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом.

Французский символизм, родоначальник всего символизма, как школы, выдвинул на передний план чисто литературные задачи, свободный стих, более своеобразный и зыбкий слог, метафору, вознесенную превыше всего, и пресловутую «теорию соответствий». Последнее выдает с головой его не романскую и следовательно не национальную, наносную пощву. Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, четко вырисовывающего линию; эта же символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика, могла родиться только в туманной мгле германских лесов. Мистик сказал бы, что символизм во Франции был прямым последствием Седана. Но, наряду с этим, он вскрыл во французской литературе аристократическую жажду редкого и трудно-достижимого и таким образом спас ее от угрожавшего ей вульгарного натурализма.

Мы, русские, не можем не считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение, о котором я говорил выше, отдает решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более чем когда-либо,

вольной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения. Головокружительность символических метафор приучила их к смелым поворотам мысли; зыбкость слов, к которым они прислушались, побудила искать в живой народной речи новых – с более устойчивым содержанием; и светлая ирония, не подрывающая корней нашей веры, – ирония, которая не могла не проявляться хоть изредка у романских писателей, – стала теперь на место той безнадежной немецкой серьезности, которую так возлелеяли наши символисты. Наконец, высоко ценя символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной «прекрасной трудности» двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления – всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Германский символизм в лице своих родоначальников Ницше и Ибсена выдвигал вопрос о роли человека в мироздании, индивидуума в обществе и разрешал его, находя какую-нибудь объективную цель или догмат, которым должно было служить. В этом сказывалось, что германский символизм не чувствует самоценности каждого явления, не нуждающегося ни в каком оправдании извне. Для нас иерархия в мире явлений – только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия – все явления братья.

Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье и наша трагедия – ежечасно угадывать то, чем будет следующий час для нас, для нашего дела, для всего мира, и торопить его приближение. И как высшая награда, ни на миг не останавливая нашего внимания, грезится нам образ

последнего часа, который не наступит никогда. Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним – открытая дверь. Здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней. Здесь индивидуализм в высшем своем напряжении творит общечеловечность. Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога. Здесь смерть – занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей, и во вдохновении игры мы презираем трусливое заглядывание – что же будет дальше? Как адамысты, мы немного лесные звери и, во всяком случае, не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастечность. Но тут время говорить русскому символизму.

Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа. И он вправе спросить идущее ему на смену течение, только ли звериными добродетелями оно может похвастать, и какое у него отношение к непознаваемому. Первое, что на такой допрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать. Второе – что все попытки в этом направлении – нецеломудренны. Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе. Бедность воображения обнаружит тот, кто эволюцию личности будет представлять себе всегда в условиях времени и пространства. Как можем мы вспоминать наши прежние существования (если это не явно литературный прием), когда мы были в бездне, где мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют? Ведь каждая из них отрицается нашим бытием и в свою очередь отрицает его. Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, – вот то, что нам дает неведомое. Франсуа Виллон, спрашивая, где теперь прекраснейшие дамы древности, отвечает сам себе горестным восклицанием:

...Mais ou sont les neiges d'antani

И это сильнее дает нам почувствовать нездешнее, чем целые томы рассуждений, на какой стороне луны находятся души усопших. ... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться. Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят. Что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы.

Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них – краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека; Рабле – тело и его радости, мудрую физиологичность; Виллон поведал нам о жизни, нисколько не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, – и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента – вот та мечта, которая объединяет сейчас между собою людей, так смело назвавших себя акмеистами» (Аполлон, 1913, №1).

Трогательное благородство и такт, с которыми Н. С. Гумилев говорит о значении символизма для русского искусства, называя его – достойным отцом, наследие которого он намерен развивать и продолжать, вызывает такое же горячее уважение к нему самому. Не поворачивается язык назвать «Цех поэтов» новым течением, хочется назвать его новой, третьей стихией русского символизма. Для наших бабушек и дедушек, выросших и возмужавших в атмосфере Серебряного века, боготво-

ривших Ибсена, Гамсуна, Гиппиус, Мережковского и Бальмонта и писавших стихи в подражание им, зачитывавшихся Тэффи и Чеховым, учившихся в частных студиях у Маковского и других художников-символистов, игравших на всех инструментах и всегда голосовавших за партию Милюкова, разделяя идеи настоящего, т. е. христианского, социализма, возражения Н. С. Гумилева против принципов символизма, может быть, и показались бы убедительными. Но сегодня, через почти сто лет после его статьи, после блестящего расцвета в XX веке русской философии, восходящей к В. С. Соловьеву, нам, знакомым с трудами скончавшегося в 1988 г. А. Ф. Лосева, в частности с его учением о символе, доводы Н. С. Гумилева против символизма кажутся несколько наивными.

Конечно же, «непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать». И безусловно, «все попытки в этом направлении – нецеломудренны». С этим трудно спорить, но что из этого? Кроме того, этим грехом мы не грешны, как и наши предшественники – по духу и по крови. Учение Канта о трансценсусе, которое любой нормальный человек исповедует, вовсе не предполагает «познавать непознаваемое» или вести себя нецеломудренно, а всего лишь призывает к «подвигу веры».

Кроме того, сегодня любому человеку известны основные достижения современной физики, которых, еще не было в то время. Сегодня все знают, что живая легенда XX века – Стивен Хокинг совместно с Пенроузом в конце столетия отстаивали, т. е. строго доказали, и сделали общепринятым учение русского физика начала XX века Фридмана о возникновении Вселенной в результате Большого Взрыва. С этого момента существует время и пространство. Известен даже возраст Мироздания – приблизительно 13 миллиардов лет. Примерно пять миллиардов лет тому назад возникла планета Земля и примерно четыре миллиарда лет назад в мировом океане зародилась жизнь. Вселенная расширяется, т. е. увеличивается в размерах, оставаясь замкнутой, таким образом вылетев в каком-нибудь направлении из некоторой точки человек через много миллионов лет

вернется в эту же точку с противоположной стороны. Является ли наша Земля центром расширяющейся Вселенной – большая часть физиков отвечает, что по-видимому нет, просто «из скромности», так как отсутствуют какие-либо основания как «за», так и «против» данного предположения. На вопрос о том, почему во Вселенной наблюдалось такое совершенно невероятное сочетание значений ее основных параметров, при котором только и могла возникнуть жизнь, большинство физиков отвечает так называемым «слабым антропным принципом»: если бы сочетание значений основных параметров было чуточку другим, то некому было бы это изучать. Слабый субъективистский довод. Его признает большинство физиков только потому, что не хочет смешивать две разные формы общественного сознания: науку и религию. Есть, правда еще «сильный антропный принцип», который утверждает, что имеется бесконечно много миров (или частей Вселенной) со всеми возможными сочетаниями параметров (т.е. континуум, да еще в большой степени, подобных мирозданий) и вот в одном из них (там, где мы находимся) это сочетание таково, что могла возникнуть жизнь. Однако этот принцип ничем не подтвержден и большая часть физиков выдвигает возражения против данного принципа.

В своей наиболее печально известной работе, направленной в частности против Маха и Авенариуса, «Материализм и эмпириокритицизм» В. Ульянов произносит свою самую известную фразу: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом». Картина мира по Ульянову это бесконечная в обе стороны ось равномерно текущего времени, бесконечное во все стороны однородное трехмерное пространство и бесконечная вглубь материя, у которой каждая частица состоит из еще более мелких частиц. Все как будто логично, почти механистическая картина Мироздания, правда, совершенно не соответствующая данным современного естествознания. При этом даже не материя, а ее временные свойства – пространство и время – возведены в ранг Абсолюта и поставлены на его место. В такой картине Мироздания доказать отсутствие Демиурга – дело техники, коль скоро это предположение уже положено в основу этой космо-

гонии. В действительности, ни одной бесконечности у материи быть не может, это свойство сознания. Причем самое интересное в «Материализме, или эмпириокриетинизме» – то, что догмат о неисчерпаемости материи вглубь нужен В. Ульянову для утверждения, что материя вовсе не исчезла, как показалось некоторым физикам начала XX века, а может бесконечно «измельчаться». Мало того, что незнание принципа неопределенности, так еще и логическое противоречие! Ведь именно из существования материи (которая в античную эпоху отождествлялась с веществом) как раз и исходили античные мыслители, чисто умозрительным путем приходя к существованию элементарных частиц, названных ими атомами. Если бы не было предела делению частиц на все более мелкие составляющие, – рассуждали древние, – то в пределе получился бы ноль, т. е. не существовало бы никакой материи. Сейчас все мы знаем, что у каждой элементарной частицы есть парная ей античастица, что они парами рождались из вакуума в минуты образования Вселенной и так же будут парами, вновь встретившись, исчезать, превращаясь снова в вакуум во время Хлопка.

Сегодня физики оптимистично обещают нам скоро разгадать до конца устройство Мироздания. Правда, при этом они повторяют, что даже тогда, когда будут до конца понимать, почему все устроено именно так, а не иначе, они и тогда не смогут ответить на главный вопрос: зачем все так?

«Даже если возможна всего одна единая теория – это просто набор правил и уравнений. Но что вдыхает жизнь в эти уравнения и создает Вселенную, которую они могли бы описывать? Обычный путь науки – построение математической модели – не может привести к ответу на вопрос о том, почему должна существовать Вселенная, которую будет описывать построенная модель. Почему Вселенная идет на все хлопоты существования? Неужели единая теория так все-таки сильна, что сама является причиной своей реализации? ...

Но если мы действительно откроем полную теорию, то со временем ее основные принципы станут доступны пониманию каждого, а не только нескольким специалистам. И тогда все

мы, философы, ученые и просто обычные люди, сможем принять участие в дискуссии о том, почему так произошло, что существуем мы и существует Вселенная. И если будет найден ответ на такой вопрос, это будет полным триумфом человеческого разума, ибо тогда нам станет понятен замысел Бога¹¹³»

Альберт Эйнштейн в своей статье «Религия и наука» утверждал, что для ученых немаловажным стимулом была их «глубокая вера в разумное начало мироздания». По его словам, «знание о том, что есть сокровенная Реальность, которая открывается нам как высшая Мудрость и блистающая Красота, – это знание и это ощущение есть ядро истинной религиозности».

В послесловии русского перевода книги С. Хокинга Я. А. Смородинский пишет:

«Нам может нравиться или не нравиться ход мыслей Хокинга, но от поставленных им вопросов уйти нельзя. ... В некоем смысле мы подошли к границе познания, и мы смущены самой сутью: может ли система (Вселенная и мы) быть устроена так, что часть ее – человек – способна понять все ее законы, включая законы собственного познания. Основное положение науки состоит в том, что мир реален и познаваем. Но очевидно ли, что он познаваем человеком?»¹¹⁴»

Итак, по мысли Я. А. Смородинского, мы снова стоим перед той же самой чертой, отделяющей познаваемое и непознаваемое, вернее, надеемся, что в скором времени будем стоять перед ней. И у нас снова те же задачи, что и у Мережковского сто лет назад.

17 апреля 1912 г. Блок подробно записывает свои впечатления от общения с Гумилевым и суждение о его формирующейся акмеистической теории: «... утверждение Гумилева, что «слово должно значить только то, что оно значит», как утверждение – глупо, но понятно психологически, как бунт против Вяч. Иванова и даже как желание развязаться с его авторитетом и деспотизмом. Вяч. Иванову свойственно миражами сверхискусства мешать искусству. «Символическая школа» – мутная вода. Связи quasi-реальные ведут к еще большему распылению. Когда мы («Новый путь», «Весы») боролись с умирающим, плоско-либеральным

псевдо-реализмом, это дело было реальным, мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределившимся и, может быть, своим Гумилевым, мы попадем под знак возрождения¹¹⁵». Позже в ст. «Без божества, без вдохновенья» Блок «положительно оценивает ранние идеи Гумилева и Городецкого, высказанные ими в манифестах 1913 г. на страницах «Аполлона», и связывает их идеи акмеизма и адамизма ... с собственными идеями о трансформации символизма, высказанными им в том же «Аполлоне» двумя годами раньше в ст. «О современном состоянии русского символизма».... Блок выделяет особо талант Анны Ахматовой и вновь и вновь ставит под сомнение ее «акмеистическую» сущность: «... не знаю, считала ли она себя «акмеистской»; во всяком случае, «расцвета физических и духовных сил» в ее усталой, болезненной, женской и самоуглубленной манере положительно нельзя было найти» (Т.6, С.180). Блок согласен с оценкой, данной поэзии Ахматовой Корнеем Чуковским: «аскетическая и монастырская по существу» и вводит ее имя в ряд тех настоящих поэтов, на голос которых откликнутся читатели – несмотря на их теории¹¹⁶ ...».

И, наверное, очень показателен тот факт, что А. В. Мень, вопрос о канонизации которого можно практически уже считать решенным, кроме В. С. Соловьева цитировал из поэтов Серебряного века отнюдь не символистов, а именно Н. С. Гумилева:

«Пусть человек вознесен над миром, ему при этом заповедано «возделывать и хранить» Божие создание. Ему важно помнить, что плоть его образована из «праха земного», что только печать Вечности делает его венцом творения. Не только в себе, но и в красоте Вселенной человек может увидеть отблеск Творца. Если перевести эту мысль на язык поэзии, то, пожалуй, лучше всего она выражена в строках Николая Гумилева:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
а жизнь людей мгновенна и убога.
Но все в себе вмещает человек,
который любит мир и верит в Бога¹¹⁷».

Приведем в заключение точку зрения еще одного великого символиста, на этот раз величайшего философа и филолога, относительно мало известного, и как музыковед и как поэт, – мыслителя, «Философию имени» которого Франк поставил в один ряд с гегелевской «Феноменологией духа» – А. Ф. Лосева.

В трактовке символа А. Лосев примыкает к традиции реалистического символизма. По мнению философа, «... символ не указывает на какую-то действительность, но есть сама эта действительность. Он не обозначает на какие-то вещи, но сам есть эта явленная и обозначенная вещь. Он ничего не означает такого, чем бы он сам не был. То, что он сам обозначает, и есть он сам; и то, что он есть сам по себе, то он и обозначает¹¹⁸».

«Апофатически определяя символ, А. Ф. Лосев сталкивается с необходимостью указания некоторых характерных черт понятия. Так, символ есть полная и абсолютная тождественность сущности и явления, реального и идеального, бесконечного и конечного. То есть речь идет об объединении в символе двух крайностей – материи и духа, феноменального и ноуменального, что отвечает функции символа как нечто связующего, хотя сам Лосев настаивает на том, что у символа нет непосредственной связи и содержательного тождества с символизируемым. Как же возможен символ? В концепции Лосева символ возможен, так как возможен язык, изначально и бессознательно связавший факт со смыслом. Язык, таким образом, бессознательно повторяет акт Творца. Символ бесконечен, так как он последовательно, звено за звеном, включается в уровни бесконечности, сохраняя при этом контакт с Абсолютом. Получается, что любой знак, если мы переводим его в план символической явленности, будет вести нас вверх по лестнице существ. Таким образом, в исследовании Лосева важен лингвистический поворот, который осуществляется в рамках символизма.

А. Ф. Лосев так же как и Флоренский настаивает на символической природе имени Бога. Если имя Божие есть такое явление миру и человеку сущности Божией, в котором она, оставаясь неименуемой и непостижимой, все-таки принимает доступные человечес-

кому уму формы видимого мира, значит, что имена Божии таят в себе символическую природу. То есть они в конечной форме говорят о бесконечной сущности Божией. Имена суть живые символы являющегося Бога, то есть суть сам Бог в своем явлении твари.

Символ не является застывшим понятием, застывшей структурой. Фундаментальная укорененность символа в сознании человека и в той реальности, с которой это сознание имеет дело, указывают на онтологическую природу символа.

Экзистенциальный аспект символизма Лосева состоит в том, что бытие, данное человеку в его восприятии, дано в своей осмысленности, тождественной смыслам индивидуального бытия данного человека. Таким образом, символизм является универсальным мироотношением, он обнаруживается и в обыденных переживаниях, и в самом глубоком, самом фундаментальном восприятии мира.

Символизм показан Лосевым как точка зрения, при которой действительность прежде всего духовно осваивается, при которой важны прежде всего смыслы¹¹⁹».

¹ История литературы как наука // Курганов Е. Опояз и Арзамас. СПб.: 1998.

² История литературы как наука // Курганов Е. Опояз и Арзамас. СПб.: 1998.

³ А. А. Фет. По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств.

⁴ А. А. Фет. Ответ «Новому времени» // Московские ведомости. 1891. 1 ноября.

⁵ Н. Н. Страхов. Заметки о Фете // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Т.1.XLVIII.

⁶ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., Наука, 1990.

⁷ Письмо А. А. Фета к К. Р. от 12 февраля 1888 г.

⁸ Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. М.: Лейпциг, 1900-1902. Т.3. С.266-267.

⁹ Письмо А. А. Фета к К. Р. от октября 1888 г.

¹⁰ Бухштаб Б.Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л.: Наука. 1990.

¹¹ Там же

¹² Русское слово. 1859. №2. Отд.2. С.77.

¹³ Предисловие // XV книг Превращения Овидия. М., 1887. С.V.

¹⁴ История литературы как наука // Курганов Е. Опояз и Арзамас. СПб.: 1998.

¹⁵ Гинзбург Л.Я. Пушкин и проблема реализма // О старом и новом. Л., 1982, с.100.

¹⁶ Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987, с.232.

- ¹⁷ Там же
- ¹⁸ Мандельштам О. О природе слова // Стихотворения. Проза. М., 2001, с. 513–518.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Мандельштам О. О природе слова // Стихотворения. Проза. М., 2001, с. 513–518.
- ²¹ Франк С.Л. Путь. Париж. 1928. № 9 С.89. См. также: Лосева В.М. Предисловие. С 11. // Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., «Мысль». 1997.
- ²² Солженицын А.И. «Образованищина» // Из-под глыб. М., 1974.
- ²³ Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. С.8.
- ²⁴ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.
- ²⁵ Иоанн Кронштадтский. — М., 1992. С. 275.
- ²⁶ Цит. по: Иоанн Кронштадтский. С. 364.
- ²⁷ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.
- ²⁸ Евлампиев И.И. История русской философии. М.: Высшая школа, 2002.
- ²⁹ Белый А. Критицизм и символизм // Весы. 1904. № 2. С. 3, 1.
- ³⁰ Чулков Г. Светлеют дали // Весы. 1904. № 3. С. 15.
- ³¹ Брызгалов И. А. Сокровенное в искусствах. — М., 1903. С. 52.
- ³² См.: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. — М., 1913. Ч. I — II.
- ³³ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.
- ³⁴ Иванов Вяч. Из области современных настроений // Весы. 1905. № 6. С. 37.
- ³⁵ Мурина Е.Б. Проблемы синтеза пространственных искусств. — М., 1982.
- ³⁶ Брюсов В. [Рец. на: E. Vergeren. Les villes Tentaculaires] // Весы. 1904. № 3. С. 55.
- ³⁷ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.
- ³⁸ См.: Весы. 1905. № 3. С. 86.
- ³⁹ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.
- ⁴⁰ См.: Весы. 1905. №3. С. 86.
- ⁴¹ Т. Г. По звездам (по поводу сборника статей Вяч. Иванова) // Золотое руно. 1905. № 5. С. 75.
- ⁴² Топорков А. О творческом и созидательном эстетизме // Золотое руно. 1909. №11-12. С. 71.
- ⁴³ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004. С. 10.
- ⁴⁴ Иванов Вяч. Борозды и межи. — М., 1916. С. 152—157, 130.
- ⁴⁵ Бугаев Б. (А. Белый). Детская свистулька // Весы. 1907. № 8. С. 55, 57.
- ⁴⁶ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004. С. 11.
- ⁴⁷ Иванов Вяч. О веселом мастерстве и умном веселии // Золотое руно. 1907. № 5. С. 54.
- ⁴⁸ Тастевен Г. Ницше и современный кризис // Золотое руно. 1907. № 7—9. С. 115.
- ⁴⁹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1976. С. 190.
- ⁵⁰ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004.

- ⁵¹ Соловьев Вл. Собр. соч. и писем: В 15 т. (репринтное воспроизведение). – М., 1993. – Т. 2. С. V.
- ⁵² Соловьев Вл. Собр. соч. и писем: В 15 т. — М., 1992. — Т. 1. С. 246.
- ⁵³ Соловьев Вл. Собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. С. X.
- ⁵⁴ Иванов Вяч. Из области современных настроений // Весы. 1905. № 6, С. 37.
- ⁵⁵ Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. М., 2004. С. 31.
- ⁵⁶ Иванов Вяч. Родное и вселенское. — М., 1918. С. 107, 37.
- ⁵⁷ Сабанеев Л. Скрябин. — М., 1916. С. 43.
- ⁵⁸ Минералова И.Г. Там же.
- ⁵⁹ Белый А. Символизм. — М., 1910. С. 191.
- ⁶⁰ Белый А. Указ. соч. С. 449.
- ⁶¹ Жаков К. Основы эволюционной теории познания. С. 119.
- ⁶² Бальмонт К.Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. — М., 1917. С. 18–22, 3–4.
- ⁶³ Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Золотое руно. 1907. №5. С. 53–54.
- ⁶⁴ Иванов Вяч. Борозды и межи. — М., 1916. С. 346.
- ⁶⁵ Иванов Вяч. Борозды и межи. С. 346—347.
- ⁶⁶ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005. С.29.
- ⁶⁷ Гарин И.И. Серебряный век: в 3-х т. / М., 1999. Т.1. С.5.
- ⁶⁸ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁶⁹ Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Русская литература XX века. Дюктябрьский период: хрестоматия: пособие для студ. пед. ин-тов. / сост. Н.А.Трифонов. 4-ое изд. М., 1980. С. 467.
- ⁷⁰ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁷¹ Минц З.Г. Модернизм в искусстве и модернист в жизни // З. Г. Минц По этика русского символизма СПб.: «ИСКУССТВО-СПб», 2004.
- ⁷² Гарин И.И. Серебряный век: в 3-х т. / М., 1999. Т.1. С.254.
- ⁷³ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁷⁴ Быт. 28:11 и сл.
- ⁷⁵ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁷⁶ Там же
- ⁷⁷ Мережковский Д.С. Революция и религия // Павел I. Александр I. Больная Россия. М., 1989. С.687–688.

- ⁷⁸ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁷⁹ Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. №4.
- ⁸⁰ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁸¹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И.Тимофеев, С.В.Тураев. М., 1974.
- ⁸² Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. С.18–19.
- ⁸³ Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. №4. С.125–126.
- ⁸⁴ Там же
- ⁸⁵ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁸⁶ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И.Тимофеев, С.В.Тураев. М., 1974.
- ⁸⁷ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁸⁸ Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избр. тр. / Л., 1977. С.217.
- ⁸⁹ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁹⁰ Большой путеводитель по Библии: пер. с нем. М., 1993.
- ⁹¹ Карсолова Е.В. «Серебряный век» русской поэзии: пособие для учителей. М., 1996.
- ⁹² Ермилова Е. К природе символа в поэзии Блока // Блок и современность. М., 1981.
- ⁹³ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁹⁴ Иванов В. И. Поэт и чернь // Иванов В. И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. М., 1995. С. 36.
- ⁹⁵ Минц З.Г. Модернизм в искусстве и модернист в жизни // З. Г. Минц Поэтика русского символизма СПб.: «ИСКУССТВО-СПб», 2004.
- ⁹⁶ Там же
- ⁹⁷ Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- ⁹⁸ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ⁹⁹ Холшевников В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. под. ред. В.Е.Холшевникова. Л., 1985.

- ¹⁰⁰ Грушевицкая Т.Г. Словарь по мировой художественной культуре / Т.Г.Грушевицкая, М.А.Гузик, А.П.Садохин, под ред. А.П.Садохина. М., 2001.
- ¹⁰¹ Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Русская литература XX века. Дооктябрьский период: хрестоматия: пособие для студ. пед. ин-тов. / сост. Н.А.Трифонов. 4-ое изд. М., 1980. С. 467.
- ¹⁰² Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Русская литература XX века. Дооктябрьский период: хрестоматия: пособие для студ. пед. ин-тов. / сост. Н.А.Трифонов. 4-ое изд. М., 1980. С. 470-471.
- ¹⁰³ Там же. С.472.
- ¹⁰⁴ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ¹⁰⁵ Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
- ¹⁰⁶ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ¹⁰⁷ Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-ое изд. доп. 1974. С.343.
- ¹⁰⁸ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ¹⁰⁹ Гарин И.И. Серебряный век: в 3-х т. / М., 1999. Т.1. С.116–118.
- ¹¹⁰ Чекалина Н.Г. Лингвокультурологические основы изучения поэтической речи / Волгоград, 2005.
- ¹¹¹ Кумпан К.А. Д. С. Мережковский–поэт (У истоков нового религиозного сознания) // Д. С. Мережковский. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.
- ¹¹² Корецкая И. В. Символизм: [Русская литература на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983 – Т. 8. – 1994. – С. 78–94.
- ¹¹³ Стивен Хокинг. Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. Амфора. 1989.
- ¹¹⁴ Там же. Послесловие. Я. А. Смородинский. Декабрь 1989 г.
- ¹¹⁵ Блок А.А. Собрание сочинений. Т.7. С.140.
- ¹¹⁶ Королева Н.В. З.Н.Гиппиус и А.А.Ахматова // Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., ИМЛИ РАН. 2002. С.337.
- ¹¹⁷ Мень А.В. Познание добра и зла.
- ¹¹⁸ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос // Составитель и редактор А.А. Тахо – Годи, М.: Мысль, – 1993, с. 876.
- ¹¹⁹ Медведева М. Л. Символизм А. Ф. Лосева. Журнал Общества ревнителей русской философии. Вып.7. 2005.

В альманахе использованы иллюстрации художников:

Анна АВТУХОВА. Студентка ФЭМ

Марина АНТОНОВА. Студентка ФЭМ

Елена БАКСИНЕР

Студентка ФЭМ. Профессиональный художник

Павел БЕКЛЕШОВ

Студент ФЭМ. Художник и председатель Студ. совета

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Член правления Союза писателей Лен обл и СПб

Ольга ВЕСЕЛОВСКАЯ. Профессиональный художник

Александра ВОЛКОВА. Слушательница детского сада

Катя ЗАРХ. Профессиональный художник

Ксения КАЗАКОВА. Профессиональный художник

Валерия КОКОВКИНА. Студентка ФЭМ

Анна КОНСТАНТИНОВА. Студентка ФЭМ

Художник и профсоюзный деятель. «Мисс Проф. Союз ЭТУ» 2004 г.

Юрий КОРОЛЁВ. Студент ФКТИ

Юлия МЕДЮШКО. Студентка ФЭМ

Мария ПАРФЁНОВА. Студентка ФЭМ

Сергей СИМКИН. Профессиональный художник

Валерия СМЕРНОВА. Студентка ФЭМ.

Содержание

Коллоквиум по природопользованию.....	3
Валерий АЙРАПЕТЯН	
«Нева близка, как черный небосвод...».....	4
Дарья БЕРТОВА	
«Город, притаившись в ночи...».....	4
Виктория БОРИЦЕВСКАЯ	
Василеостровское.....	5
Ксения БУРЖСКАЯ	
«Таков мой город зимой...».....	5
Юлия ВЕРТЕЛА	
Хрущевки	6
Олег ИЛЬИН	
«Мне повезло. Мне утр ранних солнце...».....	7
Юлия КИРИЕНКО	
Чёрно-белая трагичность.....	7
Антонина КАРИМОВА	
«Близорукие фонари...».....	8
Алексей КОРОЛЕВ	
Полукруглый мостик в ботаническом саду.....	9
Юрий КОРОЛЕВ	
Лезвие крыши.....	9
Алексей ЛОТОЦКИЙ	
Петру.....	10
Антон ПОГРЕБНЯК	
№2.....	11
Максим ШВЕЦ	
«Город каменных львов...».....	12
На экзамене: Кто виноват?.....	13
Валерий АЙРАПЕТЯН	
Ходок.....	14
Александра ДЖАЛИЕВА	
Зимняя фантазия.....	26
Зимне-весенняя фантазия. Пародия на меня.....	43
Олег ИЛЬИН	
Роман в письмах.....	46
Четыре четверти четверной четверки.....	58
Чувак в шляпе.....	59
Отбрасывающая штаны.....	60

Элина ЛАПП	
Вещи мёбиуса.....	60
Станислав ПОЧЕБУТ	
Она.....	62
День рождения.....	64
Елизавета ТАРШИС	
«...Мы учились вместе с первого класса...».....	66
Алишер ШАРИПОВ	
Феликс.....	68
Лабораторный практикум: Что делать?.....	74
Анна АВДЕЙЧИК	
«Знаешь, милый, я схожу с ума...».....	75
Анна АВТУХОВА	
Дневниковые записи на полях конспекта	
1. Маленький Принц.....	75
2. Мое стихотворчество.....	75
3. Парадокс.....	76
4. Праздник-праздник.....	76
Валерий АЙРАПЕТЯН	
«Мир взят в аренду местным театром кукол...».....	76
Ночь детской больницы.....	77
«Такая тишина, что ухо...».....	77
«Время непостижимо в смысле...».....	78
Поэту Юре Королёву.....	78
Надежда АФАНАСЬЕВА	
Наше вечное «нет».....	80
Фантом.....	80
Ангелу.....	81
Надежда БАРАНОВА	
Посвящается классикам.....	81
Многоточия.....	82
«Уже почти зима. Хрустит ледок на лужах...».....	82
«Слышишь: соль дизез – до дизез – ми...».....	82
«Я не хочу казаться пафосной...».....	83
«Вечная обреченность на тихое одиночество...».....	83
Марина БАХЕНСКАЯ	
«Когда зима нас белым блеском...».....	84
Выбор.....	85

Павел БЕКЛЕШОВ	
Лене Баксинер.....	85
«Люблю цветы...».....	86
Дарья БЕРТОВА	
«Ты уходишь тихо по-английски...».....	86
Будильник.....	86
Катерина БОНДАРЕВА	
Стихххххх.....	87
Виктория БОРЩЕВСКАЯ	
«Уставшая Парка иные плетет кружева...».....	89
Без маски.....	89
Песня.....	90
Ксения БУРЖСКАЯ	
«Она сводит меня с ума...».....	91
«Вечера в театральных пабах...».....	92
«Ее пальцы ударились...».....	92
Альбина ВОЙТОВИЧ	
Слишком рано пришла зима.....	93
Неродившейся дочке.....	94
Тишины!.....	94
Анна ВОСТРИЛОВА	
«Ты осталась одна на мгновение...».....	95
«Вокруг зелено...».....	96
Олег ГОСТЕВ	
«Осень фонарей вечерних...».....	97
Екатерина ДЕДУХ	
Семиструнная вечность.....	98
Памятник.....	98
Север.....	98
Нарисованный дом.....	99
Ольга ДЬЯКОВА	
«Мне казалось мы знаем друг друга давно...».....	100
«Ветер страдания разносит по свету...».....	100
Катя ЗАРХ	
«Совпадая с тобой...».....	101
«После заката...».....	101
«Златоногой осени медь...».....	101
«А пока мы были вместе...».....	102
«Я буду помнить лето будней...».....	102

Олег ИЛЬИН	
Полет Жужеля.....	102
«Пустоцветущо как-то на душе...».....	103
«В мой мир врываются во тьме перепела...».....	103
«Фотошепотом кликну тебя...».....	103
Хождение по мухам.....	104
«Собачка по имени Тузик...».....	105
Юлия КИРИЕНКО	
«Грустная осень, пустые мечты...».....	106
«Сегодня солнце на заре...».....	106
«Распиши моё тело любовью...».....	107
Алиса КЛИО	
«На базе отдыха...».....	107
Воспоминание.....	108
«Целые лужи неба стоят на пути весны...».....	108
«Сводим вместе Мужчину и Женщину...».....	109
Александр КОРОЛЕВ	
«Так неожиданно возник...».....	109
У окна.....	111
Алексей КОРОЛЕВ	
«Как гордо вознеслась она...».....	111
«Когда твой мозг ударом сотрясен...».....	112
Рассказ Св. Апостола Матфея.....	113
Галине Сергеевне Гампер.....	114
Юрий КОРОЛЕВ	
Менделеев.....	117
«Если души танцуют танго на перекрёстке взглядов...».....	117
Марьяж.....	118
Как я менял лампочку.....	118
Наводнение.....	119
Блюз № 0.....	119
Лада КОРОЛЕВА	
Воспоминание об октябре.....	120
Дождик за окном.....	121
Мария КУДРЯВЦЕВА	
Завершающее.....	122
Русское.....	123

Элина ЛАПШ	
Там.....	123
Я тебе подарю.....	124
«Помнишь избушку из серого бруса...».....	124
«Ни судить, ни рядить, ни молчать не хочу...».....	124
«Повела зажигалкою...».....	125
«Посмотри в моё окно...».....	125
Алексей ЛЕБЕДЕВ	
«Я опоздал на скорый поезд...».....	126
Нарисованная любовь.....	126
«В моем доме для тебя всегда найдется место...».....	127
Алексей ЛОТОЦКИЙ	
«Это становится призрачно, как лишь ночью...».....	128
Блюз.....	129
Стоп.....	129
«Я иногда бываю гений...».....	131
Валерий ЛУКИН	
«Пластин, пластмасса и резина...».....	131
Комната.....	132
«Тут от меня не много, что осталось...».....	132
«Свалка детей-инвалидов...».....	132
«Небо превратилось в кусочек ваты...».....	133
Ольга ЛЯТОС	
«Я вся дрожу...».....	133
«Мои среди границ ветров...».....	134
Валентина МАКАРОВА	
«Когда меня встревожит память...».....	134
«Иногда бывает тихий вечер...».....	134
«Зачем волненья и тревоги...».....	135
Александр МАСЛЕННИКОВ	
Невское.....	136
«Вот и вышло опять по делам да по тайным утехам...».....	136
«Начни, мой друг, начни...».....	137
Наталия МИЛОВА	
«Я вижу и пишу...».....	137
«В этом городе тихом притаились мишени...».....	138
«Неистовство слов в потоке кружится...».....	138

Екатерина МИТИНА	
После посещения выставки Шагала.....	139
«Мой рассеянный, грустный Ангел...».....	139
К А***	140
«О невысказанном грусть...».....	140
Алена МИХАЙЛОВА	
Глаза.....	141
Иллюзия.....	141
L-кот.....	142
L-коту.....	142
Галина МУС	
Париж - 2007.....	143
Анна НЕЧАЕВА	
«Опусти глаза, но не голову...».....	145
Анна НИКИТИНА	
Потерянная.....	145
Боязни света посвящается.....	146
Александр ПАК	
Павловский парк.....	147
Рифмы.....	147
Голубь.....	148
Леди Джейн.....	149
Антон ПОГРЕБНЯК	
Грачи прилетели.....	150
Оленьке.....	150
Мария ПОПОВА	
«Пройдусь с протянутой рукой...».....	151
«Уйти в свой мир, где музыка метро...».....	152
Ошибка! Закладка не определена.....	152
«По термометру показывают хоррор...».....	152
Нина ПОСТНИКОВА	
«За окошком пурга и пурга...».....	153
«Пришло утро...».....	153
«Селедки в бочке...».....	154
«Древние камни ищут покоя...».....	154
Станислав ПОЧЕБУТ	
Посвящается детям, погибшим в Беслане.....	154
Судьба.....	155
Господь простит.....	155

Андрей РОДИОНОВ	
«Когда кукушка замолчит, и перестанут раздаваться...»	156
«У реки меж кладбищем и храмом...»	156
«Недобитой собаке сохраняется право на жизнь...»	157
Александр САВИЧ	
«Давно ушло цветенье мая...»	157
Юлия САШИНА	
Лебеди	159
Love you	159
«Слеза, прозрачно-чистая...»	159
Лилия СИРОТКИНА	
Портрет	160
«Пушистый снег на ветке чёрной...»	161
«Поймешь ли ты меня...»	161
Ольга СКРЫНСКАЯ	
«Говорят, чтобы тебя забыть...»	162
«Сижу одна, схожу с ума...»	163
Анастасия СОЛОВЬЕВА	
«На зеленые листья...»	163
Анастасия СОКОЛОВА	
Запретный плод	164
«Пошлю тебе свой поцелуй с ночной звездой...»	165
«Дождем прохладным постучалась в окна осень...»	165
Юлия СОРОКИНА	
«Объята странным, смутным ожиданием...»	165
«Помнишь, как в тихом дождливом лесу...»	166
Тамара СЫРОТИНСКАЯ	
«Однажды...»	166
«Доверяю тебе, возьми душу мою от меня...»	167
Варвара ТАЛАКИНА	
По следам после дам	168
Манифесты	168
«Не пробуй описать лампу...»	171
Индийская зима	171
Александр ТАНКОВ	
«Это жизни жар и жалость, жар и жалость...»	173
«В охапке, в ворохе...»	174

«В слове «гексаметр» больше железа...».....	175
«Вот и лето – кооперативное, щекотное...».....	175
Рождество в Лондоне.....	176
Анна ТУРКОВА	
Это был не ты.....	176
И ты, и я.....	177
Шаг за шагом.....	178
Ностальгия.....	179
Татьяна УСПЕНСКАЯ	
«Не первый год идешь своей тропой...».....	180
Наталья ХАРИТОНОВА	
Словно в мире анимэ.....	181
Затвори свою дверь.....	181
Пётр ЧАЙКОВСКИЙ	
Ландыши.....	182
Евгений ЧЕГЛАКОВ	
«Ты дома сидишь и дрожащей рукой...».....	182
Максим ШВЕЦ	
Портрет.....	184
«Ты – утреннее солнце в тишине...».....	185
Легко ли любить?.....	185
Мария ШЛЯХТЕНКО	
«Из неперменного – так надо...».....	186
«Не бейте собаку, она умерла...».....	186
«Руками горячими за плечи уставшие...».....	187
Анастасия ЩУКИНА	
Танец декабрьских душ.....	187
Король умер. Да здравствует король!.....	188
Обезьяна и ёж.....	189
Владимир ЯКОВЛЕВ	
Неизбывное.....	189
На семинаре – «Котострофика».....	190
Поль ВЕРЛЕН	
Женщина и кошка.....	191
Павел БЕКЛЕШОВ	
«Сменяет ночь закатом день...».....	191
Дарья БЕРТОВА	
Моей кошке Ксюшке посвящается.....	192

Морис КАРЕМ	
«Мой кот глаза открыл...».....	193
Александр КОРОЛЕВ	
Время белого кота.....	193
Виктория БОРЩЕВСКАЯ	
Закатная зарисовка.....	194
Олег ИЛЬИН	
Гроза.....	196
Кассандра ИСАЕВА	
Письма римской кошки друзьям И.Бродского.....	197
Юрий КОРОЛЁВ	
Рыба-Пила.....	198
Алексей ЛЕБЕДЕВ	
Путники заката.....	199
Валентина МАКАРОВА	
«Ты знаешь, я дома одна...».....	200
Александр МАСЛОБОЙНИКОВ	
«Порой весёлой мая...».....	200
Екатерина МИТИНА	
Летний дождь.....	201
Александр ПАК	
Быть или не быть.....	202
Анастасия ЩУКИНА	
Кошка.....	203
Ролевая игра «Отцы и дети».....	204
<i>ЛИТО ЛЭТИ 70-х</i>	
Нина АЛЕКСЕЕВА	
«Мои ноги гудят...».....	205
Любовь ИСАЕВА	
Вечер.....	205
Любимой поэтессе.....	206
Кактус.....	206
Юности.....	207
Марина МАКАРОВА	
«Усмехнусь, прикоснусь губами...».....	207
Херсонес.....	207
«Я встречаю тебя – этот день – колдовство...».....	208

Елена СУББОТЕНКО	
«Ступай и здравствуй...».....	208
Новогоднее.....	208
<i>ЛИТО «ЗАПОВЕДНИК»</i>	
Илья АВРУНИН	
Слепой и глухой.....	210
Юля АМОСКОВА, Вероника БУКАЛИНА, Лиза ДОМАХИНА, Тоня ГОЛЫЖБИНА	
Каракули-маракули.....	211
Александр БОРЕВИЧ	
Если бы я мог летать.....	212
Мечта.....	213
Вероника БУКАЛИНА	
«Люблю ходить я за грибами...».....	213
Оксана ВИМБА	
Неизвестный солдат.....	214
Даша ВОРОБЬЕВА	
Лимереки.....	214
Вика ЕГОРОВА	
Непогода.....	214
Настя ЗАХАРОВА	
Колыбельная для солнца.....	215
Аня ЗУБАНОВА	
Лошади.....	215
Антон КАЛИНКИН	
Предлетье.....	216
Даша САДОВНИКОВА, Карина КАПИТОНОВА	
Ежик в тумане.....	216
Сергей КАРПОВ	
Цветок.....	216
Алена КИРИЛЛОВЫХ	
Роза.....	217
Катя КЛИМЕНКО	
Пегас.....	217
Маша КОВАЛЕВА	
Песенка про лето.....	218
Ира ЛЕБЕДКИНА	
Каким бывает утро.....	219

Айли СМЕРНОВА, Таня МАГАЛИЕВА	
Снежинки.....	219
Оля МУРАДЯН	
Песня о весне.....	220
Наташа НАРЫШКИНА	
Сердце.....	220
Катя НИГАЙ	
Про кота.....	221
Саша СПИРИДОНОВА	
Наш класс.....	221
Даша ТКАЧУК	
Луна.....	222
Саша УЗЮМОВА	
Что нам надо.....	222
Миша ФЕДОРОВ	
Мотоцикл.....	222
Саша ЧЕТВЕРТУХИН	
Если хочешь.....	223
Лекции по социальной антропологии.....	224
Алексей КОРОЛЕВ	
«Ты мне так сказала при нашей встрече...».....	225
Лада КОРОЛЕВА	
Гроза.....	226
Жан МОРЕАС	
«Суний, Суний родной, край земли величавый...».....	227
«О свет, небосвод голубой наводнивший...».....	227
Максим ШВЕЦ	
«Облачко розовое...».....	228
«Песок, как ветвь, и платье, как песок...».....	229
Филиал ЛИТО ЛЭТИ в Де-Кастри.....	230
Г. ГОРЬЕВА	
Осень в Де-Кастри.....	231
Ю. КУНИЦЫНА	
Письмо Де-Кастри.....	231
В. СУКАЧЁВ	
Двое.....	232
И. ХОХЛУШИНА	
«Война, война, опять война!».....	232
Г. ЩЕРБАКОВА	
Что такое Россия?.....	232
«Четвёртый день в посёлке непогода...».....	233

Методичка по иностранному языку.....	234
<i>Переводы Александра КОРОЛЁВА</i>	
Морис МЕТЕРЛИНК	
Листва души.....	235
Стюарт МЕРРИЛЛЬ	
Ноктюрн.....	235
Эфраим МИКАЭЛЬ	
Сиянья.....	236
Жан ЛОРРЕС	
Зимний сад.....	237
Жан МОРЕАС	
«Вернется осень и сухие листья...».....	238
«О облака, не знаете вы сами...».....	239
Шарль ВАН ЛЕРБЕРГ	
В лесу спящей красавицы.....	239
«Дрожат муаровые волны...».....	239
Поль ВАЛЕРИ	
Шаги.....	240
Факультатив по культурологии.....	241
Занятие №1. Введение. О литературных стилях.....	242
Занятие №2. О Духовной атмосфере серебряного века.....	253
Занятие №3. Серебрянный век. Символизм.....	267
Занятие №4. Серебрянный век. Акмеизм.....	289
Занятие №5. Литературные манифесты.....	294

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме» (ИП Генкин А.Д.)

Подписано в печать 02.07.2007 Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21. Тираж 500. Заказ № 873

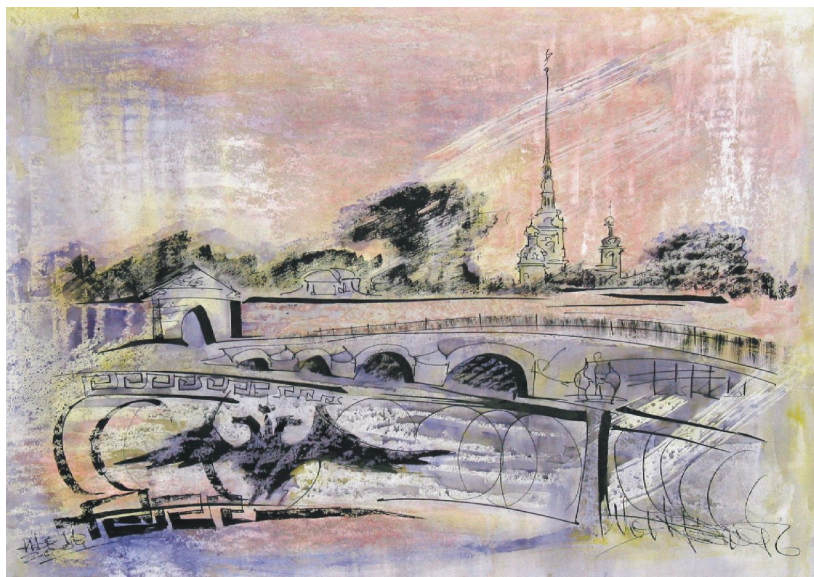
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40

Тел./факс (812) 766 05 66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru

Катя Зарх
Бумага, акварель, тушь
2003г.

Елена Баксинер

Павел Беклешев

Сергей Симкин
Художник и модель.
Холст,масло. 70х100
1997г.

Смирнова Валерия
пастель, 2007.

Анна Константинова

Юрий Королев

Ксения Казакова